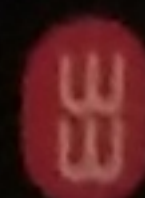




# 60 ЛЕТ

КИТАЙСКАЯ ИСТОРИЯ  
ОДНОГО РОССИЯНИНА

Главный редактор Лю Юн



ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ





**60 ЛЕТ:**

**КИТАЙСКАЯ ИСТОРИЯ  
ОДНОГО РОССИЯНИНА**

**Главный редактор Лю Юн**



ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Первое издание 2017

ISBN 978-7-119-

Издательство литературы на иностранных языках

КНР, 100037, Пекин, ул. Байваньчжуангу, 24

Распространитель: Китайская компания

международной книжной торговли

(ГОЦЗИ ШУДЯНЬ)

КНР, 100044, Пекин, ул. Чэгуанчжуансилу, 35

П/я №399

*Напечатано в Китайской Народной Республике*

## ЭКСПЕРТНАЯ КОМИССИЯ

### Председатели

Ма Сяньян, Го Юэ, Ли Чжицян, Фарисенкова Л. В.

### Заместители председателя

Ван Цзиньжун, Сюй Чжунсюй, Ши Кань, Кириллов В. А.

### Члены комиссии

Ню Цзиньшэн, Чжан Бэй, Лю Юйлун, У Сяодун

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

### Главный редактор

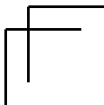
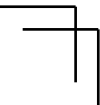
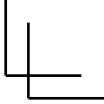
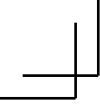
Лю Юн

### Заместители главного редактора

Сунь Даньянь, Цзэн Сяоцзя

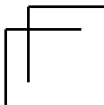
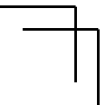
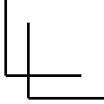
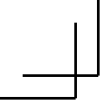
### Члены редколлегии

Инь Чанмин, Солодянкина Л. П., Ян Чжихань,  
Лю Фан, Гао Дэвэнь, Чжоу Бочжэн, Чжао Хунся,  
Томакс П. С., Санкин Т. В.



\*Русскоязычная версия данного издания получила возможность увидеть свет при всесильной материальной поддержке Издательства литературы на иностранных языках Китайского международного объединения издательств, а также Чэндуской ассоциации работников литературы и искусства





## Обращение к читателю посла РФ в КНР

### Зеркало человеческой судьбы

Эта книга раскрывает перед читателями судьбу Ахмета Хусаиновича Саинова – простого человека, выходца из России, нашедшего в Китае свою вторую родину.

Долгая жизнь Ахмета Саинова неразрывно связана с героическими и трагическими событиями истории XX века в России и Китае. Он прошел через две мировые войны, Гражданскую войну в России, войну Сопrotивления японским захватчикам.

Волей судьбы Ахмет Саинов, уже будучи взрослым человеком, оказался в Китае, в г. Чэнду. Здесь он обрел свое семейное счастье, здесь родились его сыновья и дочери – граждане нового Китая. За долгие годы вдали от России он не забыл своих корней, языка и культуры, основал в городе Чэнду «русский двор», положил начало систематическому изучению русского языка в китайской провинции Сычуань.

Работая сельским учителем, затем преподавателем русского языка в университете в городе Чэнду, Ахмет Саинов воспитал целое поколение будущих государственных чиновников, работников культуры и образования. Сегодня Сычуаньский университет является одним из признанных центров русистики в Китае.

В этом есть заслуга Ахмета Саинова.

Отдельных слов признательности заслуживают специалисты, без которых издание книги «60 лет: китайская история одного россиянина» было бы невозможным: профессора Лю Юн, Сунь Даньнянь и Цзэн Сяоцзя.

Благодаря их труду мы сегодня имеем возможность познакомиться с подлинными дневниковыми записями А. Х. Саинова. Уверен, что история человеческой судьбы, описанная на страницах книги, никого не оставит равнодушным.

А. ДЕНИСОВ

15 февраля 2016 года

г. Пекин

# ПРЕДИСЛОВИЕ

## Традиция дружбы передается из поколения в поколение

Эта книга – мемуары Саинова, человека, который оставил жизненный след в России и в Китае. В книге говорится о необычной истории, как Саинов покинул родные места и поехал в Китай, чтобы избежать войны. Родом Саинов из российского города Оренбурга, работал учителем русского языка до тех пор, пока не был призван в армию во время Первой мировой войны. Затем, чтобы избежать войны, он бежал в Маньчжурию, и с того момента началась его 65-летняя скитальческая жизнь по чужим углам. За 65 лет Саинов объехал больше половины Китая, от Харбина до Шанхая, затем Ухань, Чунцин, Чэнду. Большую часть жизни он провел в Китае.

Саинов взялся за писание мемуаров, когда ему было 80 лет, он описал свой жизненный опыт, в том числе свой переход из России в Китай, затем жизнь и работу в Чэнду. Его рукописи, старые фотографии и письма стали ценным материалом для восстановления хода событий того времени. С большим энтузиазмом, приложив много усилий, друзья детей Саинова, его бывшие ученики, а также незнакомые любители русского языка вместе перевели рукописи. Всех профессоров и ученых Центра изучения современной России Сычуаньского университета тронули ценные материалы в процессе обмена информацией с работающими

над переводом мемуаров. Таким образом, они внесли свой вклад в продолжение дружбы между Китаем и Россией, роль связующего звена которой сыграл Саинов.

Дружба между Китаем и Россией является традиционной и еще с периода СССР. Она основывается на братских отношениях, и обычный сельский русский учитель придал этой дружбе особое свечение. Он получил жестокое боевое крещение, испытал на чужбине одиночество и беспомощность, выжил в шаткие времена, и прилагал все силы, чтобы слиться с совершенно незнакомым ему миром. В своей жизни он видел смерть, расставания и неволю, но никогда не склонял голову перед судьбой. В России Саинов работал учителем, после того же, как убежал в Китай от войны, он стал работать шофером, автомехаником и продавцом фруктов, однако, реальные объективные условия не помешали ему укорениться на этой земле. Он не озлобился на весь мир из-за трудностей с работой, вместо этого он выразил этой земле, которая дала ему любовь, родственные чувства, дружбу и тесные отношения с учениками, благодарность путем преподавания.

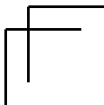
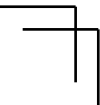
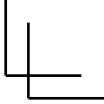
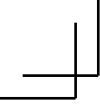
Многочисленные трудности за несколько десятилетий наполнили жизнь Саинова легендами и вышлифовали наполненное истинными и чистыми чувствами к Китаю и китайскому народу доброе сердце. Он, как русская березка, которая пустила в Китае корни и стала не только пышной, но и стала множиться. Для Саинова Китай стал не только второй Родиной, но еще и местом его возрождения, землей духовного возвышения и местом сеяния дружбы. Эта земля стала для него неким носителем духовности, колыбелью его успехов, а также плодородной землей зарождения российско-китайской дружбы.

Саинов – простой русский человек, который своим особым способом показал совсем не простую ценность человеческой жизни, чистосердечными поступками показал человеческую чистоту и красоту; простые жители города Чэнду, глубоко тронутые Саиновым, передают свой энтузиазм и бескорытность и нам. Таким образом, Центр изучения современной России Сычуаньского университета, узнав об этой книге, решил оказывать всяческую поддержку изданию книги.

Рукописи Саинова являются не только ценной исторической информацией, но и свидетельством дружбы народов Китая и России. Центр изучения современной России Сычуаньского университета является исследовательским органом, не только занимающимся исследованиями русской литературы, российско-китайских культурных отношений и других вопросов, но также и прилагает все силы укреплению взаимопонимания и традиционной дружбы народов двух стран, чтобы китайско-российская дружба передавалась из поколения в поколение, будет строить новый мост укрепления двухсторонней дружбы.

Центр изучения современной России Сычуаньского университета

20 мая 2015 года



# СОДЕРЖАНИЕ

## ВСТУПЛЕНИЕ

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РУКОПИСЬ САИНОВА А. Х.	3
1. Противостояние	4
2. Учительство	14
3. Ненависть к войне	20
4. Бегство	31
5. В поисках средств к существованию	50
6. Обретение семьи	71
7. Война сопротивления японским захватчикам	74
8. Годы учительства	92
9. В поисках корней через поколения	96

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЗАБЫТОЙ ИСТОРИИ	97
1. То памятное лето	100
2. Рикша, который говорит по-русски	104



3. «Современный рабочий»	107
4. Чтение вслух по очереди	110
5. Вылетевшая «пробка»	115
6. Не в силах проститься, объединяя пространства	118
7. Договоренность с Кругом друзей русского языка	127
8. Где ты, дорогой Андрей?	130
9. «Дешифровщик рукописей»	134
10. В поисках родственников: хоть раз бы увидеться в этой жизни	137

## **ПРИЛОЖЕНИЕ**

<b>БИОГРАФИЯ САИНОВА А. Х.</b>	143
1. Детство, юность и молодость	144
2. Испытания Первой мировой войны	146
3. Испытания гражданской войны в России	148
4. Хождения по китайской земле – в поисках средств к существованию	151
5. Капитан 3-го ранга, техник Сычуаньской дивизии в годы Антияпонской войны	155
6. Дом своими руками, в Чэнду на постоянное место жительства	159
7. И снова получение китайского гражданства	162

<b>Послесловие</b>	165
--------------------	-----

## ВСТУПЛЕНИЕ

Потомки, друзья, энтузиасты, любители русского языка и культуры, сведенные когда-то вместе судьбой – простые герои этой непростой истории, истории, которая продолжается...

В северном предместье города Чэнду, на Фениксовой горе, расположено кладбище. Там, среди стройных рядов камфорных деревьев стоит могила, на надгробной плите которой высечено: «Султан Саинов». В сентябре 2013 года на могилу пришла помянуть усопшего женщина лет восьмидесяти, с ней были



Саинов в молодости

ее внук и некоторые члены русскоговорящей общины города. Эта женщина – дочь похороненного здесь татарина российского происхождения, который в далеком 1919 году по воле судьбы оказался в городе Чэнду. Во время войны Сопrotивления японским захватчикам он служил механиком и шофером при командном штабе 21-й армии Лю Сяна в звании майора, встречался в свое время с Бородиным, служил водителем у таких влиятельных фигур, как Дэн Сихоу, Ма Дэчжай и других, а после освобождения Китая в 1949 году смог осуществить свою давнюю мечту учительства – преподавал русский язык в средней школе № 7 г. Чэнду, оставив после себя несметное количество великолепно подготовленных учеников, разлетевшихся теперь, как птицы, по всему свету.

Родившийся в 1893 году в городе Оренбурге Саинов, укрываясь от войны, был заброшен судьбой в далекие края. После участия в Первой

мировой войне попал в Китай, а после смерти Лю Сяна, поднявшись вверх по течению реки Янцзы, помог доставить из Ханькоу до Чунци-на две боевые штабные машины, не дав японцам завладеть китайской боевой техникой. Работал наладчиком на Китайской железной дороге, а после ухода на пенсию в 1961 году, вплоть до 90-летнего возраста, известный своим миролюбивым характером и высокими моральными качествами, Саинов безвозмездно помогал всем желающим обучиться русскому языку, посвятив, таким образом, большую часть из 65 прожитых в Китае лет делу культурного и языкового обмена между народами двух стран... В 1931 г. встретил свою большую любовь – красавицу Лань Лижун, они поженились, а после трагичных событий, взяв на себя обет, женился на ее младшей сестре. Их потомки – а это уже четвертое поколение – и сейчас проживают в г. Чэнду, являясь его коренными жителями.

Ахмет Саинов ушел из жизни в 1984 году в возрасте 91 года. В тот день до смертного часа он находился в бреду. Он что-то бормотал, но никто не смог разобрать его слов. Был ли то русский язык, или татарский? Покидал ли он этот мир с сожалением, и о чем грустило его сердце? 20 лет назад был обнаружен дневник, написанный рукой Саинова. В нем он аккуратно отмечал основные вехи своей удивительной жизни. Странствия на чужой земле, вечная разлука с Родиной, любовь и дружба, культурный диалог длиною в жизнь – что еще сохранилось на страницах этого дневника? Что пережил, прочувствовал и испытал этот человек, как создавал он эту доселе никому не виданную историю?

Давайте вместе перелистаем страницы рукописи, оставленные после себя Ахметом Саиновым – окунемся в таинственные воспоминания, пройдем по следам полной превратностей и испытаний человеческой жизни, вместе ощутим все те штормы и перемены столетней истории двух государств, которые перенес на своих плечах оренбургский татарин!



**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**  
**РУКОПИСЬ САИНОВА А. Х.**

## ПРОТИВОСТОЯНИЕ

*В 1914 г. после окончания педагогического института, Ахмет Хусаинович Саинов начал преподавательскую деятельность в одной из начальных школ родного края. Однако, Первая мировая война изменила все планы – Ахмет Саинов был призван на фронт и послан на передовую линию для противостояния немцу.*



Саинов в молодости



Что случилось в эту ночь с моими глазами, не понимаю. Мне будто завязали глаза, абсолютно ничего не мог разглядеть. Потом пришел солдат и отвел меня обратно. Мне дали какое-то лекарство и в другой раз эта слепота не повторилась. В первую ночь один подпоручик нашей роты, идя на разведку, хотел захватить меня с собой, но ротный командир не разрешил ему, объяснив ему, что новоприбывшему на фронт прежде всего необходимо ознакомиться с расположением своих позиций, только после ознакомления со своими позициями можно идти в разведку.

Как-то на отдыхе мы разговорились с одним молодым прапорщиком из нашей роты, который рассказал мне, что один младший лейтенант, идя в разведку, взял с собой новоприбывшего офицера, а вернулся с разведки с его трупом. Младший лейтенант доложил командиру роты, что немцы убили его, а он, выбрав момент, вынес его на своих плечах.

Здесь наши войска простояли всего несколько дней, и мне довелось побывать на самой передней линии фронта только два–три раза. Пришла смена, и нас отвели в одну деревню на отдых. Отдохнувши два дня, командный состав нашей роты пошел ознакомиться с заброшенными окопами и блиндажами, а также с местностью на случай отхода. Окопы были полны воды, блиндажи развалились.

Местность ровная, но болотистая – топкая. Как подход, так и отход от этих окопов очень плохой. Возвращались другим путем, но тоже не лучшим. Я следовал за другими и зорко приглядывался к окружающему, но как-то оступился и сразу погрузился по грудь. Это был брошенный окоп, залитый водой. Вода была очень холодная, потому что стояла осень. Меня сразу вытащили и мы пошли в деревню. Пока мы дошли до нашей деревни? На небе появились звезды. Вестовые на

улице готовили на кострах ужин. Переменив одежду и пощелкивая зубами от холода, я подсел к костру и стал греться. Думал, захвораю, но как с гуся вода. Даже не схватил насморка. Через два дня наш подпоручик заявил, что ему нездоровится и слег в постель. В это время через нашу деревню проезжало какое-то начальство. В сопровождении нашего ротного командира оно соизволило зайти в нашу избу.

Как полагается, услышав команду «господа офицеры!», все мы встали за исключением больного.

Поговорив немного с командиром роты и другими, начальство спросило: «Что этот человек отдыхает?» По-видимому, он увидел, что человек спит, так почему при входе начальства не вскакивает и не стоит по стойке “смирно”, ведь при его входе он ясно слышал команду «господа офицеры!». После этой команды все должны были встать. Ротный командир доложил ему, что подпоручик заболел. Этот начальник приказал немедленно отправить его в лазарет на освидетельствование. Потом начальство уехало. Больной в сопровождении своего поехал в лазарет. Через день его денщик, вернувшись из лазарета, собрал его вещи и сказал, что больного немедленно эвакуируют в тыловой лазарет, и так же уехал с ним, они оба были сибиряками. После его отъезда говорили, что через несколько дней после его отъезда приезжали делать дознание, но его не застали. Потом был слух (между солдатами), будто он по чужому документу стал подпоручиком, но насколько этот слух верен, что он по чужому документу стал подпоручиком, я не знаю. Наш полк, простояв на отдыхе 6 дней, опять пошел на смену, но на другой участок. Полк шел ускоренным маршем. Нам было приказано насколько можно двигаться быстрее и раньше сменить тот полк. Спешную смену полка с фронта в это время можно объяснить только тем, что в полку обнаружили неблагонадежность. Днем на встречу нам попала идущая часть с фронта на отдых, и между ними я увидел своего бывшего ротного командира 105 пехотного запасного

полка. Останавливаться не разрешалось, и мы успели крикнуть друг другу: «Доброго здоровья!» Сделав два малых привала и едва успев выкурить одну самокрутку, двинулись дальше. На ночь пришли на переднюю линию.



Нам строго приказано было не вступать в разговоры со сменяемым полком, говоря, что надо соблюдать тишину. Да мы и не могли вступать в разговоры, т.к. сменяемая часть, по-видимому, уходила одним ходом сообщения, а мы входили другим ходом. Высшее начальство, конечно, знало, почему спешно сменяем этот полк и поэтому строго-настроено запретило вступать с ними в разговоры. Сменив этот полк, мы выставили своих часовых по окопу, а так же секреты. Мы ходили несколько раз ночью проверять их. По уставу секреты не сменяются и не проверяются, а на деле было совсем другое. Солдаты, несмотря на опасность, засыпают или же занимаются куревом. Как же не проверять? Когда ушла сменившаяся часть, со стороны немцев на чисто русском языке один крикнул: «Эй, русские, русские, слушайте!» «Вы солдаты 548 Чугуевского полка пришли на новую позицию, ведите себя мирно – не стреляйте! Мы не будем стрелять, но если же не послушаетесь, то сравняем вас с землей». Не прошло и получаса, как мы вступили на эту позицию, а они уже знают какой мы части. Это удивительно. Как они так скоро узнают перемены у нас. Наутро через щели наблюдательного щита мы разглядели напротив наших окопов немецкий цементированный дзот, который находился от нас на очень близком расстоянии. Мой взвод как будто не обращал внимания на них, не высовывался из окопов и не рассматривал их расположение.



По линии фронта стояла тишина. На вторую ночь мы все-таки решили провести от секретов к нашей землянке-убежищу проволоку и у входа в землянку навесили пустые баночки из-под консервов. В случае чего, наш секрет мог дернуть за проволоку, и мы были бы предупреждены об опасности. В секрете, как известно, не разрешается разговаривать, а тем более курить. Но одному солдату, находившемуся в секрете, несмотря на запрет, захотелось покурить. Не имея спичек при себе, он пошел к другому секрету и, не рассчитавши, задел ногой за проволоку и произвел этим звон. Мы, конечно, сразу «в ружье» и выскочили из землянки. Тревога оказалась ложной, но мы опять услышали русскую речь: «Русь – слушай!» И они произвели точно такой же звон и спросили: «Хорошо или нет?» Значит, они хорошо прислушивались и наблюдали за нами. На участке моего взвода все обстояло благополучно: наши не стреляли и в нас немцы не стреляли, за исключением одного случая.

Настало утро, и за наблюдательный щит заступил на пост досрочного призыва 17-летний молодой солдат. Заступая на пост, я ему строго-настрого приказал ни под каким видом не высовываться из-за щита. Когда мы со взводным ушли в свою землянку немного по очереди поспать, молодой солдат не утерпел от любопытства, вставши на лесенку, высунулся из-за щита и в бинокль стал рассматривать немецкое расположение. Солдаты передали, что только один выстрел со стороны немцев и наш молодой солдат, как скошенный, упал с лесенки, успев крикнуть: «мама» и фуражку закусил зубами. И без бинокля хорошо был виден дзот, т.к. находился от нас не больше 1000 шагов. Значит, расстояние точно вымерено и конечно они могли бить без промаха.

После этого случая, все стали более осторожными, никто не высовывался из окопов. На правом фланге нашей роты через небольшую

реку «Десенка» стоял другой батальон. И вот в один прекрасный день офицеры в сопровождении штатного начальства взобрались на окопы и в бинокли стали рассматривать немецкие укрепления. У кого-то оказалась охотничья собака, которая все время рыскала между проволочными заграждениями. Мы все это наблюдали из своих окопов и удивлялись: наш только один высунулся, и его сразу уложили, а там стоит целая группа и никто их не тревожит. Насмотревшись, эта группа спустилась и отправилась по (землянкам – зачеркнуто) убежищам. Тогда немцы стали аккуратно долбить из орудий по ихним убежищам, несколько не ошибаясь. Эти места раньше занимали немецкие войска. Было много раненых и убитых. На наш же участок не выпустили ни одного снаряда.

Сдержали свое слово. Ведь мы, по ихнему совету, вели себя мирно. На этой позиции несколько раз был назначен на наблюдательную вышку, которая находилась в стороне от моего взвода приблизительно в полуверсте. С этой вышки мы должны были, в случае надобности, т.е. если наша артиллерия начнет обстреливать, то мы должны были корректировать наше попадание. На эту наблюдательную вышку был назначен в один вечер прапорщик Оточко, и он, услышав стук топоров (дело было после захода солнца), производимый немцами, вызвал по телефону нашу батарею. Батарея не успела еще дать выстрела, как там все утихло. После этого наша батарея послала три-четыре снаряда и замолчала. Немцы не тревожили и ни разу не обстреляли эту вышку. Почему? Этим заинтересовалось начальство. Ведь вышка эта заметная? И она несколько раз вызывала батарею. Почему же не обстреливают и не сбивают ее, а вокруг вышки все огромные деревья буквально изуродованы. Поэтому были вызваны охотники, т.е. добровольцы, на разведку с целью выяснить и устранить ее, если есть связь. Перед этой вышкой было большое озеро, а за озером опять немецкие позиции. И вот глубокой ночью, разведчики, состоящие исключительно

из солдат, обнаружили соединенный с нашим проводом провод этой вышки. Провод был искусно замаскирован и протянут через озеро под водой. Устранив эту связь, разведчики благополучно вернулись назад, и начальство соизволило дать им месячный отпуск. Побывать дома, в кругу родных не всякому удастся. Это может случиться только после ранения или контузии, выписавшись из госпиталя. Впереди окопов другой роты, через «Десенку» далеко за немецкими укреплениями был виден немецкий костел. Когда-то наша батарея нащупала этот костел, но разбить не разбила, а только немного покривила крест. С этого костела немцы могли хорошо наблюдать за нами. Так, например – если днем кто-либо посылался в тыл, то его допускали только до маленького памятника, стоящего у дороги, выводили его из строя либо ранив, либо убив.

Еще правее реки между нашими и немецкими окопами был хуторок «Пивовары». Ночью на разведку ходили туда наши и немцы, но ни разу столкновений между ними не было. Мы уходили, потом немцы приходили. И вот, в одну из разведок нашему одному из разведчиков показалось, что мусор с одной половицы пола будто сметен или, вернее, перевален на другую.

Хуторок был оставлен жителями. Кто же перевалил мусор? Раньше он не видел этого. Он заинтересовался этим и решил открыть половицу. Он открыл доску пола и увидел погреб. «Братцы, это погреб! Наверно есть немецкое пиво, айда вниз!» Открыли еще доску и, спустившись, они увидели большие пивные бочки; стали переворачивать, но они, к великому их огорчению, оказались пустыми без пива, но под одной последней бочкой нашли сидящего человека с телефоном в руке. И так они достали «языка». Про это мне рассказали наши разведчики. Я часто ухитрялся пробраться назад за окопы, садился в глубокую воронку, сделанную взрывом снаряда, и писал письма в Казань и домой, но ответа ни на одно письмо не получил. В один вечер по

всему немецкому фронту прокатилось громкое вроде «ура», но никакого движения у них мы не заметили. Немного спустя пришел связной от командира роты и передал, что немцы взяли Ригу. Здесь мы простояли до осени. Меня отправили в штаб 137 дивизии, где на собрании солдат мусульман я был выбран председателем мусульманского дивизионного комитета. Я отказывался, объясняя, что я молод и в политике не разбираюсь. Вместо себя просил выбрать другого, одного подпоручика, более старшего, но он, как мне передали, уехал в штаб армии к прапорщику Крыленко.



Действительно я в политике ничего не понимал, и в чем заключалась моя обязанность, тоже не знал, но солдаты заявили мне: «Ты служил царю, а теперь нам» и что когда будет собрание, то я должен присутствовать на нем, наблюдать за порядком и что вынесет собрание, то и проводить в жизнь. Секретарем был выбран молодой солдат Давлет-Кильдеев. Успели провести несколько собраний. Я и еще один солдат после первого собрания съездили в Казань, где накупили разных брошюр, книг и газет на татарском языке. У нас образовалась маленькая библиотека. К нам приходили и из соседней дивизии почитать газеты и забрать книжечки. Деньги на покупку у нас были от устроенного мусульманского вечера в день праздника окончания поста в большой деревне. На последующем собрании пошумели, покричали, постановили предварительно дать отпуска съездить домой, потом явиться на Румынский фронт, где будто сосредотачиваются мусульманские солдаты. Началась утечка солдат и на собрание немногие явились. Наступила зима. Солдаты были плохо обмундированы, мерзли в

окопах. В соседней дивизии генерала Юсупова началась дикая расправа с начальствующими лицами.

Спасшиеся бегством от расправы прибежали в русский комитет нашей 137-й дивизии и рассказали, что там творится. Недолго думая, секретарь русского комитета, молодой, но отчаянный еврей, поставил на сани пулемет и с двумя солдатами поехал туда. Он был прекрасным оратором и успокоил взволновавшихся солдат, а также спас несколько офицеров. Впоследствии на подписание перемирия с немцами поехал этот же молодой еврей-секретарь. По возвращении он рассказал нам, что после того, как они перешли первую линию проволочного заграждения, немцы завязали им глаза и, проводив за окопы, посадили в автомобили и довели до штаба. В помещении штаба развязали им глаза и пригласили на чашку кофе. Каждому сидевшему за столом был подан кофе и кусочек хлеба. Хлеб нарезан не толще бумаги, но все-таки с сыром. При переговорах был один молодой офицер-немец в качестве переводчика, который говорил на чистом русском языке. После переговоров мы поинтересовались, где он учился русскому языку. Немец ответил, что он студент Московского университета. После подписания перемирия началось открытое братание. Между проволочными заграждениями появились утопанные дорожки.

Немецкие солдаты начали выменивать у наших солдат хлеб, взамен отдавая часы, бритвы, одеяла и тому подобные вещи, но и наши солдаты не располагали излишком хлеба. Питание и у нас было неважное, да и не могло быть лучше. На высших постах в большинстве стояли генералы из обрусевших немцев. И жена царя Николая была немецкой крови (принцесса Алиса) и, конечно, чем только могла, помогала своим немцам. Оставаться на фронте не было смысла. Утечка солдат с фронта была большая. Удержать их не было возможности. Война, продолжавшаяся три года, всем надоела, все устали. Всегда были полуголодные и

съедаемые вшами. У всех на устах было одно: «Домой – домой!» При штабе дивизии находился мой однокашник по Чистопольской школе прапорщиков, Татев – юрист уфимец. Он посоветовал мне тоже ехать домой, и что он лично уже собрался, если я согласен, то он достанет необходимые документы в дорогу. Я согласился и в тот же вечер он достал документы. Мы сразу пошли на узкоколейку – «кукушку» (*кукушка – маленький паровоз*) и доехали до первой станции. Тут мы сели в настоящий поезд, состоящий исключительно из товарных вагонов, битком набитых солдатами.



Пушка на закате

## УЧИТЕЛЬСТВО

*После окончания Первой мировой войны, Ахмет Саинов был освобожден от военной службы и вновь занялся преподаванием.*



С большими трудностями, пересадками, наконец, через несколько дней мы доехали до Уфы. Солдата с моим маленьким чемоданчиком я сразу потерял, но, приехав в Уфу, удивился – он на сутки опередил нас.

Отдохнув несколько дней, явился в управление воинского начальника и, согласно приказа по Самарскому военному округу за № 53, как учитель был освобожден от военной службы. Но с условием, что сразу буду учительствовать, получил документ – удостоверение на четвертушке бумаги. Подлинно оно гласило так:

### Удостоверение

Дано сие солдату 548 Чугуевского пехотного полка, солдату Султан-Гирею Ахмет-Хусаиновичу Саинову в том, что он, согласно приказа по Самарскому военному округу за № 53, как учитель, вовсе освобождается от военной службы. Что подписываю, и приложением казенной печати удостоверяется

За воинского начальника  
Печать Комиссар Сметлов

Когда комиссар написал первое «солдату», я спросил его, почему он пишет «солдату». Он, как-то зло улыбнувшись, спросил меня: «Ты давно заслужил прапорщика?» Я ответил ему, что это не важно, когда, но могут подумать, что я скрываю свое звание.

«Ничего, будь спокоен! Сойдет!» – ответил он.

Это точная копия полученного мною удостоверения. Это удостоверение я хранил до последнего времени, но, когда узнал (в Чэнду при реакционном правительстве) о доносе на меня в управление жандармерии в г. Чунцин, будто имеющего связи с Советским Союзом, боясь обыска, спрятал этот документ и, к великому моему сожалению, не мог отыскать его после освобождения нашего города Чэнду.

Получив удостоверение, явился в земскую управу с просьбой назначить меня на мое старое место в деревню Калтаево, где раньше я учительствовал. Через день я получил ответ – мне советовали ехать в другую деревню, в другую школу, объясняя это тем, что в Катаево есть уже учительница и что ее сменить нельзя, т.к. она имеет большие связи, и также посоветовали не тревожить ее. Назначили меня в другую деревню, находящуюся недалеко от деревни, где учительствовала моя двоюродная сестра Фауза. Я взял погонных лошадей (т.е. специально обслуживающих пассажиров, они обслуживали пассажиров от станции до станции, от деревни до деревни) и поехал на место моего назначения. Назначив меня туда, посоветовали хорошо понаблюдать за заведующим этой школы, т.к. из этой деревни поступали жалобы на него: классы не отапливаются, тетради и карандаши учащимся не выдаются и часто не бывает уроков.

Доехал до школы, и сердце у меня сжалось при виде этого здания. Заехать во двор не было возможности, двор занесен снегом, едва заметна маленькая тропинка и окна обледенели. Поэтому ямщика я отослал в деревню. Школа находилась за деревней. Приняли меня вежливо, угостили чаем и предложили отдохнуть с дороги. Они даже не



поинтересовались, откуда я и куда еду. Я был одет еще в офицерскую шинель. В указанной комнате я прилег отдохнуть и обдумать, как мне быть. Не прошло и полчаса, как меня начали кусать клопы. Дело близилось к закату солнца, но клопы, не дожидаясь ночи, стали высасывать мою кровь усердно, что же получится, если остаться здесь на ночь? Я удивился, как молодая девушка может отдыхать и спать здесь. По обстановке и навешанным фотокарточкам я понял, что это комната молодой девушки. Я встал, отряхнулся и вышел в столовую. Семья продолжала сидеть в столовой, занимаясь кто чем хочет. Я сказал, что мне не спится, и передал заведующему школой бумагу о моем назначении в эту школу.

Мельком взглянув на эту бумагу, заведующий вскипел и заявил мне, что его дочь училась в женской гимназии, но ввиду нехватки учителей ее взяли из гимназии, не дав ей окончить ее, теперь же люди вернулись с фронта и ее выгоняют за ворота. Услышав это, его жена и дети стали плакать и реветь. Поднялся целый гвалт. Заведующий встал и, выпячив грудь, с большим ударением и почти по слогам произнес: «Этому не бывать! Вы можете жить и отдыхать здесь, но моя дочь будет продолжать свои занятия». Я, конечно, поблагодарил его за любезность о предоставлении мне отдыха и сказал ему: «Не горячитесь, не портьте напрасно свою кровь, я уже решил до подачи вам этой бумаги, что даже на одну ночь не останусь здесь. Спасибо вам за чай и отдых и до свиданья». С тем, одевшись в шинель, пошел за ямщиком в деревню. В ту же ночь я вернулся в Уфу. На следующее утро пошел в управу и заявил о своем отказе работать в этой школе, рассказав об оказанном мне приеме, о заявлении заведующего и виденном мною состоянии школы. Пожалели, что я не остался там и не понаблюдал за заведующим, но делать было нечего. При нашем разговоре присутствовал еще один учитель. Он выслушал наш разговор и сказал, что он едет домой по болезни и в той школе, где учительствовал он, остался только один

учитель – это его младший брат.



«Вы поезжайте туда, не прогадаете». Я согласился и, выписав нужные документы, меня отправили туда. Это была деревня «Биштяка». На полпути сменив прогонных лошадей, подъезжая к школе под вечер, я увидел совершенно другой вид: со всех труб идет дым, окна не заморожены. Въехали во двор и отсюда же появились ребяташки. Они сразу схватили мои вещи и внесли в школу, за ними последовал и я. Предъявив бумагу о моем назначении в эту школу, познакомились. Это был молодой учитель Даукаев. Я разместился с ним в одной комнате. Мы очень скоро подружились и стали помогать друг другу. В этой школе, куда бы я ни заглядывал, везде находил порядок и чистоту. Было похоже, что и он прошел солдатскую дисциплину, но об этом у нас не было разговоров и воспоминаний. В комнате, в которой мы спали и часто готовились к следующим урокам, не было клопов. Вот пример – это комната молодого холостого учителя, а та комната, в той школе – комната молодой девушки-учительницы, к тому же имеющей при себе мать и отца. Какая большая разница! Учитель в деревне должен быть образцовым и хорошим примером для других.

Учителю вручают своих дорогих детей, которым он должен дать начальное образование, воспитать их честными и трудолюбивыми. В школу часто приходят родители учащихся и другие люди с просьбой написать или прочитать письмо. При виде же неряшливости, неопрятности и грязи в школе, какое они вынесут впечатление? Конечно отрицательное! В этой школе мне пришлось пробыть около пяти месяцев. Я очень сожалею, что мне и Даукаеву после каникул не пришлось вер-

путься в эту школу. Наступила весна, и учеников распустили на летние каникулы. Сами поехали в Уфу. Приехав, остановились в гостинице и в тот же вечер были на спектакле, устраиваемом любителями-тата-рами. Перед тем, как идти на спектакль, мы видели марширующих с песнями молодых, бодрых солдат красноармейцев. Спектакль прошел успешно. Начались танцы и игры. Мы все расслабились. Вернулись в гостиницу поздно. Все уже спали. Утром проснулись и удивились: на улице стояла абсолютная тишина, не видно было никаких признаков пребывания военных. Служащий гостиницы сообщил, что войска оставили Уфу.



Учитель Саинов с детьми



Фото Саинова на документы в различные периоды жизни

## НЕНАВИСТЬ К ВОЙНЕ

*После начала гражданской войны, Ахмет Хусаинович вновь был призван на военную службу на сторону белых. Однако, беспощадные убийства своих своими, переходы на сторону противника, побеги, полное физическое истощение очень скоро развили в нем непреодолимое отвращение к войне.*

6.

Успел отдохнуть у тетушки и двоюродной сестры 2 месяца, как в одно прекрасное утро явились ко мне два человека и потребовали идти с ними в штаб. Так меня опять мобилизовали, мое удостоверение о том, что я вовсе освобожден от военной службы мне не помогло, его даже не стали читать. Поместили нас в пустые казармы и говорили, что отправят нас в г. Бийск на формирование, но вышло так, что, погрузив на пароход, отправили в г. Бирск, а оттуда на крестьянских подводах до села Бураево. При подготовке к погрузке на пароход многие сбежали, но убесть<sup>1</sup> – скрыться не могли, их находили, вылавливали и, орудуя плеткой, безжалостно избитых пригоняли на пароход и грузили в трюмах. При погрузке один молодой прапорщик что-то высказал. Его связали и тоже бросили в трюм. В Бураево стали формироваться. Выпал снег. Жили, ничего не зная о делах фронта, нас ни во что не посвящали. Да и был ли где фронт, до нас не доходили слухи. Сформиро-

---

<sup>1</sup> Здесь и дальше примечание редактора - убежав

вались и начались строевые занятия, была зима. В один вечер одному отделению солдат приказали ехать в деревню Кузбаево и сменить там заставу. Я подумал, что это тактическое занятие, т.к. мне не объяснили, по какому поводу там заставка. Застава оказалась из местных добровольцев, организованных местным муэдзином<sup>1</sup>.

Как только мы пришли на окраину деревни, они снялись с поста и ушли, ничего не передав нам. Пролежали до ночи, и вдруг прибыл наш полк, т.е. 16-й Уфимский татарский полк. Нас сняли с заставы, каждому солдату дали по пять патронов и, Немного погода рассыпали за околицей в цепь. Вдруг с противоположной стороны прострочил пулемет и замолк. Наши дали неорганизованный огонь по невидимой цели. Патроны кончились и солдаты, повернув назад, пустились бежать, хотя с той стороны уже не стреляли. Это было первое испытание – первое боевое крещение, для очень многих молодых солдат. Да если б и были патроны, я думаю, не удержать было от бегства. Мобилизованные, а также поступившие добровольно (под нажимом и обещанием после победы сразу отпустить их домой) не имели теплых брюк. На снегу в одних деревенских самотканых красных штанах долго не пролежишь. Добрались обратно до Бураево на рассвете и сделали маленький привал на улице. Надо сказать, что жители Бураево и Кузбаево состоят из башкир и татар. Жители вышли провожать; солдаты затянули песни, а бабы и девушки заголосили. Быстро прошли улицу и в следующей деревне мы должны были остановиться.

Нас стали догонять беженцы из Кузбаева, по их рассказам до полного рассвета деревню еще никто не занимал. Остановиться, как предполагали, в следующей деревне не пришлось, т.к. будто получили донесение от конной разведки, что эту деревню обходят. Поэтому двинулись дальше, так началось отступление. В некоторых деревнях

---

<sup>1</sup> В исламе служитель мечети, призывающий мусульман на обязательную молитву (намаз)

задерживались долго. Нас не тревожили и мы жили спокойно, иногда меняя расположение. Так продолжалась спокойная жизнь до марта.

Во время ночного перехода в другую деревню в трескучий мороз отморозил пальцы ног, у меня не было валенок. Пришлось долго лечиться в околотке. По выздоровлении написал рапорт о необходимости выдать мне валенки. На моем рапорте наложили резолюцию «купить и представить счет». Где их купишь? Иногда на базаре можно было купить, но для этого нужно ехать в село или город. Силком брать или воровать я не умею. Одна сердобольная старушка узнав, что я отморозил ноги, принесла мне старые валенки, но, как говорится «дареному коню в зубы не смотрят», я и этому был рад и отдал ей мои сапоги, хотя долго она отказывалась их принять, говоря, что в будущем они мне пригодятся. Все-таки вышло, что мы обменялись полюбовно.

## 7

Шестого марта, подняв (*т.е. разбудив со сна*) нас до рассвета, приказали привести себя в порядок, вычистить винтовки и быть готовыми к походу. Чуть стало рассветать, полк выстроили и прочитали приказ, в котором говорилось, что фронт выправлен и начинается общее наступление. Сразу выслали разведку, и пошли в наступление. Наступали успешно, и фронт продвигался быстро вперед. Продвигавшемуся вперед нашему полку везло, почти не встречали сопротивления. Как только появлялась наша разведка, противник поспешно оставлял свои позиции и отходил. В двух или трех деревнях они оставили на столбах листочки бумаг, на которых было написано «нас не догонишь». У меня иногда появлялась мысль – не в мешок ли затягивают нас? Почему у нас еще нет раненых? Но под селом Благовещенское полк встретил

сильное сопротивление. Полк залег в цепь. Перебежки делали с большим трудом – глубокий снег, утопали по пояс и при этом ожесточенный огонь противника. Стреляют, но откуда не видно. На нашем левом фланге заметили конницу, идущую по направлению к селу и, подумав, что это идет поддержка обороняющимся, произошло маленькое замешательство. Но получили донесение от прибывшей связи, что это конница Михайловского полка, которая идет перерезать врагу путь отступления.

Видимо, и там узнали, в чем дело, т.к. стрельба прекратилась, и противник начал отступать по льду через реку Белую. Село было оставлено, и наш полк вошел в него. Оказалось, что перед селом вырыты окопы в глубоком снегу и бруствер залит водой. Настоящее ледяное укрепление. В селе ничего нельзя было купить – ни хлеба, ни молока. Жители просто отвечали: «Нету хлеба и молока, все поели». Потом перешли реку Белую и увидели, что конница Михайловского полка в следующей деревне Шарипово с налету захватила обоз и много лазаретного имущества. Дальше до деревни Малые Каплы наш полк не участвовал в бою. Там вели бои Ижевские и Михайловские полки. Следующая деревня была Большие Каплы, и мы должны были сменить один из этих полков. До нашего прихода здесь были большие бои. Михайловцы и Ижевцы, заняв удобную позицию, близко подпускали противника и открывали по ним ураганный огонь и потом шли в атаку. Не выдержав, противник обращался в бегство, и им надо было подниматься на крутую, но не высокую гору, и вот тогда выскакивали казаки и забирали в плен или там же рубили.

Говорят, эти два полка были очень стойкими и бесстрашными. Они выдержали 5 атак. Когда мы вступили в эту деревню, то увидели страшное зрелище, от которого волосы встали дыбом. На улице валялись убитые верблюды, лошади и горы изрубленных, раздетых, что называется догола людей. Вот она братоубийственная война. Правда,



Красная армия в большинстве состояла из рабочих, которые шли на смерть без страха. У них была идея, они защищали свое право. Шли они в бой, не щадя своей жизни за свое право, за идею светлого будущего. Белая армия состояла из насильно мобилизованных городских жителей, крестьян и крестьянских детей и добровольцев. Спайки не было, каждый думал по-своему, и кто только мог, отлынивал от службы. На высших командных постах стояли царские генералы, которые хотели захватить власть в свои руки и командовать всеми, единства между ними не было. У нас же, у многих не было идеи, был только страх перед приказом начальства.



Как я уже говорил, нам следовало сменить один полк, но не пришлось. Оба полка далеко ушли вперед. Наш полк вошел на станцию «Давлеканово» без боя и двинулся дальше на Бугульму. Заболел наш командир полка и его немедленно эвакуировали. На его место был назначен другой.

Спустя несколько дней, занимая одну деревню, новый командир полка приказал одному батальону ударить.

Я лежал на правом фланге, на небольшом бугорке мне и фельдфебелю пришлось колесом скатиться с бугорка, который обстреливали в лоб. Позднее выслал другой батальон обеспечить правый фланг, но получилось так, что этот батальон с фланга начал обстреливать высланный для удара в лоб батальон. Со стороны же противника еще не было и выстрела, хотя цепь их была видна ясно. Свои же вреда не успели принести, т.к. очень скоро заметили свою ошибку. Был ранен только конь комбата на вылет в шею. Окопались и залегли; наступать

не было возможности, т.к. солнце близилось к закату и слепило наши глаза. Солнце село и вдруг налетел проливной дождь и загредел гром. При свете молнии всматривались вперед. Выставили охрану. Окопчики, вырытые лежа, быстро заполнились водой и люди, продрогшие и промокшие до нитки, лежали, всматриваясь при свете молнии. Рассвело, и дождь перестал лить. Выслали разведку и она в деревне не нашла противника. Жители деревни сказали разведчикам, что деревню еще вчера поздно вечером срочно оставили, даже не успели забрать телефоны и провода к ним. После этого наш полк дошел до Бугульмы и вступил в него без боя. Может быть, и там воевали другие полки, но следов боя не было заметно. И так прошли много деревень, но сопротивления нигде не встречали.

Прошло немало времени и в одной деревне задержались немного больше обычного; эту задержку объяснили тем, что вперед выслана конная разведка и ждут от нее донесения и что до Самары осталось 40 верст. Отдохнули хорошо. Успели покушать и попить чайку. В этих местах нас встречали хорошо. Продавали молоко и яйца. Приказ построиться. Построившись, долго стояли на одном месте и опять приказ садиться и курить. Выходит какая-то нерешительность. Покурили, опять построились и нас повели.

Мы сразу заметили, что нас ведут в другую сторону, т.е. назад. Между солдатами начался ропот: «Куда нас ведут? Почему назад!» На это начальство заявило, что в тылу появился противник, ликвидируем и вернемся. С обоих флангов был выслан конный дозор, который держал связь на зрительном расстоянии. Стали прибавлять шаг, курили, не останавливаясь, на ходу. Мы стали отмахивать в день по 75 верст. И так началось новое отступление. Отступали несколько дней. Наша часть оказалась последней. Ее ждали с большим нетерпением, т.к. после перехода последней части через мост, его должны были немедленно разрушить. Поздно вечером наш полк перешел мост и саперы

немедленно разрушили его. До переправы начальство нам все время говорило, что на той стороне реки вырыты хорошие окопы и укреплены они проволочными заграждениями, но ничего подобного мы не встретили. Просто залегли в цепь на бугорке недалеко от берега. Мы были оставлены в заслон.

В полночь мы слышали стук топоров. Это возводили разрушенный мост. Командир нашей роты дал две коробки спичек и приказал двум солдатам добраться до моста и поджечь его. Солдаты поползли, прислушиваясь, и недалеко от нашей цепи обнаружили охрану, выставленную противником. Высланная пешая разведка подтвердила правильность показаний двух солдат. Позднее я спросил командира роты: «Как они могли бы поджечь этот мост? Мост не соломенный». На это он ответил: «Приказ начальства, поэтому он должен быть выполнен во что бы то ни стало». Эх, послать бы самого этого командира и дать ему не две коробки спичек, а четыре и посмотреть, как бы он выполнил приказ начальства под носом противника. Перед рассветом мы молча начали отступать и в первой попавшейся деревне позавтракали. Выйдя за деревню, полк остановили, и мы увидели восемь расстрелянных наших солдат. Прочитали приказ, в котором говорилось, что эти 8 солдат были пойманы, когда собирались перейти на сторону большевиков, и что каждого думающего о переходе ожидает это.

Отступая, дошли до деревни Давлеканово (Уфимской губернии) и тут остановились на отдых. Через несколько дней нас повели в наступление. Мы оборонялись, но нас впервые стали крыть из орудий. С нашего левого фланга пошла конница Щеголихина в атаку на орудие (она состояла из учащейся молодежи г. Уфы), их подпустили близко, и затархтел пулемет. Конница в панике ускакала. Куда делась эта конница, впоследствии не пришлось слышать о ней. Патроны доставлялись с большим трудом. Полк не выдержал, дрогнул и стал отступать. В беспорядке отступая бегом, уцелевшая часть, преследуемая шрап-

нелью, прошла правее деревни Удряк-Башево, держа направление на станцию Чишма. Потом немного привели в порядок уцелевших и начали переправу через реку Белую. Переправившись на ту сторону реки, полк был отведен в деревню Чеборкаево.

Тут мы и узнали, почему мы так спешно отступали. Башкирские полки, стоящие под Бугурусланом, открыли фронт. Впоследствии, будучи уже в Маньчжурии, я встретил человека, служившего в одном из Башкирских полков, бежавшего и рассказавшего мне эту историю: «Закий Валиди (он же Валиев, журналист, уроженец Уфимской губернии дер. Ново-Айтуганова по прозвищу «башкирский бог»), часто через фронт ездил в сторону большевиков и там, сговорившись, перелез Башкирские полки в их сторону. Какую должность он занимал в башкирских полках, я не знаю». (Он тоже был в Давлеканово на учительских курсах и мы с ним были очень дружны). Потом в Мелеузе (Оренбургской губ.) все были обезоружены. Рассказавший мне эту историю говорил, что Бугуруслан несколько раз переходил из рук в руки. Потом пошли в наступление, но нигде не встречали противника. Не доходя до Мелеуза, кольцо было сомкнуто, иначе говоря, оказались в мешке. Сделано было это очень искусно, и никто не подозревал об этом. Командир Башкирского корпуса генерал Ижбулатов находился в городе Стерлитамаке и собрался ехать на фронт. Когда он поехал на тарантасе, в 100 верстах от Мелеуза получил сведения о происшедшем на фронте. Он немного призадумался, но на все увещевания не ехать, будто бы ответил: «Где мои дети-солдаты, там должен быть и я. Что примут мои дети-солдаты, то приму и я». И с тем поехал в Мелеуз. Как его приняли и как поступили с ним, не удалось услышать. Из Чеборкаево мне с одним сослуживцем удалось поехать в Уфу на два дня. Переночевал у матери, которая жила тогда с другой моей двоюродной сестрой Сарой. Муж ее учитель и тоже очевидец боев под Бугурусланом. Он сидел на чердаке и видел происходящее. Он мне сказал, что

слышно, что Уфу не сдадут и ее невозможно будет взять, т.к. чуть ли не через каждые 500 шагов установлены орудия.

Утром за мной срочно приехал сослуживец, и мы покинули Уфу. Когда мы сели на подводу, жители нам сказали: «У вокзала стоят эшелоны с интендантским грузом, и это добро интендант не выдавал и не выдает солдатам. Поэтому стали разбивать вагоны и забирать кому что нужно. Интенданта же повесили при входе на вокзал».



Приехав в Чеборкаево, мы узнали, что наш полк выступает к реке Белой. Говорили, что одна рота противника переправилась через реку и ее надо ликвидировать. Обманывают как детей. Если переправилась одна рота, то достаточно бы поставить против нее один батальон, в крайнем случае, два батальона. И вот без смены мы пролежали трое суток в цепи, не дав ни одного выстрела. На четвертое утро мы заметили большое передвижение по тракту впереди нас, и видели, как проехал броневой автомобиль. Наше одно единственное орудие дало два-три выстрела и смоталось. Нам приказано было перейти на полверсты направо. Я поднялся и упал. Подскочили солдаты и спросили, ранен ли я. Я ответил «нет» и попытался встать, но опять упал. Начинаешь вставать, начинается сильное головокружение и перед глазами черные круги и ничего не видно.

Меня подхватили под руки и отвели на перевязочный пункт. Фельдшер Дашкин, расспросив меня и узнав в чем дело, дал мне выпить лекарство и предупредил, чтобы я сразу не ел и не пил досыта. Дав мне записку, отправил меня на отдых. Дорогой я встретил фельдфебеля нашей роты. У него оказалось то, что и у меня. Большие переходы при

отступлении, недостаточное питание и нервность, все это, по-видимому, отразилось на нас. Мы добрались до одной башкирской деревни, зашли немного отдохнуть и попить водицы. Нас угостили молоком и хлебом. Мы забыли наказ фельдшера; увидев молоко, и желая утолить жажду, набросились на молоко. Отведали кусочек хлеба, поблагодарили и вышли на улицу. Пройдя немного, нас скрутило: страшная боль и резь в животе, но надо двигаться – наши начали отступать. На случай отступления нам надлежало отступить через железнодорожный мост или через переправу на пароме, которая была много левее. Посоветовавшись между собой, мы пошли на переправу на пароме. Имея записку фельдшера, мы без очереди переправились через реку на другую сторону. Отступающих по железнодорожному мосту допустили до половины моста и стали крыть из пулеметов. Спаслись очень немногие. Полк был разбит.

Ночью у меня начали болеть зубы и верхняя губа распухла. Я заявил начальнику обоза, что пойду в санчасть, и пошел к полковому врачу, который находился недалеко на одной маленькой железнодорожной станции. Меня поместили в комнате раненых. Многие лежали прямо на полу. Я хорошо запомнил двух тяжело раненых в живот. Один был казак и другой вольноопределяющийся. Оба лежали рядом на полу, я тоже на полу. С раненым казаком приехали два сопровождающих казака. Казак мучился, но все же приведшим его казакам он сказал, кому следует ухаживать за его лошадей, сколько у него белья и как поделить их. Потом он попросил попить и покушать. Медсестра категорически запретила что-либо ему давать до прихода врача и сделала ему одно впрыскивание. Рядом лежал вольноопределяющийся, все время наблюдал за ним, не ворочался, лежал спокойно, даже не было слышно его стонов. После ухода медсестры казаки вскрыли банку консервов, принесли воды и стали кормить раненого.

Немного покушав и попив воды, он стал больше стонать и корчить-

ся от боли. Звал доктора и ругался. Немного погодя пришли врач, медсестра и санитары и, опросив меня, он что-то сказал медсестре, и она записала мою фамилию. Дойдя до вольноопределяющегося, он сказал, что раненым в живот кушать и пить сразу нельзя. Повремените. Казаку сделали еще один укол, но он не мог переносить боли и все время стонал, ругался и ворочался – вообще он не находил себе места от боли. После третьего укола пришли два санитары и унесли его. Больше мы не видели его.

После обеда меня вызвали к врачу. Осмотрев мои зубы, он побранил меня и сказал, что за запущение зубов до такого состояния надо бы выпороть как школьника, но он позабыл, что все время на линии огня есть ли время на уход за зубами. В коренном зубе было большое дупло и в нем выросло дикое мясо. Усадили меня на обыкновенную табуретку и у моих ног из маленького ящичка врач начал вытаскивать свои инструменты. Без всяких уколов он выдернул мне зуб. Правда очень быстро и умело, но все же от боли у меня из глаз посыпались искры и я не помню, как рванул рукой, которую держала медсестра. Врач сказал, что драться нельзя и приказал встать и заложить обе руки в карманы брюк. Я исполнил приказание, сзади сразу схватили меня за локти и опять усадили. Врач сразу выдернул второй зуб, заложил ваты и приказал прийти еще раз, но прийти не пришлось.

## БЕГСТВО

*Совершив необходимое усилие, Саинову удалось пересечь границу и он, наконец, оказался в Китае.*

### 10

Вечером начали грузить в санитарный поезд; по списку и я попал. Санитарный поезд состоял из товарных вагонов. Располагались просто на полу, даже не было соломы постелить под себя.

Проехали Челябинск, там нас не приняли, нет мест в лазаретах. За время нахождения в пути начальник эшелона, и она же главный врач санитарного поезда, только раз посетила нас. На каждой остановке из теплушки в теплушку (товарный вагон) бегала медсестра Маруся. Она внимательно осматривала каждого больного и раненого, тут она заметила одного раненого в руку. Чаще других она навещала нашу теплушку. При одном разговоре медсестра сказала мне, что теперь она уже и главный доктор и начальник эшелона и получила приказ довести этот эшелон в Хабаровск.

Проехали много городов и станций. Наконец доехали до Иркутска. Наш эшелон начала обходить комиссия из нескольких докторов. Не осматривая и не выслушивая, они, просто посмотрев на физиономию, назначали, кому выгружаться, кому ехать дальше. Я заявил, что дальше не поеду, а останусь здесь для лечения. Прodelать такой длинный путь в грязных товарных вагонах и всегда полуголодный и видеть, как почти на каждой станции выгружают мертвых не так-то легко.



Медсестра же уговаривала меня ехать дальше. Она говорила, что в Хабаровске сдадут больных, а потом поедет в Харбин и там откроет лечебницу, и мы будем вместе работать там. Медсестра Маруся была изпод Уфы, я тоже учительствовал недалеко от Уфы, как земляки, стали близкими друзьями.

В Иркутске мы несколько человек попали в команду выздоравливающих. Команда состояла из калек и инвалидов, совершенно не пригодных к военной службе. Среди них нас было человек пять еще годных к службе и работе. В этой команде я проработал месяца два или три, и вдруг нагрянула комиссия. Выслушав и осмотрев мои зубы, приказали немедленно идти в зубную лечебницу и взять удостоверение о том, что действительно нуждаюсь в лечении зубов. При этом добавили: «Если же сегодня не достанете удостоверения, то с первым отходящим поездом обязаны выехать в свой полк».

Я дошел до лечебницы (она находилась в городе, а мы жили за городом), но никого там не застал и, конечно, не мог достать удостоверения. Когда я вернулся из города, комендант-чех выздоравливающей команды, спросил меня, достал ли я удостоверение. Я сказал ему, что лечебница закрыта и никого я не нашел. Поэтому комендант препроводил меня на станцию и с первым отходящим поездом отправил на фронт.



На одной из станций объявили, что поезд дальше не пойдет, нужно всем выгружаться. Расспросив дорогу и узнав приблизительное расположение нашего полка, пешим порядком пошел отыскивать его. Около полуночи дошел до одной деревни – тишина. Прислушался и краду-

чись пошел по улице, т.к. не знал, кто находится в этой деревне в это время. Вскоре я услышал конский топот и негромкий разговор.

Прислушался и по голосу узнал, что это говорит прапорщик Файзуллин. Я тихо позвал его и вышел из-за плетня. В темноте он не узнал меня. Когда я назвалса, он удивился: «Ведь ты эвакуирован? Откуда взялся?» Я рассказал, откуда, и он назвал меня дураком и добавил тише, что люди бегут с фронта, а ты на фронт. Я объяснил ему, что другого выхода не было; приехал по принуждению, а не по собственному желанию. Тогда он посоветовал мне провести ночь с солдатами, находящимися недалеко от этого места в одной избе, на фронт ночью не идти, т.к. настоящего фронта нет, везде прорыв. Охраняют только патрули.

В избе успел выкурить одну самокрутку-цыгарку, как прискакал конный и приказал немедленно покинуть избу. Когда мы выходили из избы, услышали, как где-то недалеко строчит пулемет. В ночное время отыскивать роту абсолютно не было желания и еще предупреждение о прорывах; поэтому я повернул в ту сторону, откуда пришел, вышел за деревню и прилег у плетня. Не знаю, как заснул.

Начинало рассветать, и меня разбудил топот бегущих ног и понукание лошадей. Я сразу вскочил на ноги и понял – отступление. Тоже побежал, а потом устроился на одной двуколке и поехал. Немного погодя я увидел едущего в плетенке нашего полкового фельдшера Дашкина.

Окликнул его и пересел к нему. После расспросов он мне сказал: «Ты выглядишь не совсем здоровым и поэтому надо смерить температуру». В плетенке же он смерил температуру, она оказалась выше нормальной, поэтому сказал он: «Согласно приказу по полку о переносе заразных болезней (тиф), вам следует обратиться на предмет освидетельствования к самому полковому врачу». Тут он написал препроводительную записку к врачу с указанием повышенной температуры. Меня, что называется, только и видели.

Я опять зашагал в тыл. Первым делом отыскал штаб полка, но рапорта о прибытии в полк не подал. В штабе полка нашел знакомых и учителя Даукаева, с которым мы учительствовали в деревне Биштяка. Поговорили немного и, узнав цель моего прихода, они научили меня, как подходить к врачу, т.е. как ввести его в заблуждение. Я хотел было покушать, но мне сказали прийти к ним после того, как я побываю у врача, и они меня покормят. Я пошел к врачу. Врач первым делом посмотрел на мой язык и горло, покачал головой, измерил температуру и, дав порошков, сказал: «Приди завтра!» Порошки, мои знакомые сказали: «Не пей – выбрось. Досыта не кушай и не пей. Иначе доктора не проведешь».

На следующий день, когда я пришел к врачу, то увидел, что комната его битком набита больными. Дошла очередь до меня, врач даже не выслушал, посмотрел на мой язык и, дав две порции хинина, приказал выпить при нем. Пришлось выпить. На третий день он спросил меня: «Как ты чувствуешь себя?» Я ответил: «В ушах шум, голова не в порядке и чувствую себя неважно». Больше он не стал расспрашивать меня, т.к. ему принесли из штаба какой-то пакет и он стал складывать свои вещи и приказал своим санитарам грузиться на подводы, а также приказал всех больных отправлять в следующую деревню. Штаб полка тоже начал сматываться, т.е. укладываться на подводы с целью переезда в другую деревню. Я примкнул к партии больных и эвакуировался.

## 12

До следующей деревни шли пешим порядком. В деревне все избы переполнены больными и ранеными, но все же больше больных, чем

раненых. Я нашел человека, который лежал на кровати один. Я попросил его потесниться, говоря, что на полу абсолютно нет места. Он сказал, что он тифозный и нельзя с ним рядом ложиться. Я ответил ему, что у меня тоже вроде этого. Он потеснился, и мы легли рядом. И я получил нужное мне, т.е. заразился тифом. Врачебный персонал не касался нас. Больные были предоставлены сами себе. На другое утро опять отступление и, один поддерживая другого, зашагали на станцию железной дороги, которая находилась недалеко от деревни.

Кто совершенно не мог ходить, для него была подвода. Срочно погрузились и поезд тронулся. Оборудован этот санитарный поезд был лучше, чем первый – в нем была и баня и нары с одеялами. Помылись в бане. На каждой станции выгружали мертвяков. При осмотре больных медсестра сказала мне, что у меня возвратный тиф. На одних нарах рядышком мы трое оказались однополчанами. Один фельдшер, у которого возвратный тиф, у меня тоже возвратный тиф, а у прапорщика Сяпукова сыпной тиф. На следующей станции по требованию фельдшера нас перевали в классный вагон, и мы с Сяпуковым оказались в одном двухместном купе. Я устроился на верхней полке, а Сяпуков на нижней. Он был намного слабее меня. Кушали мы из одного бачка и, в конце концов, у него прибавился возвратный тиф. Правда, кушание из бачка не было ежедневное, а изредка, но все же следовало нас отделить друг от друга. Больше всего выдавали в день два раза по ломтику хлеба и кусочек соленого сибирского масла. Во время раздачи еды всегда было слышно: «Кто сегодня не может кушать? Дайте его порцию мне!» Мы всегда были полуголодны. Воды совершенно не было. Вагоны отапливались плохо. На остановках кто мог ходить, выходили из вагона и набирали в кружку снег, чтобы, растопив, утолить жажду.

В соседнем с нами купе, метаясь в бреду, застрелился один больной. После этого предложили всем, кто имеет, оружие сдать, обещая

после выздоровления вернуть. Другой случай – больной, укутавшись в одеяло, на ходу поезда, прыгнул и убежал. Поезд остановили, но санитары не могли найти его. Наконец с большими трудностями добрались до Мариинска. Доктор, делая обход, заявил, что пути впереди забиты, наш паровоз без топлива, машинист сбежал и поэтому едва ли удастся двинуться дальше. Кто может ходить, может взять документы с двухмесячным отпуском и двигаться дальше. Если же поезд тронется, то он примет обратно своих больных и раненых. Кто не может ходить, пусть остается в поезде, он тоже останется в поезде и не бросит своих больных. Он отвечает за их жизнь. Жалко было смотреть на доктора, за этот короткий промежуток времени он осунулся, похудел и как-то постарел. Многие выписались. Мы с Сяпуковым тоже выписались и пошли вперед по шпалам. В городе хотели купить на дорогу что-нибудь съестного, но ничего не нашли. Первый день мы прошли насилу, шагая по шпалам 13 верст, и переночевали в одной единственной избе, построенной около железнодорожного переезда, но битком набитой людьми. На второй день мы прошли немного больше, и это придавало нам некоторую бодрость и уверенность в своих силках.

Прошагав так три-четыре дня, мы добрались до одной станции, где узнали, что идет поезд, но когда прибудет на эту станцию, не известно. На вокзале грязь, теснота, не втиснешься, и мы решили поискать за станцией ночлег. В стороне мы заметили занесенное снегом маленькое здание. Мы решили, что это баня и в ней провести ночь. Подойдя же ближе, увидели свет в окошке. Мы зашли и обратились к хозяйке с приветствием и с просьбой разрешения погреться. На столе стоял кипящий самовар, и хозяйка предложила нам выпить чаю. Дала нам хлеб. Расспросив и узнав, что мы ушли с поезда и идем по шпалам, она сказала, что ее муж стрелочник. Скоро он сменится и придет домой ужинать, он, наверное, знает, когда прибудет поезд, она спросит его. Мы еще раз поблагодарили ее за хлопоты о нас. Она вынула жа-

ровню из печки, поставила на стол и сказала, чтобы мы кушали досыта. Мы были голодны, но зная, что это ужин для ее мужа, отведали немного жареных картошек и поблагодарили, сказав, что мы много съели хлеба и сыты. Пришел муж. Жена рассказала о нас и стрелочник, сбросив с себя шубу, постелил ее в другой комнате, принес тулуп и сказал: «Ребята, вы отдыхайте – спите. Я точно узнаю о поезде и разбужу вас, не бойтесь, не опоздаете. Я хорошо знаю, что до рассвета ни один поезд не подойдет».

Рано утром он разбудил нас и сказал, что идет санитарный поезд, но какой номер поезда не знают. Мы оделись и, поблагодарив хозяев за оказанный нам столь радушный прием, какого мы еще нигде не встречали, спросили, сколько мы должны заплатить за ночлег и ужин. Они оба наотрез отказались от денег, говоря, что приютили нас не ради денег. «Все мы люди братья и в беде должны помогать друг другу». Мы еще раз поблагодарили радушных хозяев и все же оставили немного денег, сказав при этом, чтобы они не обижались на нас, но мы хотим, чтобы их маленькая девочка, играя этими деньгами, изредка вспоминала о нас. Поезд оказался наш, но когда мы вошли в тот вагон, в котором мы помещались раньше и обратились к медсестре, она не узнала нас и сказала, что новым больным нет места. Я рассмеялся и, назвав ее по имени, сказал, что мы с Сяпуковым лежали вот в этом купе и вы ваше свободное время любите проводить у нас. Она сказала: «Подождите!» и ушла. Вернулась она с зеркальцем и сказала: «Посмотрите! Узнаете ли вы сами себя?» Действительно мы не были похожи на больных. От холода ли или от ходьбы мы пополнили. Она схватила меня за руку и воскликнула: «Боже мой! Да вы распухли». Она дала нам лекарство.

Но за неимением свободного места мы устроились в проходе. Эта медсестра была из г. Симбирска, ныне Ульяновск. До Мариинска она тоже хворала, заразилась тифом. Будучи больной, она находила силы

и приходила посидеть в наше купе. В Мариинске она могла ходить уже свободно, т.е. совсем поправилась. Провожая нас, она дала мне на дорогу лекарство и советы. Оказывается, машинист паровоза санитарного поезда сбежал и теперь состав вел один из раненых, немного знакомый с паровозом. Часто останавливались, где попало и, кто в состоянии был ходить, шел помогать таскать снег вместо воды.

На одной из таких остановок в поле узнали, что появились партизаны и паровоз, дав короткий гудок, тронулся. Люди, вышедшие таскать снег, успели сесть. Новый же «машинист» не знал профиль этой дороги. Развил скорость, дорога пошла под уклон и видна станция, он не рассчитал, дал тормоза, но все же врезался в хвост стоящего на станции поезда. Много теплушек у этого поезда было разбито. Вечерело, пришли рабочие и заявили, что на очистку пути потребуется день, а то и больше, не хватает рабочих рук. На другое утро мы с Сяпуковым опять покинули поезд и пошли по шпалам. Зима. Холод. Рядом движутся подводы, шагают люди – это отступающие солдаты и беженцы. Так мы шли несколько дней.

## 13

Вот впереди показался город. Дорога раздвоилась, и мы решили идти по дороге, по которой не пошел обоз. Немного погодя нас сзади догнали несколько пустых подвод и они, посадив нас по одному на подводу, довели до города и сказали, что в этом городе много татар переселенцев – подводчики тоже были татары. Город и станция назывались «Татарск». Мы зашли в первый попавшийся дом и попросили разрешения погреться. Хозяйка оказалась татаркой, она готовила пельмени. По ее просьбе мы коротко рассказали, откуда мы родом, куда

и как идем. Также рассказали ей, что у нас есть желание приобрести лошадь, но где теперь ее найдешь. Рассказали также, как один раз мы тайком было устроились в польский эшелон, но нас заметили русские женщины и предупредили, чтобы мы немедленно покинули этот эшелон, т.к. если заметит их часовой или кто-либо другой, то вам не сдобровать. Спасайтесь! Что делать? Пришлось опять шагать по шпалам. Выслушав нас, хозяйка подозвала своего сына и что-то сказала ему. Мальчик сразу ушел. Мы переглянулись и насторожились. В чем дело? Немного погодя вернулся мальчик и сказал матери, что лошадь есть и не продана еще и что хозяин лошади пришел к ним и ждет на улице. Хозяйка позвала его в дом, и мы быстро сговорились о цене. Лошадь, запряженную в сани, мы купили недорого, почти даром, т.к. по-видимому, хозяин лошади решил избавиться от нее, если сейчас не продать за деньги, то отступающая армия все равно заберет бесплатно и могут еще самого забрать в подводчики. Хозяйка начала варить пельмени, но в это время прибежал ее старший сын, служащий станции, и сказал, что в городе и на станции начался погром и грабеж. На станции стоит польский эшелон, и готовятся защищаться. Нам же посоветовал скорее уезжать. Мы попросили его указать дорогу, т.к. теперь, имея лошадь и сани, по шпалам не проедешь. Он вывел нас на дорогу, так и не удалось отведать пельменей.

Едва мы успели выехать за город, услышали начавшуюся там стрельбу. Мы присоединились к обозу и двигались вместе несколько дней. На отдыхе и на ночлеге мы поочередно кормили и караулили нашу лошадь. Однажды, подъезжая к какому-то селу, мы двигались по высокой дамбе, с которой съехать в сторону было нельзя. Только что мы въехали в село, как раздались выстрелы и крики «партизаны». Но, не зная, кто в кого и откуда стреляет, как обычно в то время, поднялась паника, давка и неразбериха. Поэтому в селе у самого въезда и выезда образовался затор из подвод. Ни проехать, ни пройти. Все побросали



свои подводы и бросились бежать врассыпную. Я схватил Сяпукова за руку и мы, благополучно перебравшись через несколько подвод, почти было вышли на дорогу, но я потерял его. Как он оторвался от моей руки, не знаю. Опомнившись, я стал искать его между бегущими, но напрасно. И так я потерял товарища и лошадь. Пошел вперед и меня стали обгонять одиночные подводы. Не знаю, паника ли улеглась или более смелые, захватывая передние подводы, начинали свой поход.

Такие выходки, т.е. ложные тревоги, паники, иногда устраивались самими же отступающими. Одна из проходящих частей занимает деревню и устраивается на отдых, другой подходящей части нет места, и вот одна из этих частей устраивает панику. Думая, что напали партизаны, не разобравшись, люди бросая все, что можно, бегут. Устроившие же панику приобретают и лошадей и брошенное имущество. Иногда мне удавалось сесть на подводу и отдохнуть. Я выбирал подводу, возница которой дремлет и усаживался. Но ненадолго. Крики “понужай”, “погоняй” заставляли очнуться, и возница стогнал меня с подводы. Ни просьба, ни мольба не действовали, т.к. каждый думал только о своей шкуре. Таким образом я тащился несколько дней. Питание доставал с большим трудом, т.к. керенки крестьяне принимали неохотно или же вовсе не принимали. Не совсем еще оправившийся от тифа, я скоро истратил свои силенки.

Дело было вечером. Я дошел до одной небольшой деревушки и удивился: на дворах и на улице нет обозов, не видно снующих взад и вперед солдат. Нет на улице костров. Дойдя же до середины деревни, на дворе я заметил несколько подвод и солдат. На мой вопрос они ответили, что это обоз коменданта. Я зашел к нему и отрапортовал, как полагается по уставу, думая этим завоевать его симпатию и расположение ко мне, но напрасно. Он сидел около стола, одетый и готовый к отъезду. Каково было мое удивление, когда комендант, не стесняясь, посоветовал мне снять погоны, которых, кстати, у меня не было, спо-

койно лечь на печь и остаться. Я поблагодарил его за добрый совет и сказал: «Если б я желал остаться здесь, то не пришел бы к вам». Согласись с его советом, при выходе или за избой получил бы от него пулю в спину. Ведь именно комендантская команда расправлялась с дезертирами и намеривающимися перейти на сторону большевиков. Дойдя до конца деревни, почувствовал еще большую усталость. Мне очень хотелось спать и отдохнуть. Я зашел в последнюю избу и, не здороваясь и не спросив разрешения, успел сказать, что очень устал и хочу спать. Сразу повалился на длинную скамью, стоящую у печки, и заснул как убитый.

Не знаю, сколько я проспал, но почувствовал, что кто-то сильно трясет меня. Открыл глаза, и хозяйка мне сказала: «Родимый, хочешь жить живым, скорее уходи!» Со сна я не понял ее слова и не мог сообразить, где я нахожусь. Она еще раз повторила и я ответил, что я совершенно не знаю, откуда я пришел и куда идти. Она схватила меня за руку и вывела из избы. Тихонько открыла ворота, прислушалась, огляделась по сторонам и без слов указала направление направо и крепко пожала мне руку. Что заставило ее отнестись ко мне по-матерински, не знаю, но я почувствовал в ее проводах и пожатии руки материнскую ласку – любовь. Это придало мне силы и надежды. Может быть, ее сын или муж тоже был где-то в армии. Я двинулся в путь. Ни души, только звездочки на небе наблюдают за тобой. В полночь идти одному по незнакомой дороге жутковато. Дорога избитая и ухабистая. Не вполне оправившемся от болезни идти очень трудно. Спускаться в ухабу легко, но подниматься приходится почти на четвереньках (хотя она и не глубокая). Наган крепко сжат в руке, но в голове стучит одна поговорка: «Один в поле не воин». С опаской оглядываясь по сторонам, я в темноте разглядел, что меня нагоняет черная масса. Вскоре я услышал людской говор. Меня нагнали конные и, не обращая внимания, почти было проехали мимо, как меня осенила мысль и я крик-

нул: «Станичники, есть ли сзади вас обоз?» По посадке я узнал, что это казаки, и если обращаться к ним со словом «станичнику», то этим словом получается какое-то сближение. Я хорошо помню, если обратиться к ним со словом «казак», то они не замедлят ответить «крупа» и будут относиться к тебе с пренебрежением. Один из них откликнулся и сказал: «Сзади никакого обоза нет, мы последние – оставленные в заслон». Тогда я снова крикнул: «Станичники, помогите. Подвезите меня до следующей деревни или кто поменяет заводного<sup>1</sup> коня на наган?» Из середины отряда выехал один, ведя другого коня в поводу. Он спросил меня: «Какой наган?» Я ответил: «Самовзвод» и передал ему наган. Он мог ускакать, но не сделал этого. Передал повод коня и сказал: «Садись, не отставай, будешь ехать с нами». Конь был без седла. Усталый и больной, я не мог взобраться на коня, тогда он слез со своего коня и, схватив меня в охапку, посадил на коня, но тут же заметил, что я одет легко, в одной шинели. Он крикнул своим и оттуда выехал другой казак, держа в руках полушубок. Они надели его на меня сверх шинели и снова посадили на коня. Я очень и очень благодарен этому казаку, оказавшему мне такую большую помощь. Мы догнали отряд и ехали вместе до следующей деревни. Здесь мы разъехались по избам на ночлег. Я поставил коня под укрытие, дав сена и соломы, замаскировал вход. Войдя в избу, увидел, что она битком набита людьми, но все же нашел место около железной печки, положил полушубок под голову и заснул. Утром, проснувшись, к моему великому огорчению полушубка не нашел, ухитрились взять из-под спящего и все уже покинули избу. Я остался один и казаки, ночевавшие в этой деревне, давно уже уехали.

Хозяйка доставала из печи выпеченный хлеб. Она посмотрела на меня и, видя, что я ухожу, не прося хлеба, сама отрезала кусок и дала

---

<sup>1</sup> Запасной конь

мне. Я поблагодарил и, как голодный волк, сразу съел. Выбежал во двор, думая, что и коня моего увели, какова была моя радость, когда я нашел коня на том же месте, куда я его поставил. Вывел его, наполнил водой и, подведя к плетню, взобрался на него, и тут эта женщина дала шкурку. Догнал небольшой обоз и примкнул к нему. Проехав несколько верст, в стороне заметили конных, которые, как показалось, шли нам наперерез. Поднялась паника. Слышны только крики: «Понужай!» Не зная, что за конные, на чьей они стороне, только и знали устраивать панику. Ничего не поделаешь.

## 11

Поддавшись общей панике, я погнал своего коня и опередил обоз. Догнал другой обоз и заметил впереди одну подводку с седлами. Поравнявшись с этой подводой, я спросил возницу: «Чьи седла?» Возница оказался солдатом, он ответил мне: «Это обоз конной разведки 16-го Ишимского полка». Мне послышалось, что это я нашел свой полк и, спросив, где вахмистр, попросил сбросить мне одно седло. Он ответил: «Старый вахмистр давно убит, другой теперь. Седло дам, но угостите куревом». У меня был целый кисет махорки, и я с удовольствием отсыпал ему половину. Он сбросил седло. Я оседлал коня, и мы поехали вместе, подружились что называется. На отдыхе мы решили караулить наших лошадей по очереди. На первом же отдыхе я заметил, что солдаты имеют погоны черного цвета – это Ишимцы, что мы один другого не расслышал хорошо, ошиблись. Оказалось, мы не однополчане – он 16-ого Ишимского, а я 16-го Уфимского, но это не помешало нам, и мы решили друг друга не бросать в беде. Так мы с ним ехали и довольствовались несколько дней. Во время одного отды-

ха вахмистр выпил лишнюю порцию спирта и, хмельной, не разрешил отпускать моему коню корм, заявив, что я не зачислен на довольствие и, во-вторых, есть приказ всех следующих в одиночку приписывать к полку.

И вот по его приказу меня зачислили на довольствие в этот полк. Это выходило так, что они пополняли убыль полка. Деньги израсходованы, делать было нечего и деваться некуда, и поневоле пришлось остаться в этом полку. Меня зачислили в конную разведку, т.к. у меня был конь с седлом. Я пробыл только сутки в конной разведке. Командиру не понравился мой «обозный», не строевой конь, этот конь не успевал за строем, и поэтому, строго приказав достать более легкого коня, отправил меня в обоз. В обозе мне сказали, что есть один больной офицер, который имеет лошадь и сани, но сам управляться не может, т.е. не умеет запрягать и ухаживать за лошастью. Я нашел его и решил остаться с ним, пока не найду другого коня. Расседлал коня и запряг в его сани пристяжной. Я понял из его слов, что он с деревенской жизнью совершенно не знаком, т.е. белоручка. Командир же конной разведки, как отправил меня в обоз, сам заболел тифом. Мне передавали, что он часто бывает без сознания и часто бредит. Это спасло меня временно от строя, новый же командующий конной разведкой, по-видимому, не знал обо мне – меня не тревожили и я продолжал поход с обозом. В одной деревне приготовились к бою. Стало известно, что впереди лежащая деревня не хочет пропустить.

Но куда деваться? Решили пробиться; если не удастся, то остается две дороги: одна на Красноярск, там по слухам будто земство, но как примут, неизвестно; другая через лес, и зимою никто не ездит по этой дороге. Придется самим прокладывать дорогу. Кто встретит нас и как? Неизвестно. Пошли в бой, я остался для охраны обоза, но у меня не было никакого оружия. Чтобы хоть сколько-нибудь облегчить себя и коня, в походе бросали все, что можно было выбросить. Прорваться

не могли, там оказалось орудие, и их встретили шрапнелью, поэтому, оставив попытку прорваться, вернулись обратно. Разделились на две части. Одна половина решила ехать в Красноярск, и они стали уничтожать имеющиеся при себе документы и обменивать хорошие шинели на худшие, говоря, что им больше не придется носить их. В полночь распрощались и сразу двинулись в путь. Они в Красноярск, мы в лес. Проводник указал направление легкой дороги – это просека. Впереди пошли пешие, за ними повели лошадей без саней, а потом и лошади с санями и обоз. По сторонам густой и непроходимый лес и глубокий снег по пояс. Ночи были очень трудные как для людей, так и для лошадей. Разводили костры и в имеющихся ведрах растапливали снег, себе попить и коня напоить. Хлеб мерзлый, не откусишь. Мясо рубили пашками тоненькими, насколько можно, кусочками и, посоливши, ели сырое.

Голодные, истощенные и утомленные лошади не могли двигаться и их просто сталкивали с дороги, чтобы дать дорогу другим. Впереди меня двигались на санях женщина, правящая лошадей, и мужчина. Как-то у них лопнула заплата оглобли к саням. Мужчина не умел даже завязать веревкой и задерживал других, пришлось это сделать мне. Еще запомнились мне два случая в лесу. Столкнутые с дороги сани, с понуро опущенной головой лошадь и слышно в санях просьба человека: «Братцы, пристрелите меня, не бросайте так!» Другой случай – тоже сани в стороне и плач ребенка (плачет ребенок на холодной груди матери). Мать успела умереть, но ребенок еще жив (так говорили подходившие посмотреть), но ребенка кто взял или нет, не знаю. Едва ли? Через этот лес пришлось пробираться две ночи и два дня. Выбравшись из леса, мы пришли в деревню, которая оказалась к нашему счастью свободной, не занятой другими частями, эта деревня оказалась в стороне от пути беженцев. Здесь отдохнули день. Привели немного себя в порядок, погрелись и покушали, как подобает челове-

ку. И вот, наконец, мы добрались до Иркутска, где и отдохнули в пригороде целый день. Город же был занят чехами. Потом дошли до озера Байкал и на рассвете начали переправляться по льду. На этом берегу село Лиственничное и, держа дистанцию одной лошади, поехали нату сторону, где расположена станция и село Мысовая. Нам сказали, что через озеро Байкал это самый короткий путь в 40 верст. Не кованые или с изношенными подковами (было предупреждение перековать) изморенные лошади соскальзывали на льду и больше не могли подняться. Мороз хотя и был изрядный, но видно было, как под упавшей лошадию лед тает и она опускается в свою могилу. Путь был устлан трупами лошадей. И так с этим полком я добрался до Читы. Здесь нас погрузили с конями в вагоны и перебросили в г. Нерчинск. Я был в конной разведке. В Чите властвовал атаман Семенов. В Нерчинске простояли несколько дней на отдыхе, а потом на разведку в г. Сретенск. Побродив с неделю в окрестностях города и не наткнувшись ни на кого, мы снова вернулись на отдых. В конной разведке было несколько солдат-татар и мне передали это отделение, начальство налегло на нас. Другие отдыхали, а нас гоняли в наряд. Ни коням нет отдыха, ни тебе отдыха. Передо мной встал вопрос: «Почему так обращаются с нами?» В 105 пехотном запасном полку нас ругали «гололобий», «татарская лопатка».

Здесь не соблюдают очереди. Почему? Чем мы хуже других? И я стал думать, нет ли возможности освободиться от всех этих несправедливостей и от навязанной военной службы? И вот один мичман, который был прикомандирован к нашему полку, в конную разведку сказал мне, что есть слух – произведенных за боевые отличия в офицеры отправят в Читу для прохождения курса. На отдыхе ежедневно происходили строевые занятия. Раз вышли на занятия, капитан и артиллерист Гайкович, временно занимавший должность командира конной разведки, стал по очереди вызывать командовать конным взводом.

Я понял, что это и есть испытание. Дошла очередь до меня. Начал командовать правильно по конному, а потом сразу перешел на пехотную команду. Командир сразу отстранил меня, и потом приказал явиться в штаб. Мичман оказался в штабе раньше меня. Там записали наши фамилии и сказали: «Придите завтра утром пораньше за документами, поедете в командировку». В избе, в которой я стоял на отдыхе со своим отделением, собрал свои вещи, т.е. шинель и вещевой мешок, передал коня взводному (это был новый трофейный конь). Конь, что называется, был дикий, кусался и лягался, но ночью эти качества он не проявлял. Я приучил его к себе. С конем нужно уметь обращаться, это я умел с детства. Хотя это и немое животное, но это верный друг человека, понимающий ласку и обхождение с ним. Приехавшие после нас в Читу передали мне, что после моего отъезда конь три дня не принимал корм ни от кого, лег и издох от ностальгии.

На другое утро мы с мичманом пошли в штаб раньше, разбудили писаря, забрали документы, пошли на «ветку». Состав был подан и мы пошли в вагон. Поезд еще не тронулся, как прибежал вестовой из штаба и, разыскав нас, сообщил, что полк срочно выступает и нам приказано вернуться. Мы переглянулись и сказали вестовому: «Бегай по вагонам и ищи нас, а потом скажешь, что не нашел».

Документы на руках, стало быть, и возвращаться незачем. Вернуться, значит, опять на фронт? Только этого не доставало. Мы не вернулись. Поезд тронулся и мы, доехав до станции главный «Нерчинск», пересели в поезд, следующий на Читу.

## 15

Прибыв в Читу, нас прикомандировали в офицерский учебный ба-



тальон. Однажды, когда проходили одиночные учебные занятия, пришел командир учебного батальона, полковник Н. Н. Николаев; следя за занятиями, он обратил внимание на исполнение мною команды другого, сказал присутствующему на занятии адъютанту батальона капитану Даншину (бывшему капитану танковой части в 1915 году): «Ему здесь не место. Его место на фронте», и указал на меня. Услышав это, я подумал: «Опять на фронт?» «Нет, этому не бывать!» После занятий я сообщил адъютанту, что я пехотинец, но прислан сюда пройти курс конного строя, т.к. я сейчас служу в конной разведке.

Адъютант относился ко мне хорошо, по-дружески, и называл меня «башкирдустан». Он ответил, что он возьмет меня к себе в канцелярию, но обратно на фронт не отошлет. Наконец я попал к нему в канцелярию не то писарем, не то его помощником. Все бумаги, касающиеся батальона, он дал вести мне, так что он получил много свободного времени. Другие несли караульную службу, но я был освобожден.

Как-то мне приказали срочно представить списки людей батальона, разбив их на три рода войск согласно послужным спискам: кто был в пехоте, артиллерии и коннице. Просидели с мичманом целую ночь, но все-таки списки приготовили в 3-х экземплярах. Своя рука владыка и я приписал себя к коннице.

После этого нас всех отправили на станцию Антипи́ха и разбили там по списку, составленному мною. В коннице нас оказалось налицо не много, всего 5 человек: командир-полковник, один штаб ротмистр, хорунжий, я и один донской казак. Не знаю, куда делись другие, по списку же было много людей, и ни одной лошади. Потом, когда мне самому удалось сбежать в Маньчжурию, то там нашел и других значившихся по списку в коннице. Оказалось, они сумели бежать раньше нас. Другие команды сразу стали выходить на занятия, а мы – нет людей. Говорили, будто идет пополнение, но откуда и когда придет, никто не знал.

Пробыли мы в команде недолго. По вечерам часто прислушивались к звукам гитары и пению молодой жены командира, которые раздавались со второго этажа, а мы помещались внизу. Однажды вечером, слушая звуки гитары, Ефим глубоко вздохнул и сказал, как бы обращаясь ни к кому: «Киснем здесь, опять попадем на фронт. Надо додуматься». Услышав это, я сразу понял, что он намерен бежать. Значит, есть хороший спутник, которого не надо остерегаться и можно говорить с ним откровенно. Стали советоваться, как быть. И вот Ефим мне сказал: «Ты ведешь канцелярские дела и не додумаешься, как быть?» Написали две командировочные за приемкой седел на станцию Маньчжурия. Здесь я тоже вел канцелярские дела и с другими бумагами, я отнес на подпись командиру. Дело было вечером, командир пил чай, а его жена услаждала его пением и игрой на гитаре. Командир был в хорошем настроении и, не читая поданных бумаг, подписался. Я спросил его, есть ли еще какие распоряжения, он ответил: «Нет, делайте, что хотите!» Казак с подписанными бумагами сразу отправился в город, мы остались одни. Мы с Ефимом быстро собрали свои вещи, пошли на станцию и успели сесть в поезд, идущий на станцию Маньчжурия.

Прибыв на станцию Маньчжурия (город Лубинь), отыскивали в тупике вагоны, в которых помещались беженцы, и устроились с ними. Так нам удалось благополучно бежать из армии.

## В ПОИСКАХ СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ

*После прибытия в Китай, ему пришлось много переезжать с места на место – Саинов побывал в таких городах, как Харбин, Шанхай, Ханькоу, Чунцин, Чэнду. Он не боялся работы, и для того, чтобы добыть средства к существованию, служил одно время грузчиком, пробовал заниматься торговлей, а после того, как самостоятельно обучился чинить машины, решил посвятить себя этому делу. Старательный и терпеливый, он был отмечен начальством, заработная плата выросла с 15 серебряных юаней в месяц до 200. Грамотный, ответственный подход к делу и исключительные личные качества создали ему добрую репутацию и среди товарищей по цеху. Однако ситуация в стране была нестабильной, и потерять работу было очень легко – Саинову раз за разом приходилось отправляться на поиски заработка. В этом бесконечном вихре смены работ и мест жительства Ахмету Хусаиновичу не раз выпадал шанс встретиться с известными людьми – так он когда-то познакомился с назначенным Советским Союзом на пост главного политического советника Национального правительства (гоминьдановское правительство под руководством Сунь Ятсена) М. М. Бородиным.*

### Строительство дома

*В 1938 г. вернувшись в Чэнду, Саинов решил остаться здесь на постоянное место жительства.*

*Он выкупил принадлежавший командиру Сычуаньской дивизии Ма Дэчжаю заброшенный участок земли, на котором когда-то находилось кладбище. Руководя строительными работами, а также*

*сам принимая в них непосредственное участие, Ахмет Хусаинович построил дом в семь комнат (четыре комнаты укрыты тростниковой крышей и 3 – черепицей), выкопал колодец и противоздушную щель. С этого и началась застройка района, вошедшего впоследствии в план города под названием «переулок Тунчэсян (Ирригационный переулок), двор 9». Кроме того, желая внести свой вклад в развитие города, сделать его облик более привлекательным, Ахмет Саинов соорудил и разместил на дверях каждого дома своей улицы номерные таблички.*

## 16

Ефим организовал артель и мы стали работать по погрузке вагонов. За погрузку одного вагона нам платили 8 серебряных юаней. Мы ухитрились за 4 дня грузить 2 вагона. На пропитание вполне хватало, и мы не обращались за пропитанием в «питательный пункт для беженцев».

Два раза приезжали из Читы и уговаривали мужчин ехать обратно. При этом говорили, что жалованье будут выдавать теперь золотом. Никто не соблазнился, не пожелал обратно. Ефим познакомился с одним машинистом, и он увез его в Харбин. Скоро после его отъезда наша артель распалась.

На станции я увидел афишу под подписью артиста любителя Мирза-Салима, впоследствии убитого в Сычуани бандитами. Сообщалось, что сегодня вечером будет татарский спектакль. Надеюсь встретить кого-нибудь из знакомых, а может и земляков, я выпил бутылку водки для смелости, самостоятельно побрился и пошел на спектакль.

Тут подсел ко мне один татарин с костылями; немного поговорив во

время антракта, сказал, что мы раньше с ним встречались при отступлении и пригласил в сад выпить и закусить. Ничего не подозревая, не доглядев даже конца пьесы, мы вышли в сад и заняли столик. Это верно, когда-то при отступлении, после потери Сяпукова, я встретил этого хромого, тогда он собирал отряд «Зеленого знамени». Не знаю, выпитая ли водка или давно не виданный ужин заставили меня согласиться выйти в сад. Он заказал ужин, закуску и графинчик водки. Я сказал, что это много и у меня не хватит денег расплатиться. Он рассмеялся и сказал: «Не беспокойся, я пригласил тебя, значит, за все отвечаю я. Рад, что встретился я со старым знакомым». В саду было много ужинающих и выпивающих. Не знаю, сколько мы выпили, но, поддерживая друг друга, очутились на постоялом дворе, где он временно жил. На полу спали еще несколько военных, мы нашли место и тоже растянулись, скоро уснули.

Утром, проснувшись всей компанией, выпили и слегка закусили. В обед еще выпили и, в конце концов, мы очутились в поезде, который в полночь и доставил нас на станцию Даурия. Здесь до моего прибытия властвовал всем известный сумасброд барон Унгерн (немец). Он со своим войском был уже в Монголии. Здесь же находилось что-то вроде штаба, формируемого башкирского ни то конного отряда, ни то корпуса. Я и не интересовался, людей у них совершенно не было, за исключением нескольких человек штабных. Проклятая водка завела меня сюда.

Здесь я познакомился с Мазитовым и впоследствии мы с ним стали большими друзьями, он оказался моим однополчанином 152 пехотного полка, стоявшего тогда в Белебеке. Начальник штаба, как и его адъютант, всегда прислушивались к голосу Мазитова, зачислили меня писарем. В Даурии, к моему счастью и большой радости, пробыл недолго, около полумесяца. Получили предупреждение, что на Даурию движется большой отряд с целью захвата станции. Чей отряд, не зна-

ли. Наши штабные в лице трех человек и одного подростка верхом на лошадях сразу умотали на станцию «Маньчжурия». Одновременно скрывался и хромой, доставивший меня сюда. Нас двоих покинули. Отряд, двигавшийся с целью захвата Даурии, не пришел и никакой перемены не произошло. Вечером мы с Мазитовым покинули Даурию и прибыли на станцию «Маньчжурия».

Там жили недолго, несколько дней, с адъютантом этого штаба поехали в Харбин, нас устроили здесь на работу. Говорили, что вывезены деньги, и каждому участвовавшему в походе будет выдано единовременное пособие. Потом адъютант сказал, что предполагается поездка в Японию и, если представится возможным, то там займемся торговлей. Действительно побывали в нескольких городах и, потратив недели две, вернулись обратно в Мукден (г. Шэньян на маньчжурском языке). После возвращения, по истечении месяца, нам сказали, чтобы мы сами налаживали свою жизнь. Нам выделили немного денег, и мы втроем, т.е. этот мулла старик, Мазитов и я поехали в Шанхай.

## 17

Здесь, приглядевшись к другим, начали торговать. Открыли в компании бакалейный магазинчик, но дело не пошло из-за компаньона, тогда начали торговать вразнос Белостокскими одеялами, шевиотом французским и Шанхайским сукном.

Товар в кредит под небольшой задаток брал наш старик беженец и, накинув на них цены, отпускал разносчиков в город. Были разносчики, умевшие торговать, и зарабатывали хорошо. Я лично не умел торговать и запрашивать цену и, если мне удавалось с одеяла заработать пять серебряных юаней, то мне было стыдно показаться на этой улице

другой раз. Скоро началась конкуренция между разносчиками, т.к. их стало очень много. Одни хвалили свой товар и хаяли товар других, сбивали цены, лишь бы заработать на харчи и комнату. Многим пришлось разъехаться по провинциям. Таким образом, и наша компания решила послать своих разносчиков по провинциям. Мне с тремя товарищами пришлось ехать в провинцию Сычуань, а другим трем товарищам в Хубэй.

И вот мы шесть человек, забрав на первое время немного товара, поехали на пароходе.

Нанкин миновали благополучно. Доехали до Киукиянга<sup>1</sup>, пароход причалил к пристани. Вышли таможенники. Мы сидели у себя в каюте и играли в карты. Старший таможенник европеец, услышав нерусскую речь (это он нам сказал, когда мы выкупали свой товар), безо всяких разговоров приказал своим людям-китайцам забрать все наши тюки. Я запротестовал, но он, несмотря на мои протесты и не обращая внимания на меня, после того, как забрали все тюки с товаром, ушел. Я догнал его и спросил: «Что нам делать? Всем ли нам оставаться здесь?» Он с гордостью победителя ответил: «Это не мое дело. Как хотите, так и делайте!» Мы с Подлесским (поляком), тоже немного говорившим по-английски, решили остаться вдвоем, а остальным ехать до Ханькоу и там ожидать нас.

В Киукиянге обошли несколько гостиниц, но везде получали отказ в ночлеге, говоря, что русским запрещено здесь жить. Это оказалось районом английского владения. Нам посоветовали поискать ночлег на китайской стороне. С большим трудом отыскали гостиницу, в которой разрешили на ночлег, после объяснений причины нашей остановки. Они, по-видимому, сообщили полиции (видно и тут было влияние англичан), потому что пришел человек в штатском и, расспросив под-

---

<sup>1</sup> Г. Цзюцзян, пров. Цзянси, Китай

робности нашей остановки, разрешил остановку на одну ночь. Только после его ухода принесли нам чай, воды умыться и затопили железную печку.

Выспавшись, утром мы пошли в таможду. В канцелярии таможди китайцы нам сказали, что надо уплатить 75 серебряных юаней пошлины. Я сказал, что при выезде из Шанхая наша компания уплатила и что 75 серебряных юаней за этот товар очень высокая пошлина. Тогда китайцы посоветовали обратиться лично к начальнику таможди, говорящему по-русски. Я вошел в его кабинет и изложил мою просьбу. Начальник таможди поляк, хорошо говорящий по-русски. Он мне ответил, что ничего не может сделать, т.к. комиссия, состоящая из китайцев, итак очень низко оценила ваш товар. «Уплатите 75 серебряных юаней и забирайте свой товар». «Вот вчера задержали одного еврея, ему тоже показалось дорого, и он хотел покончить самоубийством, бросившись в реку, но его вытащили и арестовали за попытку на самоубийство. Теперь он сидит в тюрьме и будет сидеть долго».

Получив квитанцию об уплате, мы пошли в склад и увидели развернутые наши тюки с товаром. По-видимому, они думали, что в товаре спрятана контрабанда. Мы увидели того таможенника, который задержал наш товар. Увидев нас, он подошел и, прекрасно выговаривая слова по-русски, извинился, что он не знал, что мы торгуем польскими одеялами и что он тоже поляк и попросил разрешения снять один ярлычок на память.

Он еще добавил, что войдя в нашу каюту, он услышал незнакомую речь и решил, что это и есть контрабандисты. Если б он знал, что между нами есть поляк и что мы торгуем польскими одеялами, то он бы не задержал наш товар. На пароходе же когда забирали наш товар, он ни разу не обмолвился по-русски. Я ему объяснил, что контора выдает нам товар на доверии. Мы продаем этот товар и, что заработаем на этом товаре, тем и питаемся.



Немало пострадало разносчиков товара по разным причинам. Например, в провинции Чикийан<sup>1</sup>, солдатами реакционной армии были расстреляны семь разносчиков, их посчитали за шпионов из армии Чжан Цзолия. В армии Чжан Цзолия тогда были русские, а они были тоже русские. Тогда я решил не торговать, а в Сычуани были убиты грабителями Мирза-Салим и Мустафафин.

Они были разносчиками товаров от хозяина Бакабаша. Мирза-Салим был у него в долгу и поэтому хозяин принудил его еще раз съездить в провинцию, распродать товар и расплатиться со своим долгом. Как будто у Мирза-Салима плохое предчувствие, он просил отсрочить эту поездку, ему страшно не хотелось ехать в этот раз, но хозяин, не внемля его просьбам, настоял на этой поездке. Они поехали, т.е. Мирза-Салим, Мустафин и их помощник китаец.

Но от этой поездки получился весьма печальный результат. Они торговали хорошо в городе Кванганчоф<sup>2</sup>, товар распродали, деньги перевели через китайскую торговую контору и направились опять в Чунцин за товаром, но не доехали. По словам вернувшегося их помощника-китайца выходит две версии убийства – первый раз он рассказал нам так:

Распродав товар, деньги они сдали китайской торговой конторе и, наняв лодку, втроем стали спускаться вниз по течению реки в Чунцин. Отплыв от города Кванганчоф несколько ли<sup>3</sup>, они встретили двух человек, стоящих на берегу, которые окликнули лодочника и попросили подвезти их.

1 Пров. Цзянси, Китай

2 Г. Гуанъань, пров. Сычуань, Китай

3 Единица длины, один «ли» равняется 0,5 км.

Усевшись в лодку, поговорив немного, они вынули сигареты и предложили по сигаретке: «Ми сяньшэн<sup>1</sup>, Му сяньшэн, покурите!» Значит грабители-убийцы хорошо знали в лицо, иначе они не могли обратиться к ним по именам. Когда они стали закуривать, эти два пассажира выхватила маузера. Мирза-Салим вскочил на ноги и успел крикнуть: «Грабители!» Его сразу убили и, обшарив карманы, сбросили в реку. Мы же с Мустафиным, испугавшись, сразу повернулись лицом вниз и легли на дно лодки. Немного погодя грабители позвали: «Му сяньшэн, вставай, не бойся». Когда он встал, его схватили и, свесив голову за борт, пристрелили. Обшарив карманы, тоже выбросили в реку.

Проехав еще немного, они приказали причалить к берегу. Спросив лодочника и слугу: «Уплачены ли вам деньги?», дали по одному юаню каждому и приказали покинуть лодку и идти в противоположную сторону от реки, но назад не оглядываться, иначе они их тоже убьют».

Впоследствии, по приезде хозяина убитых, он рассказал по-другому. Эти два пассажира-грабителя сели в лодку еще в городе и сказали, что они тоже едут в Чунцин. Остальное почти совпадало с ранее сказанным.

Вернувшийся слуга, когда рассказал об убийстве, то находившиеся в Чунцине товарищи Мирза-Салима и Мустафина немедленно дали телеграмму с вызовом их хозяина – Бакабаша, который, проводив их в провинцию, уехал в Ханькоу. Бакабаш по приезде в Чунцин хотел побывать в том городе, где они торговали последний раз и обратиться к местным властям, т.к. у Мирза-Салима в Харбине остались отец, мать и младшая сестра, и хотел захватить с собою слугу-помощника, но в день отъезда слуга скрылся и убежал.

Ему же, как он нам сказал, не разрешают ехать туда. Он все же без

---

<sup>1</sup> Переводится с китайского как «мистер», «господин».

разрешения добрался до города Хочов (Hochow)<sup>1</sup> и от местных жителей китайцев-магометан узнал, что одного убитого прибило к берегу и его похоронили по мусульманскому обряду, т.к. в нем опознали Мирза-Салима. Хоронившие также сообщили Барабашу, что у убитого Мирза-Салима правая рука около плеча была порезана ножом. Бакабаш, побывав на могиле, хотел пригласить фотографа для фотографирования могилы, но ни один не согласился, отказ свой они объясняют тем, что местными властями они предупреждены не фотографировать эту могилу. В Кванчанчоф в то время властвовал генерал Ян Сэнь, и Бакабаш хотел потребовать у него оказания помощи родителям убитых, но его дальше Хочова не пропустили.

Бакабаш – бывший русский жандарм – все же ухитрился приема у Ян Сэня. Когда Ян Сэнь приехал в Чунцин и в городском саду устроил обед, то Бакабаш, нарядившись как важный иностранец, проник в сад и телохранители Ян Сэня пропустили его к званым гостям. Ян Сэнь, не зная его в лицо, все-таки как европейца пригласил к столу. Поговорив немного, Бакабаш высказал свои требования и Ян Сэню при многочисленных гостях неудобно было ему отказать в его просьбе и он велел своим телохранителям выдать ему деньги. Дошли ли эти деньги родителям убитых, не знаю. Впоследствии мне передали, что Бакабаша в Ханькоу реакционная власть казнила, обвинив его в продаже аспирина японского производства.

## 19

Фархутдинов, Султанов и Шакиров спустя долгое время, собрались

---

<sup>1</sup> Так в рукописи Саинова, о неизвестно, это какой город.

ехать по тому же направлению. Я долго отговаривал их не ехать в те края, но они говорили, что в том районе всегда можно хорошо торговать, и поехали. С полдороги Шакиров отделился и поехал в Чэнду выкупать присланный из Шанхая товар.

Прошагав 100 ли от города Shunking<sup>1</sup>, Фархутдинов и Султанов остановились в маленькой деревне в маленькой гостинице на ночлег. Фархутдинов улегся и опустил полог кровати. Султанов на другой кровати, не раздеваясь и свесив одну ногу, прилег и начал петь грустную песню. Фархутдинов сказал ему: «Не грусти, нельзя так». Немного погодя засыпая, Фархутдинов услышал, будто раздались разрывы маленьких хлопущек и как Султанов ахнул. Он вскочил с кровати и увидел нескольких посторонних людей в комнате. Он понял, в чем дело и сразу поднял обе руки. Один из грабителей крикнул ему: «Вынимай часы и камни!» Но другой грабитель сказал тому: «Он не торгует часами, а одеялами, а где другой, рябой?» Султанов и Шакиров оба были рябые.

Фархутдинов ответил ему: «Рябой, торгующий часами и камнями, отделился от нас и не поехал с нами». Грабители, забрав все, что можно было забрать: никелированную мыльницу, новую шляпу (вместо нее оставили старую), свернутые валиком Белостокские одеяла (в них были завернуты сто юаней) и другие вещи, ушли не торопясь, наигрывая на губной гармошке Фархутдинова. В соседней комнате плакала женщина, прося грабителей оставить хоть немного денег, чтобы ей с ребенком можно было добраться до дому. Когда все стихло, Фархутдинов опомнился от страха и позвал Султанова, но он был мертв. Одна пуля попала ему в ногу, а другая прямо в сердце. Спустя некоторое время в деревне подняли тревогу, но грабители, не торопясь, давно исчезли. Эти грабители тоже хорошо знали, кто и чем торгует.

<sup>1</sup> Неизвестный город.

С рассветом Фархутдинов с большим трудом нанял носилки для мертвого и доставил его обратно в Shunking. (Многие носильщики паланкинов отказывались нести мертвого, говоря, что боятся мести со стороны грабителей). В Shunking местное мусульманское общество уплатило носильщикам и похоронило Султанова.

Фархутдинов по возвращении в Чунцин, по-видимому, от пережитого страха прихворнул. Он привез свое ватное одеяло и отдал в стирку. Одеяло это грабители не забрали с кровати, по-видимому, посчитали за одеяло этой маленькой гостиницы. Еще раньше этих случаев я решил не торговать, т.к. хождение по провинциям и остановки в маленьких деревушках рискованны, да еще мне не нравилось, так сказать, запрашивание цен и на этом зарабатывать, такая торговля была мне не по душе.

## 20

На маленькое сбережение купил учебник по ремонту машин внутреннего сгорания и решил поступить на «Курсы шоферов – механиков», которые были открыты в Шанхае при одном гараже двумя братьями Маринычами, приехавшими из Франции. Я начал учиться править машиной, т.е. шоферить. Окончив курсы, надо было обратиться в местное полицейское управление за получением шоферского лицен-са, сдать экзамен и внести плату, но у меня уже не хватало денег. Ранее меня окончившие курс и получившие право управлять машиной сказали, что эту работу здесь получить трудно, почти нельзя. Они обращались к иностранцам, но им сказали: «Это теряет лицо европейца!» Вот встретил одного знакомого, который в г. Ваньсянь Сычуаньской провинции закупал свиные кишки и отправлял в Германию, в разго-

воре сказал ему, что окончил шоферские курсы, но работу здесь найти невозможно. Он мне сказал, что в Ханькоу у него есть знакомый во французском гараже и, если я хочу, то он может рекомендовать меня ему. Я согласился, и он написал письмо с просьбой устроить меня в их гараж. Мои два друга дали свои сбережения и я купил билет до Ханькоу.

Прибыв в Ханькоу, поместился в китайской гостинице, но ввиду жары первую ночь провел на скамейке на набережной. Отдыхающих от жары на набережной было много – все скамейки были заняты людьми. С трудом на набережной французской концессии нашел одну свободную скамейку. С рекомендательным письмом на другое утро я разыскал французский гараж, но там свободного места не оказалось, и они сами сидели без работы. Главный мастер этого гаража проводил меня в американский гараж. Там главный мастер, Логашкин, тоже русский.

Логашкин сказал мне, что он только что принял на работу одного русского, но тот едва ли выйдет на работу завтра утром. «Вот что, приходи завтра утром и, если тот не выйдет на работу завтра утром, то приму тебя». Он дал мне адрес торговцев-разносчиков и я временно поместился у них. На следующее утро я пришел в гараж и был принят на работу. Жалованье на первое время, сказал главный мастер, будет 15 серебряных юаней. На пропитание вполне хватало. Я был рад, что поступаю на работу и смогу здесь научиться многому. Я интересовался всем и ко всему приглядывался. Работал, что называется не покладая рук, стараясь скорее научиться гаражному и ремонтному делу. Видя мое старание и желание работать, мне, по-видимому, в поощрение сделали прибавку жалованья. Мы с мастером-красильщиком подружились, но он мне многого не говорил, т.к. в старое время ученику-рабочему не передавали свой опыт, свои знания, боясь, что ученик, научившись, подставит ноги своему мастеру или, в крайнем

случае, уйдет от него, откроет свое маленькое дело и начнет конкурировать с ним. Поэтому, желающему научиться работать, надо было самому приглядываться ко всему. Мой мастер готовил шпаклевку, а я грунтовал машины, это он мне объяснил, как накладывать шпаклевку. Раз я спросил его: «Чего и сколько надо брать для приготовления шпаклевки?» Он ответил: «Добивайся сам, потом пригодится. В этой комнате есть все необходимое для приготовления шпаклевки. Что тебе кажется нужным, бери и пробуй сделать сам». В это время нам дали еще одного новичка-рабочего и мастер сказал мне: «Сегодня ты готовь шпаклевку и с новым учеником зашпаклюйте старый Ford». Видеть-то я видел, какие материалы он брал для приготовления шпаклевки, но не знал дозы. Все же решился и попробовал. Зашпаклевали машину и, когда на другое утро начали работать, к моему великому удивлению и огорчению, ни я, ни новый ученик не могли наждачной бумагой сколько-нибудь поровнять шероховатости. Мы взялись за подпилки и рашпили, но работа почти не продвигалась. «В чем дело? Чего лишнего я подмешал?» Шпаклевка получилась крепкая как камень. Мастер намекнул на мою ошибку, и я исправил ее, наложив тонкий слой второго пласта. После обеда работа пошла быстрее и легче, но новый ученик, проработав два дня, отказался работать в покрасочной. Пыль от шпаклевки забивалась в нос, и эта работа показалась ему грязной, да и, приглядевшись к другой гаражной работе, отказался работать в гараже. Я же научился этой работе и гаражно-ремонтному делу и, впоследствии, когда меня перевели в Чунцин, все это пригодилось.

Как-то раз, пробуя новую машину, хозяин гаража поехал с нами. Управлял машиной главный мастер, при переключении скорости у него получился скрежет, тогда хозяин гаража спросил меня: «Султан, ты молодой – почему не учишься шоферить?» Я ответил ему, что я умею шоферить. Тогда он приказал мне сесть за руль. Проехавши несколько улиц, вернулись обратно в гараж. Немного погодя пришел

заведующий запасными частями и сказал мне, что хозяин гаража приказал: при продаже и пробе новых машин шоферить мне.

В Ханькоу получив лиценс на право управления машинами, я был переведен на зарядку и ремонт батарей. Теперь я уже сам стал мастером по ремонту и зарядке батарей и дали мне несколько учеников, прибывших из г. Чанша для обучения управлять машиной и ремонту батарей.

21

К Ханькоу приближалась армия Чан Кайши и говорили, что у нас будут сокращать штат рабочих, т.к. с приближением фронта работы становилось все меньше и меньше. Старший механик, его брат и один рабочий-кузнец взяли сами расчет и уехали в Австралию. Старшим механиком назначили другого. Сокращение меня не коснулось, т.к. еще двое до сокращения штата перевелись в другой гараж «Chevrolet». Теперь мне приходилось шоферить и на грузовиках и на легковых машинах.

С прибытием в Ханькоу армии Чан Кайши прибыл советский генерал Ален, Бородин и советские летчики. Один советский летчик часто приходил к нам в гараж и подружился с мастером покрасочной. Мастер покрасочной при разговоре с ним заикнулся было о том, что ему хочется вернуться на Родину. Летчик ему сказал: «Вы здесь свободны. 8 часов работы и после работы делаете, что хотите и идете куда хотите, не забудьте этого. Там же не придется пользоваться всем этим». Как-то раз вечером мои три товарища пошли на японскую концессию навестить знакомых и поиграть в карты. В тот вечер мне не хотелось идти, и я отказался, сказав, что хочу немного отдохнуть. Мы жили на



французской концессии и им надо было перейти бывшую германскую. Они почти было прошли бывшую германскую концессию и свернули на набережную, как их нагнал черный крытый автомобиль и остановился около них. В этот момент человек, сидящий на набережной, поднялся со скамейки и, преградив им дорогу, заявил: «Вы арестованы!» Из автомобиля выскочило несколько китайцев и, приставив маузеры, толкнули их в автомобиль. На их протесты один из вооруженных заявил, что они арестованы по приказу генерала Алена. Арестованных доставили на китайскую сторону в полицию и, заперев в одной комнате, еще раз заявили, что они, как русские, арестованы по приказу генерала Алена. Хозяин гаража на другое утро, узнав об аресте его рабочих, немедленно через американское консульство потребовал освобождения своих рабочих. Часов в 10 утра в сопровождении двух полицейских, переодетых в штатское, они были доставлены в гараж и переданы хозяину гаража.

Бородин же не преследовал русских. Однажды он навестил наш гараж, желая купить для жены подержанный автомобиль. Когда он вошел в гараж, мы увидели из окон, как китайцы в штатском, европейском костюме, немедленно появились перед нашим гаражом и правую руку держали в кармане, по-видимому, сжимая рукоятку оружия на случай, если произойдет нападение на Бородина. Купить автомобиль ему не пришлось, т.к. его жена ехала на пароходе «Ленин» и в Нанкине этот пароход был потоплен агентами Чан Кайши, т.к. вез советскую литературу. И сам Чан Кайши изменил революции, и Бородин должен был вернуться в Советский Союз. Между прочим, Бородин не преследовал русских, он даже помог освободить одного нашего рабочего, адресованного китайской полицией и посаженного в кутузку. Наш гаражный рабочий, бывший подполковник, поздно вечером в пьяном виде управляя машиной, возвращался с японской концессии и сшиб едущего на собственной коляске-рикше богатого китайца. Коляску

наш гараж сразу отремонтировал – небольшое повреждение. Рикша и его хозяин не пострадали, но виновника в неосторожной езде посадили в полицейскую кутузку бывшей германской концессии. Бородин жил наискосок (напротив, но немного в стороне) от полиции, и случилось, что Бородин как раз на другой день навестил полицию и заинтересовался арестованными. При осмотре заметил одного русского и спросил его: «Русский? За что сидишь?» Этот бывший подполковник, любящий напомнить о своем чине, ответил: «Так точно, товарищ Бородин, русский, бывший подполковник, в пьяном виде сшиб рикшу богатого китайца, за это сижу». Бородин приказал освободить арестованного. Мы и подумали, что если б полицию навестил не Бородин, а Ален, то он, наверное, поступил бы иначе и бывшему подполковнику не сдобровать бы за его старый русский чин. После обеда этот бывший подполковник вернулся в гараж и рассказал нам об его освобождении Бородиным.

Все же я с другим шофером нашего гаража Алеком, пока не поздно, решили временно покинуть Ханькоу. Он тоже был в числе арестованных по приказу Алена и больше всех перетрусил, конечно, это и на меня повлияло. Мы жили с ним в одной комнате и каждый вечер, ложась спать, он говорил: «Не сегодня ночью, так завтра ночью нас опять заберут. Будь готов!» Мы заявили нашему старшему мастеру, что нуждаемся в лечении и просили отпуска съездить в Шанхай. Хозяин гаража устроил нас на английский пароход «Хенвис», погрузил 3 новых грузовика, и мы стали сопровождающими этих грузовиков, при отъезде посоветовал мне по прибытии в Шанхай пойти к представителю автомобилей «Packard» и от его имени передать, чтобы мне временно дали работу в их гараже. В Шанхае у меня было много знакомых и, по приезде навещая их, я упустил время явиться в гараж «Packard». Меня опередил Ален, и его приняли служащим газопомпной колонки.

У Алена оказалась чахотка, и он умер в Шанхае, это я узнал после возвращения в Ханькоу. Желудок требует пищи, а для этого надо иметь деньги. И вот мои знакомые предложили временно вступить в их артель по наблюдению погрузки и разгрузки океанских пароходов. Возвращаться в Ханькоу было рано, и пришлось согласиться. Обычно я, как владеющий немного английским языком, стоял у трапа. Раз я был очевидцем погрузки контрабанды на норвежский пароход – ящики с вином. В полночь работа на пароходе закончилась и, когда рабочие-грузчики ушли, с противоположной стороны трапа появилась большая шлюпка. Заметив, что шлюпка приближается к этому пароходу, старшина афганец, находящийся недалеко от меня, сказал, чтобы по трапу никого постороннего не пропускать, а сам уселся недалеко от меня и начал молиться. Я услышал его слова: «Пронеси, Господи, беду». Матросы парохода моментально сгрузили шлюпку, и она скрылась в темноте. Не прошло и получаса, как с той же стороны причалил таможенный катер. Сделали обыск парохода, но ничего не нашли и с тем отъехали. Куда могли спрятать столь многочисленные ящики, очень интересно. Однажды, дежуря у трапа на германском пароходе, мне очень захотелось пить, ночь выдалась удушливая, жажда замучила, но буфет закрыт. Другие пароходы для ночной смены всегда оставляли ключ от буфетной, и можно было попить чайку или же скушать немного хлеба (булочку), но на германских и французских пароходах этого не было. На норвежских, американских и кубинских пароходах-грузовиках всегда мы были сыты. Я поискал и нашел насос. Стал качать, появилась вода. Я сделал несколько глотков, но вода отвратительная, нельзя пить. На утро оказалось, что этот насос работает прямо из реки Хуанпу для мытья палубы. Этой-то воды я и испробовал.

К предстоящей смене я почувствовал себя очень плохо. Попросив другого человека встать у трапа, пошел к трюму, где закончилась работа, и увидел, что между пароходом и причалом качается тело утоплен-

ника. Окружив себя многочисленными электрическими лампочками, сел, чтобы немного согреться. Меня знобило, а ночь была не холодная. Пришла смена и сменившиеся товарищи проводили меня до квартиры и, думая, что я простудился, напоили перцовкой и укрыли одеялами. Появились боли в животе, и на третье утро я без ошибки определил, что у меня начинается дизентерия. Пришлось обратиться в госпиталь и пролежать там более месяца. Выздоровев, вернулся в Ханькоу на старое место моей службы. В Ханькоу было уже спокойно.

## 22

В это время в наш гараж был принят на работу один подросток лет 15–16 по имени Васька (Василий).

Он говорил, что они два паренька бежали из Владивостока. Одного из них, Ваську, – приняли в наш гараж заведовать выдачей и приемом инструментов. Мы с товарищем Ибрагимом дали место в нашей комнате и довольствие на первое время. За это он очень хорошо отблагодарил. Я должен был ехать в Чунцин, в новооткрытое отделение нашего гаража. Я стал сдавать имеющиеся у меня на хранении новые 6-вольтовые батареи и не мог досчитаться 10-ти. Столь большой ошибки в хранении не могло быть. Здесь есть утечка, т.е. кража. Главный мастер сказал: «Если сообщить об этой пропаже в контору, то на всех русских, работающих в гараже, ляжет тень и твой перевод может не состояться. Я уверен, что это дело не твоих рук, но есть некоторые товарищи, которые подозревают тебя». На это я ответил: «Подозревать можно каждого, но на это надо иметь доказательства. Пусть они докажут свое подозрение! В этом деле я не замешан, но моя вина в том, что уходя домой вечером после работы, я не пересчитывал находящи-

еся в моей комнате новые батареи. Одно могу сказать, что мои руки чисты, и я не умею воровать. Что касается того, что если доложить об этой пропаже конторе, то на всех русских ляжет тень, то тень на русских не ляжет, я выплачу стоимость батарей, урывая часть из моего небольшого жалованья, и все-таки выплачу. Но не думайте, что я продал эти батареи, деньги израсходовал и теперь, желая выйти чистым из воды, пришел к этому выводу. Нет, я не хочу, чтобы по моей вине контора опорочила русских. Товарищи работают честно, но, видимо, в стадо русских рабочих проникла паршивая овца. “Шила в мешке не утаишь”, так говорит русская пословица и, по-моему, рано или поздно виновник будет обнаружен. Человек, благополучно укравший 10 батарей, на этом не остановится. Это его специальность и он будет продолжать свою работу и, в конце концов, споткнется и будет пойман. Вот мои слова – теперь вы думайте, как хотите». Старший механик согласился с моими словами и на следующее утро предупредил меня, что сегодня вечером я должен погрузиться на пароход, отправляющийся в Чунцин. Старший механик и некоторые товарищи проводили меня на пароход с подарками.

После моего отъезда наш гаражный шофер-механик Семенов заинтересовался этой пропажей батарей и взялся выяснить ее. Первое, что навело его на мысль – это соединение двух комнат. Комната для хранения и ремонта батарей соприкасалась с комнатой хранения инструментов. Ключ от ремонтной комнаты всегда был у меня, а ключ от комнаты хранения инструментов – у Васьки. Это навело его на мысль, кто же из них виновник?

Вот тут-то он и увидел, что эти две комнаты соединены окошечком, которое не запирается. Он, поговорив со сторожем гаража индусом, узнал, что по воскресеньям в гараж кроме Васьки никто не приходит. Приходит Васька, отпирает свою комнату и уносит для стирки белье. Обыкновенно все рабочие уносят робы для стирки в субботу после

окончания работы, почему Васька в воскресенье? Таким образом, шофер-механик взял на подозрение Ваську.

Для того, чтобы выяснить, действительно ли Васька виновен, он для виду подружился с ним. В одно воскресенье он пригласил его в бар выпить пива. При вторичном посещении бара шофер-механик отказался больше пить, заявив, что денег у него больше нет, но опьяневшему Ваське, по-видимому, захотелось похвастаться перед новым другом и он, вынув из кармана пачку десятирублевых кредиток, сказал, что этих денег в один вечер не истратить. Васька получал небольшое жалованье в 15 серебряных юаней и, конечно, он не мог скопить сколько-нибудь денег. Шофер-механик понял, откуда у Васьки деньги. Для более ясного выяснения он, еще ближе подружившись с ним, стал говорить о том, что у него большая семья и жалованья едва хватает на пропитание. Вот тут-то Васька и раскрыл ему тайну, как завести деньги.

Шофер-механик выяснил, что по воскресеньям Васька приходил в гараж, отпирал свою комнату и через это окошечко проникал в мою комнату и, забрав одну шестивольтовую батарею, заворачивал в грязную робу и уносил. Сторож-индус сидел у входных ворот и не интересовался, что делает приходящий по воскресеньям Васька. Наш главный мастер всегда говорил, чтобы по воскресеньям никто из рабочих не заходил в мастерскую без его разрешения. И на это индус-сторож не обратил внимания. Он же, забрав одну батарею, завернутую в ненужное белье, благополучно миновав индуса, направлялся на японскую концессию и там закладывал японцу в ломбард. Индус даже не интересовался, почему грязное белье такое тяжелое. Позже я получил от старшего механика письмо с описанием, как шофер-механик дознался об этой краже (также об этом рассказал мне временно командированный в помощь мне механик нашего гаража Л. Тарантин), о том, что батареи выкуплены, и что он, старший механик, считает своим долгом вернуть половину этих денег мне, т.к. он считает, что тут есть

и его доля вины. Он, как старший, должен был проверять имущество гаража, но он упустил это из виду и не делал этого. Я ответил ему: «Спасибо! Своих слов я не меняю, я хозяин своему слову и отказываюсь от половины, помня пословицу “Умри, но обещанное выполни”». Выплатить мне не стоило больших трудов, т.к. в Чунцине я был переведен на положение старшего механика и жалованье, сверх моих ожиданий, было приличное, т.е. я получал 200 серебряных юаней в месяц.

## ОБРЕТЕНИЕ СЕМЬИ

*В 1931 году Ахмет Саинов женился на девушке-мусульманке национальности хузэй. Ее семья пекла и продавала пампушки и паровые пирожки на входе в учебный плац (по-китайски: «Цзяочанкоу»). Через год после свадьбы жена Саинова забеременела, но, получив заражение крови, скончалась вместе с не успевшим увидеть свет младенцем. В 1933 году Ахмет Хусаинович вступает в брак во второй раз, беря на этот раз в жены младшую сестру первой жены – Лань Сяомэй, которая родила Саинову 4 детей. Вместе они прожили долгую и счастливую жизнь.*



Лань Сяомэй со старшей сестрой Лань Лижун, 1933 г.





Супруги и их дочь, 1935 г.



Супруги Сашовы с двухлетней дочерью, 1937 г.



Новобратные

Прослужив два года, скопил немного денег и женился на китайке-мусульманке. Прожил с ней только полтора года, и она умерла. Главный доктор госпиталя, европеец, не знал, что она беременна. Я же не знал, что об этом надо сказать доктору. Видимо, ребенок в утробе матери умер, и мать получила заражение крови.

В 1933 году женился на ее младшей сестре, не дав окончить школу. С этой женитьбой прибавилась моя семья, т.е. отец, мать и младший братишка жены переехали ко мне на иждивение. Потом на женитьбу ее братишки также пришлось понести расход. Она обошлась мне в 50 серебряных юаней. На службу также рекомендовал его я.

И так в Ханькоу я прослужил пять с половиной лет и в Чунцине 6 лет, и гаражи наших отделений были опечатаны за долги. За какие долги? В Ханькоу нашей главной конторой были проданы аэропланы Нанкинскому правительству. Желая приобрести вторую партию, подписали новый контракт, но, когда получили извещение, что аэропланы готовы и надо выкупать, Нанкин отказался от них, т.е. нарушил подписанный контракт. Ханькоуская контора не могла выкупить заказанные аэропланы, поэтому ее и ее отделения опечатали, и все перешло в ведение Китайского банка. Служащие остались без работы.

## ВОЙНА СОПРОТИВЛЕНИЯ ЯПОНСКИМ ЗАХВАТЧИКАМ

*Со второй половины 1934 года Саинов начинает службу в 21-й армии под руководством Лю Сяна в звании майора, получая жалование в 100 серебряных юаней ежемесячно. За время службы Саинов отремонтировал несколько десятков единиц военной техники, воспитал славную команду ремонтников и шоферов. В ноябре 1937 года Саинов получает приказ явиться в Нанкин в распоряжение командного штаба.*



Саинов, занятый монтажом танков в местечке Цзяочанкоу, Чунцин, 1931 г.

*ба 7-го района боевых действий. Начальство штаба сообщило, что «захвачено много японских танков, но никто не знает, как поступить с ними». Саинов, как китайский подданный, вынужден был подчиниться приказу – в начале декабря ранним утром он прибывает в Ханькоу. В это время недалеко от Нанкина начались массовые убийства, осуществляемые японской армией, и Саинов вместе с товарищами, дабы сберечь имущество, находящееся в распоряжении китайской армии, решает увезти две машины в Чунцин. По прибытии в Чунцин, Ахмет Саинов вновь поступает на службу в 21-ю армию уже под руководством Дэн Сихоу и служит там механиком при командном штабе.*

## 21

Мне сразу предложили работу в 21-й армии – наблюдать за состоянием двух броневых автомашин, купленных в Англии, и пяти тракторов, (проданных нашим гаражом и переделанных в танкетки), а также обучать молодых водителей-танкеток езде на мотоцикле. На службу должен приходиться в неделю два раза, жалование 100 серебряных юаней в месяц.

Познакомившись ближе с водителями машин, понял, что этот отряд не сможет существовать долго. Оно так и вышло. 24-я армия Лю Веньхуэя, владевшая городом Чэнду, начала войну с 21-й армией Лю Сяна, владевшей Чунцином. Оба эти Сычуанские царьки были в родстве, но затеяли между собой войну. Наконец 21-я армия, тесня противника, с некоторыми потерями дошла до перевала Яцюеку (до Чэнду еще 24 километра) и приняла здесь большой бой. На помощь должны были спешить 2 броневых автомобиля, но они с полдороги вернулись, заявив, что мосты не выдерживают тяжести броневых автомашин. А их

от Чунцина до Чэнду только два моста. Конечно, это только отговорка. Машины могли пройти мосты, т.к. для этого были специальные приспособления, но команда боялась, если заглохнет и стартер не возьмет, то придется заводить ручкой, а для этого надо выйти из машины – это рискованно. Конечно, на это объяснение я задал вопрос: «Пехота не имеет брони, а все-таки идет в бой. Чем они гарантированы от ранений и смерти?» Меня команда предупредила не говорить об этом при начальстве.

Эта автоброневая часть просуществовала год, ее расформировали как ненужную, не годную для войны. За несколько дней до расформирования пришел ко мне китаец из Канадской миссии и, поговорив, сказал мне, что автоброневая часть скоро ликвидируется и, если я согласен шоферить на грузовике госпиталя, курсирующего Чэнду–Чунцин, то пойти к ним в Канадскую миссию и договориться об условиях работы. Значит, миссионеры раньше нас знали о будущем расформировании этого отряда.

Не желая остаться без работы, я согласился. Плата 100 серебряных юаней в месяц и во время нахождения в пути, плюс харчи, т.е. обед, ужин и ночлег в гостинице за счет госпиталя. Оказалось, делать погрузку и разгрузку приходилось часто самому. Наконец я запротестовал, сказав, что все китайские грузовики, обслуживаемые шоферами китайцами, имеют помощника, а на этом грузовике только я один и, случись что в дороге, некого попросить помочь. После обсуждения этого вопроса миссия согласилась на то, чтобы я нашел помощника, но платить они ему не будут. В дороге же он будет пользоваться всем тем, чем и я. Тогда в помощники я взял братишку моей жены и отнял, так сказать, у него время на бездельничание и он, как мой подручный, стал интересоваться машиной, полюбил это дело и потом поступил в

мастерскую «Гун-лу-цзюй»<sup>1</sup> по ремонту машин внутреннего сгорания.

Прослужив год, я рекомендовал вместо себя другого человека, т.к. меня, как китайского подданного, и всех бывших в отряде автоброневиков потребовали явиться в Чэндуское отделение штаба Канцелярии дубаня (военного губернатора). Штаб купил 35 новых грузовиков марки «ford» и 15 разных марок легковых автомобилей, в этом числе были и новые и старые. Я был назначен старшим механиком опять с жалованьем в 100 серебряных юаней в месяц. И у меня было 20 учеников-подмастерьев, бывших в отряде военной техники 21-й армии. Ввиду того, что грузовики были новые, работы было мало, но и жалованье получали не аккуратно. Иногда задерживали месяц и больше, говоря, что нет денег. На самом деле заведующие выдачей денег отпускали деньги под проценты или, закупив какой-нибудь товар первой необходимости, ждали поднятия цен, чтобы заработать и приобрести себе недвижимое имущество. Об этом знали многие, но ничего поделать не могли.

Жалобы не доходили до цели, т.к. начальство реакционной власти заботилось только о своем кармане, а не об удовлетворении нужд подчиненных. Во время Японско-китайской войны 5 человек, бывших командирами и водителями двух автоброневиков и танкеток 21-й армии, в ноябре получили приказ отправиться в Нанкин в распоряжение командного штаба 7-го района боевых действий. Я долго отказывался от этой поездки, говоря, что мне, русскому по документу, запрещено находиться близко от фронта. Но мне заявили, ты китайский подданный и должен подчиняться, что тебе прикажут, и говорили, что захвачено много японских танков, но никто не знает, как поступить с ними. И вот меня заставили ехать в Нанкин.

---

<sup>1</sup> Управление государственными дорогами

Из Чэнду выехали в полдевятого утра 22 ноября автобусом в Чунцин. При реакционном правительстве не было здесь железнодорожного сообщения, хотя много лет и собирали деньги с народа на постройку железной дороги Ханькоу–Чунцин–Чэнду. Планировали, собирали деньги, но работа не двигалась, и дорога не строилась. После освобождения страны сразу приступили к постройке железной дороги Чунцин–Чэнду. С жителей не собирали денег, не гнали народ на бесплатную работу, но в короткий срок построили великолепную дорогу. Все это сделано и делается под мудрым руководством любимого нашего вождя Мао Цзэдуна и Компартии Китая.

В первый день прибытия из Чунцина в Чэнду первого поезда, открывающего движение по этой дороге, собралась масса народу порадоваться и приветствовать прибытие этого поезда. Одна старушка из присутствующих заявила, что при реакционной власти много лет с нее брали деньги на постройку железной дороги, и она не видела, что это за дорога. Теперь же, после освобождения, с нее не требовали денег, а построили дорогу, и что она пришла от всего сердца поздравить прибытие этого поезда и вместе со всеми присутствующими порадоваться прибытию этого поезда.

## 25

Прибыв в Чунцин и оформив нужные документы, устроились на пароход «Миньлай», плыли как сельди в бочке и прибыли в Ичан 7 декабря. Перезагрузились на пароход «Тайсин». Тоже теснота. Пассажиры теплохода исключительно солдаты и все время ссорятся между собой из-за кухни. В три часа ночи 10 декабря прибыли в Ханькоу и на набережной ждали рассвета.

В 6 часов утра узнали, что штаб из Нанкина уже переведен в Ханькоу и генерал Лю Сян лежит в госпитале. Я с одним учеником был оставлен в Ханькоу при штабе для ремонта штабных автомобилей, а остальные отправлены дальше на фронт. Ремонта почти не было, за исключением небольших регулировок и проверок состояния машин. Каждый день по тревоге бегали на французскую концессию и, за неимением укрытий или бомбоубежищ, отсиживались в гостиницах, штаб же наш находился на японской концессии. Во время нашего пребывания в Ханькоу японцы ни разу не бомбили город.

20 января в 8 часов вечера, находясь в госпитале, генерал Лю Сян умер. У него была старая болезнь желудка, болел он еще будучи в Чэнду, но поддерживал (лечил) его французский консул – он же был доктором. На самолете прилетела жена умершего Лю Сяна, зафрахтовала один пароход и, погрузив весь штаб и гроб с Лю Сяном, уехали. Оказалось, что нас несколько человек оставили в Ханькоу, даже не предупредив об этом, а также пять легковых автомобилей.

Мы прожили после отъезда штаба еще недели две, но видно было, что оставшиеся три фугуаня<sup>1</sup> не торопились с выездом. Каждый вечер ездили играть в мацзян. Я увидел, что из оставленных пяти автомобилей осталось только два. Я спросил одного из фугуаней: «Куда девались три авто?» Он мне ответил, что они поставлены на ремонт в гараж. Эти три автомобиля не нуждались в ремонте, что заставило их поставить в ремонт, не знаю. У меня явилась мысль, что их продали и прокручивают деньги, значит, если мы будем продолжать жить здесь, то не видать и этих двух автомобилей. Тогда оставшемуся за старшего Хэ Му (об этом он заявил сам) я категорически заявил о нашем ненужном нахождении в Ханькоу и сказал, что завтра утром беру один автомобиль и выезжаю в Сычуань.

---

<sup>1</sup> Адъютант



Он хотел отговорить меня и сказал, что только по получении военного флажка мы можем ехать, иначе нас в пути задержат. Я ответил ему: «Это глупости. Штаб давно умотал, кто даст тебе этот флажок?» «Завтра утром я забираю один автомобиль и выезжаю, и никаких препятствий не должно быть учинено. Вы же, как хотите, так и делайте. Я не хочу сидеть до тех пор, пока япошки сцапают нас, как курей».

Ночью выпал маленький снежок и растаял. Чуть свет и я начал заводить один автомобиль. Когда начал укладывать свои вещи, прибежал этот старшинка и просил меня немного подождать, не бросать их. Они тоже решили ехать вместе со мной. Завели второй автомобиль, уложили и они свой багаж, и мы тронулись в путь. Первый день мы проделали, т.е. проехали 45 километров в дождь и слякоть. Ночь провели под навесом около дороги.

Настоящей, хорошей дороги нет. Реакционная власть не позаботилась об устройстве дороги и поэтому автобусы, курсирующие между Ханькоу и Лохэкоу, Шаши и Ичаном, пользовались дорогой, проложенной по насыпи, предполагавшейся к постройке железной дороги.

Машины то и дело буксуют, вязнут в грязи. Нас в двух машинах было 12 человек, плюс багаж, 15 банок керосина и газolina. Также и крестьян старшинка, угрожая маузером, заставлял вытаскивать застрявшие в грязи машины. Крестьяне нам сказали, что во время дождей движение по этой дороге прекращается. На второй день, проделав 42 километра по этой ужасной дороге, разбили один аккумулятор и у другого авто порвался приводной ремень вентилятора. Пришлось послать одного человека в Ханькоу за покупками аккумулятора и приводного ремня. Посланный вернулся только 4-го февраля.

Наконец с большими трудностями добрались до Ичана и поместились в доме дачного вида, принадлежащем одному из военнослужащих нашего штаба, и прожили здесь 17 дней, ожидая отпуска и замены.

Здесь, т.е. в Ичане, надо было грузиться на пароход, т.к. ехать через провинцию Гуйчжоу на автомобилях не советовали. Есть и шоссе до Сычуаня, но нам сказали, что доехать до Чунцина не удастся, т.к. в Гуйчжоу сейчас автомобили отбирают. Кто отбирает, нам не отвечали.

Решили отправиться в контору пароходов, но везде получали один ответ: «Придется ждать очереди месяца два!» У старшинки оказалась телеграмма с приказом немедленно погрузиться на пароход и возвращаться в Чунцин. Предъявляли телеграмму, но и это не помогло. Тогда мы двое, стремящихся возвратиться в Чэнду, решили поискать нанять баржу, погрузиться и ехать таким образом, но не легко было найти таковую. Все лодки, баржи и джонки были мобилизованы реакционными властями или же арендованы беженцами, имеющими деньги. В поисках джонки мы прожили в Ичане 17 дней. За время нашего пребывания в Ичане, три раза была воздушная тревога. В последнюю тревогу я с моим подручным обедал в маленькой столовке, которая находилась поблизости от местного аэродрома. Бежать не успели и принуждены были спрятаться здесь. Японцы бомбами подпортили несколько аэропланов, не успевших подняться и удрать. Обычно при тревоге аэропланы реакционной власти взлетали и уходили в противоположную сторону, а не туда, откуда должен был появиться вражеский аэроплан. За городом много было раненых и убитых.

Наконец мы с одним шофером нашли одну старую лодку, на которой никто не решился путешествовать. Хозяин лодки думал на ней открыть опиумкурулку. Хотя наш старшинка и был недоволен нашей находкой, но за неимением другой, лучшей, наш старшинка сговорился о цене с хозяином лодки, который оказался опытным рулевым, и хорошо знакомым с этой рекой Янцзы. Он обещал в 15 дней доставить нас до Чунцина, но погода и ветер задерживали нас и мы добрались до Чунцина только на 30-й день.

## 26

23 февраля с утра начали погрузку на лодку и закончили ее в час дня. Наконец в два часа дня 25-го февраля тронулись в путь. 24-го же хозяин лодки подыскивал бурлаков и готовил некоторую снасть для дальнего плавания. Наконец, проплывши две версты от Ичана, пришвартовались к берегу, чтобы нанять еще бурлаков. В четыре часа 45 минут тронулись дальше и приплыли в деревушку «Нанкин- куаньши» в 6 часов вечера. Здесь и ночуем, сделав за полдня 15 китайских ли. Иногда мы делали по 65 ли, в большинстве по 45 ли в день, но были дни – ветер был попутный, и мы делали по 130 ли за день.

Три раза наша лодка была на краю гибели. Первый раз, перетаскивая нашу лодку через третий порог, попавшийся нам на пути, порог «Сяньтань», сломали руль и получили пробоину. Задержались с починкой на целый день. Второй раз, перетаскивая через порог «Этань», два раза лопнула бичевая<sup>1</sup>, лодку понесло обратно и чуть не перевернулась. Мы помогали команде лодки тянуть бичевую. На лодке только двое: рулевой и его помощник. Мы вскрикнули, считая, что лодке конец, но в это время рулевой налег и выправил лодку, а крен был очень большой и опасный. Третий раз попали было в водоворот, и лодку нашу потянуло назад. Рулевой крикнул нам: «Не шевелиться! Сидеть спокойно!», – а команде приказал налечь на весла всеми силами. Всех обуял ужас, но старый рулевой не потерял мужества и, покрякивая на команду, вывел из беды. В первом же прибрежном городке он пришвартовался и хорошо угостил команду, купив водки и свинины, и дал отдых полдня. Купил петуха и благовонных китайских свечей. Кровью петуха помазали носовую часть лодки и зажгли эти

---

<sup>1</sup> Веревка

свечи. Это у них у бурлаков выражение благодарности за избавление от несчастий и аварий. Мы прошли всего девять порогов. 5 марта в 2 часа 20 минут дня мы перешли границу, т.е. теперь мы в Сычуанской провинции. Пройдя маленькую деревушку «Байшуй», в двух верстах от нее увидели, как поднимают затонувший пароход «Миньтао». В этот рекордный день мы сделали 180 китайских ли, но два раза чуть-чуть не перевернулась наша лодка.

По этой реке Янцзы я ездил несколько раз на пароходе. Первый раз в 1922 году мы отплыли из Ичана на пароходе «Chi – ping», совершавшем первый рейс и, отъехав 90 ли от города Ичан, наскочили на подводные камни и пароход получил две огромные пробоины, едва успел выброситься на мель, как начал тонуть. Нас подобрал другой японский пароход, спускавшийся из Чунцина, и доставил обратно в Ичан. На скале, около которой разбился пароход, выдолбили имя парохода «Chi – ping». Между Чунцином и Ичаном пароходы часто терпели аварии и тонули. В этой реке немало тонут людей и пароходов.

Путешествуя пароходом, никто вам не расскажет и не познакомит вас с прелестью ее берегов. Проезжая по этой реке на лодке, я увидел красоту ее берегов, но надо уметь передать и описать виденную красоту. Команда лодки охотно рассказывала о виденном и знакомила со старинными мостами и зданиями, а также с храмами, которые мы видели на высоком берегу реки и про которые сложились легенды.

В маленькой записной книжечке я делал отметки о виденном и слышанном и хотел по приезде в Чэнду описать красоту этой реки, но, к сожалению, не имею такого таланта, не умею описать, выразить словами все виденное мною. Река Янцзы – это то же, что Волга. По-моему, мои слова может подтвердить писатель Б. Полевой, который, поднимаясь вверх, проехал много городов и деревень и назвал: «Поездка в сердце Китая».

В книжечку я занес также имена пароходов, затонувших в этом рай-

оне: «Mai-ping», «Suiting» и другие. После освобождения страны от реакционной власти Чан Кайши, по этой реке пароходы делают рейсы днем и ночью, а раньше движение по этой реке было возможным только днем и то с большой опасностью. Теперь поставлены буйки и сигналы, указывающие дорогу пароходам и джонкам. Все пороги устранены – взорваны. Все это сделано под руководством нашего любимого вождя Мао Цзэдуна и Коммунистической партии Китая. Да здравствует товарищ Мао Цзэдун и Компартия Китая!

Реакционная же власть не могла додуматься до этого и не хотела додуматься, т.к. ее не касалось, что пароходы тонут и люди гибнут. Да и не лишним, думаю, будет, если я скажу молодежи, родившейся после революции, что реакционная власть умела делать только скрипучие тачки, коляски для рикш, телеги на двух колесах для более тяжелого груза, паланкины для богачей и для длинных дорог носилки, которые должны были возить и носить на плечах, обливаясь потом, бедняки, чтобы хоть немного добыть денег для пропитания семьи. Но это удавалось очень редко, т.к. для усталых и обливающихся потом была устроена ловушка – опий-курилка. Находя в этом временное облегчение, несли туда последние гроши. Вот выписка из книги «На островах Индонезии» прогрессивного кинорежиссера Догмары Ботас: «Опий – это не розовый шарф, предназначенный для украшения, а страшная веревка, некогда накинутая на шею китайского народа, чтобы задушить его».

Автомобили, мотоциклы и некоторые велосипеды, все это было заграничное, чужое, теперь же под руководством нашего всеми любимого вождя и учителя Мао Цзэдуна и Компартии Китая, автомобили, мотоциклы, велосипеды, тракторы, железная дорога, все это отечественного производства – свое, а не чужое, не заграничное, купленное по дорогой цене. Опий-курилок больше нет, запрещено курить. Также вышли из строя паланкины, скрипучие тачки, их заменили трехколесные велосипеды, автомобили.

## 27

Наконец наше неприветливое путешествие 24-го марта закончилось. Мы в Чунцине. Первым делом привели себя в порядок: помылись в бане, почистились и выспались. Ведь мы находились в дороге 30 дней, в небольшой лодке, загруженной двумя автомобилями, багажом, банками газа и керосина, а также командой из 15 человек и нами 12 человек.

Приходилось спать, как попало, и где могли устроиться, хоть немного соснуть. По прибытии в Чунцин на другой день наши явились в штаб, но им сказали, пока отдыхайте и сдавайте привезенные казенные вещи. Я с помощником пошел на квартиру начальника выяснить, где и кому сдать машины, привезенные нами. Одна из этих машин была та, которой пользовался этот начальник в Ханькоу. Он приказал его машину доставить на его квартиру. Я ответил, что доставлю завтра после выгрузки с лодки. Тогда, к моему великому удивлению, он крикнул слуге подать нам чаю, сигарет и полотенце. Потом усадил на почетное место и стал расспрашивать, как мы доехали. В общем, принял нас, как дорогих гостей.

На другой день, когда я доставил ему машину, получилось обратное. Он вышел посмотреть машину и весь покраснел от злости: «Почему машина в пыли и грязи?» Я ответил ему: «Машину везли не в ящике, а на ней ехали. Дорога дальняя и грязная, но если ее, т.е. машину, вымыть, то она примет такой же вид, как и в Ханькоу». Он приказал мне и помощнику вымыть и вычистить и тогда сдать. Ослушаться нельзя. Все же он начальник и еще властен над нами. Волей неволей пришлось привести машину в хороший, чистый вид. Он вышел еще раз посмотреть. Я спросил его, кому сдать ящик с инструментами. Приказал сдать его слуге. Потом улыбнулся, но ни чаю, ни сигарет не

крикнул слуге подать, а сказал, даже не пригласив войти в дом: «Вы свободны, можете идти куда хотите!» И сам удалился. Этим он показал свою вежливость. Мы с помощником переглянулись и ушли.

В Чунцинском штабе также никто из возвратившихся из Ханькоу с нами не мог получить денег на проезд в Чэнду. Мне сказали, что в штабе им просто заявили: «Никто вас не звал и никто вас не знает. Ваших фамилий у нас в списке нет». Легкая отговорка после сдачи нами привезенных двух автомобилей, газа и инструментов. Интересно, насчет остальных автомобилей никто у меня не спросил. Одного же фугуаня арестовали, потому что он, желая заработать, привез на этой лодке под видом казенного имущества опий. Опий он купил в деревне Синчан, где мы остановились на ночлег, хотя было рано 3 часа 15 минут дня, но здесь, говорят, хороший и дешевый опий, и поэтому команда лодки решила здесь отдохнуть и покурить опий.

Мне надо было вернуться в Чэнду, моя семья находилась там, но денег на дорогу не было. Я решил сходить и попытаться занять денег у этого начальника. Услышав, что я хочу занять деньги, он ехидно рассмеялся и заявил, что он денег дать взаймы не может, т.к. он сам не имеет денег и он человек бедный. На самом же деле он в городе имел хороший особняк и за городом за рекой другой. Не бедняк, а кулак. Я сказал ему, что прошу взаймы, а не милостыню и дам расписку в том, что как только доседу до Чэнду, то немедленно вышло ему занятые мною деньги. Ничего не получилось, денег не дал – отвернулся и ушел.

Между прочим, когда я был в Ханькоу, он в нашем штабе занимал должность кизана<sup>1</sup>, и я был в его прямом подчинении. Однажды в Ханькоу, я получил телеграмму от жены. Я обратился к нему с просьбой дать мне отпуск съездить в Чэнду. Тогда он мне сказал: «Не бойся,

---

<sup>1</sup> Инспектор

что бы ни случилось, я тебя не брошу. Нужны деньги, бери, сколько надо, но в отпуск не поедешь». От денег я тогда отказался. «Я тебя не брошу!» Куда делись его слова? Перед отъездом из Ханькоу он даже не сказал, что штаб уезжает – оставшимся что делать. Прогуливаясь по улице 3-го апреля, встретил товарища, приехавшего из Чэнду, которого я рекомендовал шофером в Канадский госпиталь взамен себя. Погода была прекрасная, теплая. Переночевав в Нэйцзяне, в 6 часов утра выехали дальше и в 3 с половиной часа дня прибыли в Чэнду. Наконец я попал в круг моей семьи, и закончилось мое путешествие. В Чунцине у меня было много знакомых, а также бывшие мои ученики по ремонту машин, но мне было стыдно идти и просить денег в займы.

Хорошо, что встретили товарища, который и довез меня до дому. Не желая подвести, на другой день я пошел в канцелярию госпиталя и у американца Лонгеля, заведующего эксплуатацией этой машины, спросил: «Нужно ли мне уплатить за проезд на вашей машине?» «Конечно, конечно вы должны уплатить за проезд 20 серебряных юаней!» – ответил он, а ведь я проработал у него на этой машине год и он хорошо знал об этом, т.к. и тогда он заведовал этой машиной. Эх, миссионеры, миссионеры, проповедующие на языке любовь к ближним. На самом деле у них любовь не к человечеству, а любовь к деньгам, к наживе. Когда я работал у них шофером, однажды со мною поехал в Чунцин сын старого миссионера-проповедника лет 22-х или 23-х. Проехав больше полдороги, поздно вечером мы остановились на ночлег. Я, заказав ужин и закуску, купил водки и начал пить, не предлагая ему выпить. Он, улыбаясь, спросил меня, почему я не предлагаю ему выпить. Я ответил ему: «Я знаю, что миссионеры не пьют, а вы сын старого миссионера и, если я не ошибаюсь, то вы тоже будущий миссионер и поэтому не предлагаю вам выпить». Он ответил: «Мы за городом, поэтому можно, а в городе нельзя». Вот сын миссионера и будущий миссионер. Полюбуйтесь на него.



Когда я вернулся в Чэнду, явился в штаб, который командировал нас в Ханькоу и узнал, что эти машины, вывезенные из Ханькоу, не надо было сдавать в Чунцине, а надо было довести до Чэнду. Я заявил, что об этом меня никто не предупреждал, а в Чунцине потребовало от нас эти машины начальство, бывшее с нами в Ханькоу.

Меня опять оставили при штабе, но тех 35 новых грузовиков я больше не видел, да и в ремонтной мастерской никого не было. На мое удивление один из штабных сказал, что после смерти отца, дети делят оставшееся его имущество.

Ли Куцань же сказал, что машины и люди из мастерской переданы в распоряжение Управления государственными дорогами и меня предупредил не ходить в нашу бывшую мастерскую, и показал на гараж против штаба, где я и должен буду работать. Теперь работы у меня было мало, приходилось наблюдать и делать ремонт 7–8 легковых автомобилей. Спустя месяц после возвращения из Ханькоу, наш Чэндуский штаб потребовал от нас предъявления двух фотокарточек. Я спросил писаря нашего отделения: «Для чего нужны эти карточки?» Он ответил: «Если хочешь кушать, получать продовольствие, то предъяви карточки». По предъявлении карточек оказалось, что нас записали в гоминьдан и дали членские карточки. Для чего нужно было нас приписать к гоминьдану, не знаю, но однажды эта карточка пригодилась. Я с двумя товарищами сидел в маленькой лавочке и пил водку; на улице показался человек, который несколько раз прошелся. Мой товарищ сказал: «Смотри, шпик наблюдает!» Действительно, немного погодя он зашел в лавку и грозно обратился к нам: «Что за люди?» (Иначе «Кто вы такие?») Я вытащил из кармана только что полученную карточку и, надеясь на печать штаба, сказал: «Это мои товарищи!

А это что?» И увидев эту карточку, даже не прочитав, сразу ушел. Вот тут-то она и пригодилась, иначе увел бы этот шпик нас на допрос. Хозяин лавочки, увидев, что я что-то показал этому шпику, попросил и ему показать. Увидев эту книжечку-удостоверение, он сказал: «Ты го-миньдан», – тут только я узнал, что это за карточка-книжонка.

Другой раз, мы с одним товарищем сидели в чайной и пили чай. Соседний столик в скорости занял один человек, одетый в военную форму. Немного погодя он подошел к нашему столику и спросил нас: «Не мастерские ли вы по автомобильной части?» Мы были в рабочем костюме и ответили, что он не ошибся. Тогда он попросил нас проверить его джип, который отремонтирован и стоит в гараже, находящемся недалеко от этой чайной.

И в то же время он попросил нас найти ему шофера для одной поездки в Чунцин. Я заявил ему свое желание побывать в Чунцине, и он сказал, что очень рад взять меня в одну поездку. Мне надо было взять недельный отпуск. Я пришел в свое отделение и попросил писаря написать докладную на недельный отпуск. Он сразу написал и посоветовал мне самому идти по начальству с просьбой наложения резолюции.

Адъютант начальника штаба разрешил и сказал, что надо еще обратиться к самому начальнику штаба. Я пошел и, постучавшись в дверь, вошел и предъявил докладную. В комнате сидели генерал Ма, генерал Вэй, начальник штаба Ню и другие. Генералы Ма и Ню были начальниками нашего штаба, а генерал Вэй был гостем из Чунцина (раньше он тоже был в Ханькоу при командном штабе 7-го района боевых действий и я ремонтировал его машину, и он хорошо знал меня в лицо).

Посмотрев мою декларацию, начальники штаба Ма и Ню, переглянувшись между собой, дали такой совет: «Если у тебя есть важное дело в Чунцине, то найди другого человека и передай, что нужно, но сам не ездь, т.к. в Чэнду мы гарантируем твою неприкосновенность. Если поедешь в Чунцин, и что-либо случится или арестуют тебя, то

мы не в силах будем тебе помочь. Понял?» Я ответил, что в Чунцине у меня никаких дел нет, но я давно не был там и хочу просто прокатиться. Есть случай, один военный просит съездить с ним в Чунцин. Не разрешили, отсоветовали. Я упустил из виду, что перед этим кем-то был написан донос на меня в штаб жандармерии в Чунцин, что я имею связь с Советским Союзом.

Я подозревал, что это сделал секретарь Штаба, поскольку именно он заставил меня вступить в Братство, сказав, что как только я вступлю в Братство, он тут же сможет найти украденный велосипед. Однако результат отличался в корне, поэтому я больше не появлялся в Братстве. Секретарь уже как-то горделиво хвастал, что когда он служил в Братстве, там был один европеец.

Тогда реакционная власть строго преследовала большевиков и подозреваемых, будто имеющих с ними связь. Значит, если б я поехал в Чунцин, то не миновать бы мне известного всем там «Бай гунгуаня»<sup>1</sup>, откуда живым нет выхода. Впоследствии от другого писаря я узнал, что на запрос из Чунцинской жандармерии о доносе на меня, глава нашего штаба генерал Дэн Сихоу, начальники штаба Ма и Ню и другие, дали гарантию за меня. Вот тут-то я и понял, что мне при просьбе недельного отпуска намекнули об аресте не зря.

Прошел год после доноса на меня и однажды, выстроив на дворе нас около 50 человек, заявили, что по случаю сокращения штата нас увольняют. Также было сказано, что на следующий месяц будет выдано пособие. За пособием было сказано явиться не в штаб, а на частную квартиру. Когда я пришел туда к назначенному числу и часу, то увидел на улице клочки разорванных бумаг и моих бывших сослуживцев, которые предупредили не заходить на квартиру и не срамиться.

<sup>1</sup> «Белый особняк», тюрьма, в которую гоминьдановская власть сажала и убивала коммунистов и прогрессивных деятелей

Мы не нищие, пришедшие за подачкой, пособие очень маленькое. На эти деньги можно купить две лепешки, но не больше. Я тоже разорвал свой документ и ушел домой.

Открыв в компании маленькую мастерскую по ремонту машин, продержался 2 с лишним года. Работы хватало, но трудно было получать деньги за ремонт. Многие, обещая заплатить после одной поездки, ничего не платили или платили часть. Работая таким образом, встретил одного знакомого доктора, европейца, который сообщил, что в гостиницу для европейцев нужен шофер и хочет рекомендовать меня.

Я согласился, т.к. работать и не получать деньги за ремонт, как же кормить учеников и работников.

Через год эту гостиницу ликвидировали, т.к. европейцы, жившие здесь и в других квартирах, уехали. После ликвидации этой гостиницы еще год проработал у частного владельца четырех автобусов, курсирующих Чэнду–Чунцин, ремонтируя эти машины. На этой работе меня застало освобождение нашего города. Перед тем, как последняя армия реакционного генерала Ху Цзуннаня готовилась покинуть Чэнду, один из штабных, увидев меня на улице, предупредил, чтобы на улице я показывался меньше и был более осторожным.

## ГОДЫ УЧИТЕЛЬСТВА

*В 1938 г. вернувшись в Чэнду, Саинов решил остаться здесь на постоянное место жительства. Он выкупил принадлежавший командиру Сычуаньской дивизии Ма Дэчжаю заброшенный участок земли, на котором когда-то находилось кладбище. Руководя строительными работами, а также сам принимая в них непосредственное участие, Ахмет Хусаинович построил дом в семь комнат (четыре комнаты укрыты тростниковой крышей и 3 – черепицей), выкопал колодец и противоздушную щель. С этого и началась застройка района, вошедшего впоследствии в план города под названием «переулок Тунчэсян (Ирригационный переулок), двор 9».*

*С февраля 1952 года Ахмет Хусаинович Саинов официально вступает на должность преподавателя русского языка средней школы № 7 г. Чэнду. Педагог от природы, Саинов – добропорядочный, ответственный, добрый и честный, требует того же и от своих учеников. Ахмет Саинов в общей сложности отдал школе 7 лет своей жизни, и несмотря на то, что эти семь лет не были самыми беззаботными, это время он сам считал счастливейшим в своей жизни. Позже, ввиду семейных причин, Саинов был вынужден перевестись на авторемонтный завод локомотивного депо г. Тайюань, где проработал наладчиком двигателей внутреннего сгорания вплоть до 68 лет, когда он ушел на пенсию. В 1970 году Саинов смог вернуться в Чэнду, где прожил остаток своих дней в западном районе города, в том самом Ирригационном переулке, во дворе № 9.*

Многие знали, что я считаюсь русским, и пригласили меня преподавать русский язык сразу в нескольких местах. С одного урока шел на другой, да и дома ко мне многие приходили учиться русскому языку. Так прошел год, но потом мне предложили занять место только в одной 7-й школе, отказавшись от других. В этой школе уроков у меня было очень много: в неделю было 20 часов уроков, т.е. шесть отделений, в каждом отделении по 52–55 учеников и учениц. В неделю раз диктант для каждого отделения и домашнее упражнение, вот и посчитайте, сколько тетрадей приходится проверять каждый вечер. Вечером надо подготовиться к уроку следующего дня, проверить тетради учащихся, идти на собрание, или обсуждения, или политучебу. Потом я подготовил 4 учителей английского языка к преподаванию русского языка и прибыли из Шанхая и других мест новые учителя, окончившие педагогические курсы. И так нас в одной школе стало 8 учителей русского языка. Мне стало легче, меньше уроков и меньше тетрадей для проверок. Я купил «Избранные произведения товарища Мао Цзэдуна» 4 тома на русском языке и по ним учился. По-китайски читать и писать не умею. И сейчас в свободные часы люблю прочитывать и учиться по этим произведениям.

Проработал, т.е. проучительствовал я в 7-й средней школе 7 лет. Жена же моя работала по ремонту автомашин железной дороги в городе Баотоу. После года ее работы в Баотоу, согласно поставленному условию при поступлении на службу, ее должны были перевести в Чэнду, но перевели ее в город Тайюань. На мою вторичную просьбу перевести ее в Чэнду, коллектив ремонтной мастерской предложил меня перевести к ним; я согласился и был переведен в город Тайюань в ту мастерскую, где работала моя жена. Я работал в этой ремонтной

мастерской до ноября 1961 года и во время сокращения штата нас троих спросили, не желаем ли мы выйти в отставку (мне было 68 лет и двум по 60-ти). Мы согласились и в ноябре этого же года вышли на пенсию. Теперь я пенсионер железной дороги и каждый месяц регулярно получаю пенсию. Это наш новый Китай.

Можно ли было ожидать этого заботливого отношения от реакционной власти? Никогда! Стал стариком, больным, неспособным к работе или калекой, выбросили бы за ворота, вот и вся была бы помощь. Не имея сбережений, земли или недвижимого имущества, пришлось бы ходить с протянутой рукой за подачкой, за куском хлеба.

Теперь же мы видим и хорошо понимаем, как наш дорогой и любимый учитель и вождь Мао Цзэдун и Коммунистическая партия Китая заботятся о народе, а также и о нас, стариках.

Большое-пребольшое спасибо нашему дорогому и любимому вождю Мао Цзэдуну и Коммунистической партии Китая.

Да здравствует дорогой и любимый наш вождь Мао Цзэдун!!

Да здравствует Коммунистическая партия Китая!!

Нам надо всегда помнить великие слова дорогого учителя Мао Цзэдуна: «Надо бороться словом, а не пускать в ход силу». И не забывать о «классовой борьбе». Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай – это великие, непоколебимые герои, любящие свой народ, свою родину и угнетенные народы других стран. Ради освобождения своего народа они отдали все, что можно было отдать и достигли своего. Многонаселенный и раздробленный на несколько частей Китай они объединили и освободили.

Я иностранец, но под руководством нашего любимого и великого героя Мао Цзэдуна и Компартии Китая обрел новые права и новую Родину. Я прожил в Китае 60 лет и не видел раньше такого равенства, как теперь. Я, получивши подданство китайского

гражданина, пользуюсь всеми правами, как и другие китайцы. Я рад этой жизни и всегда в сердце ношу желание многих-многих благ нашему Великому вождю Мао Цзидуну и Компартии Китая.

Наше Красное солнце закатилось. Наше Красное солнце покинуло нас, нам больше не видеть твоих светлых разумных глаз, они закрылись – закрылись навек, но нам не забыть твоих мудрых наставлений. Дорогие имена: Мао Дзедун и Чжоу Эньлай всегда будут с нами в наших сердцах!

1976 год – это год больших бедствий и несчастий: смерть Дун Биу, мудрого и любимого Премьера Госсовета Чжоу Эньлая и героя Чжу Дэ. Повсеместные землетрясения и, наконец, 9 сентября 1976 года, смерть всеми любимого и уважаемого учителя – вождя – героя Мао Цзедун. Вечная память и вечный покой!! Спите спокойно, герои китайского народа!! Память о вас сохранится всегда в наших сердцах.

*5 ноября 1982 года после вторых петоухов, пред рассветом сверкала молния, гремел гром и шел дождичек.*



Второй сертификат Санинова о получении им китайского гражданства



## В ПОИСКАХ КОРНЕЙ ЧЕРЕЗ ПОКОЛЕНИЯ

*Через два года после написания мемуаров, в 1984 году, Ахмет Хусаинович скоропостижно скончался. Ему был 91 год. Однако история жизни татарина российского происхождения, гражданина Китая, долгожителя города Чэнду на этом не заканчивается. Обнаруженный случайно дневник с записями событий столетней давности собрал вокруг себя целую группу энтузиастов-исследователей, работа которых по поиску корней этой уходящей в глубокое прошлое увлекательнейшей истории продолжается вот уже более 20 лет. Кто эти люди и что еще им удалось обнаружить – об этом во второй части книги.*

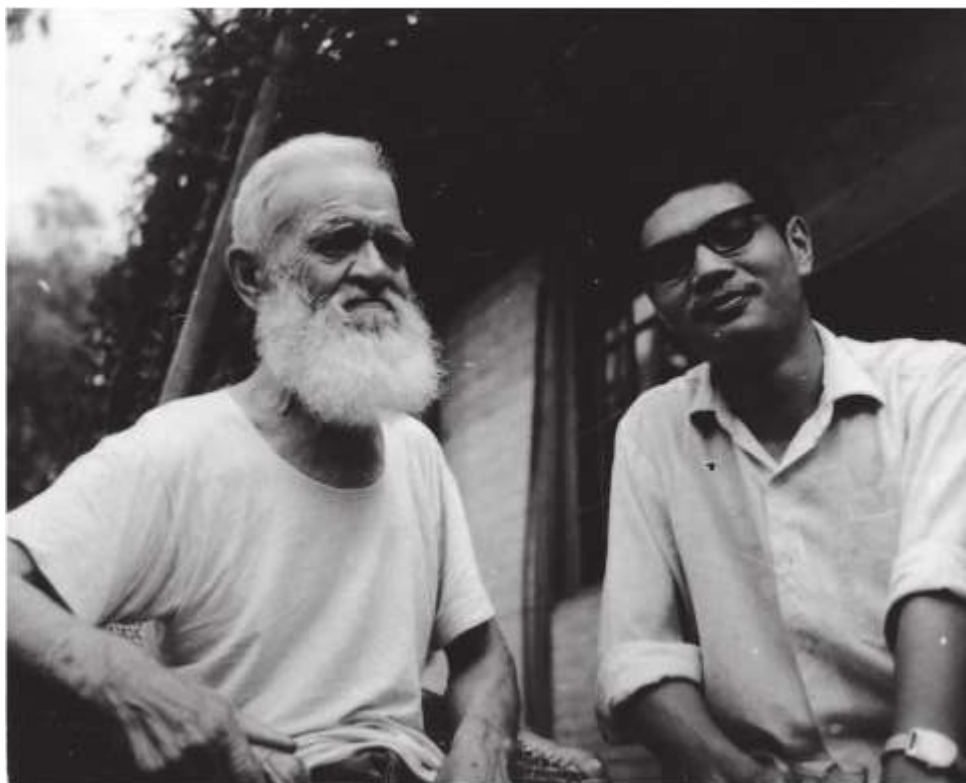


Могилка Саянова на Фениксовой горе, г. Чэнду



# ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЗАБЫТОЙ ИСТОРИИ



87-летний Саинов с Лю Юном во дворе № 9 в переулке «Гунчэянь»

## В ПОИСКАХ САИНОВА, ОТ ОРЕНБУРГА ДО ЧЭНДУ

Ахмет Хусаинович Саинов оставил после себя большое количество последователей и учеников. Среди них такие известные китайские писатели как Люй Цзинь, Линь Вэньсюнь и другие, члены Академии наук КНР, выпускники той самой Средней школы №7 и простые ребята-соседи, которые, благодаря наставлениям Саинова, смогли поступить в университеты, а также просто любители русского языка, среди которых был и рикша по имени Бай Мэйцзянь.

Через 10 лет после смерти Саинова город Чэнду, с целью преподавания русского языка, посетила профессор Фарисенкова Любовь Викторовна. И каково же было ее удивление, когда к ней в группу пришел заниматься 50-летний рикша, говорящий на прекрасном русском языке. Это и был Бай Мэйцзянь – бывший близкий ученик Ахмета Хусаиновича.

Ахмет Саинов, Бай Мэйцзянь, русский профессор Любовь Викторовна, журналист телевизионного канала г. Чэнду Лю Юн – 4 столпа этой истории, которым, может, и не суждено было бы встретиться, однако же судьбоносная встреча состоялась. Вместе с энтузиастами и любителями (членами круга любителей русского и китайского языков) они плечом к плечу проработали 20 лет – переводили дневники Саинова на китайский язык, пытались отыскать первые 56 страниц его записей, найти его российские корни, друга по переписке советских времен, которого Ахмет Хусаинович когда-то представлял своим ученикам. А также помогли родственникам в Чэнду завершить ритуальный обычай – развеять горсть земли, привезенную из тех мест, где родился их необычный родственник... Из Оренбурга в Чэнду, от Урала и Волги до плодородных берегов реки Миньцзян – 20 лет поисков, промелькнувших как один миг...

## ТО ПАМЯТНОЕ ЛЕТО



1980 г. Саинов и студенты кафедры русского языка Юго-Западного пединститута

Летом 1980 года 20-летний студент кафедры русского языка Юго-Западного пединститута Лю Юн вернулся в Чэнду, чтобы провести здесь летние каникулы. Поступление на этот факультет не было его добровольным решением. В те годы, а это были 50-е годы и начало 60-х годов, после прекращения советско-китайских отношений, пользовавшийся некогда особой популярностью русский язык перестал быть таковым. После Культурной революции и возобновления практики Единого государственного экзамена для поступления в вузы, специ-

альность русский язык по-прежнему не пользовалась популярностью, и поступавший тогда в университет Лю Юн в анкете написал, что согласится с распределением по специальностям (политика университета по зачислению на специальности с серьезной нехваткой студентов). Так, благодаря неожиданному повороту судьбы, он начал изучение совершенно нового для себя русского языка. Не обладая какой-либо начальной базой, новоиспеченный студент надеялся пополнить свои знания за время каникул. Одноклассница Ло Дэцюн поведала ему, что она знакома с одним русским человеком почтенного возраста, и при надобности может помочь свести его с ним. До поступления в пединститут перед экзаменами Ло Дэцюн работала в госпитале и планировала поступать на специальность русский язык. Однако, боясь провалиться на вступительном собеседовании, она через знакомых узнала об Ахмете Саинове и обратилась к нему с просьбой о помощи. Во время занятий Ло Дэцюн обнаружила, что она не единственный ученик Ахмета Хусаиновича – любой приходящий к нему с просьбой о помощи получал то, о чем просил. Позже Ло Дэцюн говорила, что она бесконечно благодарна своему учителю русского языка, ведь если бы не он, кто знает, смогла бы она осуществить свою мечту о поступлении и как сложилась бы ее судьба.

Султан-Гирей Ахмет-Хусаинович Саинов, россиянин татарского происхождения, владел домом на одну семью, как это принято в Западной Сычуани, который находился по адресу переулок «Тунчэсян», двор № 9. В 1919 году, не желая быть участником гражданской войны, он бежал на восток, поселился в Китае, и в 1938 году, откладывая ежемесячно часть дохода, смог приобрести заброшенный участок земли в западной части города, на котором когда-то находилось кладбище. Собственными силами совместно с членами семьи Ахмет Хусаинович построил дом в семь комнат (четыре комнаты укрыты тростниковой крышей и 3 – черепицей) в русском стиле – с выбеленными дочиста



Август 1980 г., Санинов, Лю Юн (слева) и его однокурсники Лишь Цян, Инь Шоли в доме Санинова А. Х. в переулке «Тунчэсян»



Старшая дочь Санинова Ша Мали на фоне окна дома в русском стиле в переулке «Тунчэсян»

известью стенами, голубыми ставнями и русской печью, выкопал колодец и противовоздушную щель. При доме имелся сад – с огородом, фруктовыми деревьями и цветами. Этот дом стал настоящим убежищем для членов семьи в те беспокойные военные годы; с него же началась и история переулка «Тунчэсян», в котором дом во дворе № 9 стал первым строением.

Когда Лю Юн впервые переступил порог двора № 9 переулка «Тунчэсян», его владельцу уже было далеко за 80 лет. Стояло жаркое лето, густые тени падали от тяжелых, покрытых цветом, веток деревьев, звонко трещали цикады. Лю Юн нашел Саинова в глубине сада. Этот почтенный старец, словно списанный с картины маслом, у него бледная кожа, пронзительные голубые глаза, высокий нос с горбинкой, покрытая серебром густая борода, из-под которой ясно просматривались ласковые черты старческого лица. Он отдыхал после полудня, сидя в плетеном кресле, окруженный величественным спокойствием сада. Нужно ли говорить, что молодой китайский студент-парнишка, был просто сражен увиденным зрелищем. И уж конечно, он никак не мог предполагать, что встреча с Ахмстом Хусаиновичем Саиновым перевернет всю его жизнь, а собрание кусочков этой удивительной истории в единое целое станет делом всей его жизни.



## РИКША, КОТОРЫЙ ГОВОРIT ПО-РУССКИ

В округе Ахмет Хусаинович, как человек воспитанный, образованный, готовый всем и всегда помочь, пользовался добрым именем: у кого велосипед сломался, или швейную машинку заклинило – Ахмет Хусаинович мог починить в мгновение ока. Если только он не в командировке, или не уехал куда по делам, первый человек, кто выходит мести двор по утрам – Ахмет Хусаинович. Метет, не деля на «чужое» и «свое». Бывало, так увлечется, что сам не заметит, как пол переулка прометет.

Бай Мэйцзянь, сосед Саинова, родился в семье потомственного торговца, рос самостоятельным ребенком, с детства любил искусство. После поступления в университет, узнав о тяжелой болезни матери, решительно оставил учебу и вернулся домой, чтобы ухаживать за своей родительницей. В свое время Мэйцзянь был исполнителем в художественном ансамбле, работал плотником, чистильщиком канализаций, продавал флейты, после чего приобрел велорикшу и прокрутил педали всю свою жизнь, лишь в 44 года женившись на девушке-крестьянке. Одаренный языковыми способностями Бай Мэйцзянь, какой бы тяжелой не была его жизнь, всегда старался любыми возможными способами поддерживать освоенный когда-то в молодости навык говорения на русском языке. Очарованный его звучанием – то звонким и упругим, то мягким и нежным, его витиеватой грамматикой, столь сложно поддающейся запоминанию, но оттого еще более притягательной, он также был покорен богатством литературного наследия. Поэтому любые свободные средства, достававшиеся ему тяжелейшим трудом, он всегда старался потратить на покупку книг на любимом русском языке. После женитьбы, когда жизнь его вошла в более ста-

бильное русло, вспомнив свою давнюю любовь к «великому и могучему», Бай Мэйцзянь решил обратиться к отзывчивому на чужие просьбы русскоговорящему соседу.



Бай Мэйцзянь после работы на своей рикше

Ахмет Хусаинович, обрадованный столь страстным желанием рикши изучать русский язык, принял Бай Мэйцзяня в круг своих учеников, как если бы тот был студентом соответствующей специальности, принял его как доброго друга. Они вместе гуляли, разговаривали подолгу, часто сдабривая беседу одной-другой порцией водки, на которую Саинов всегда сетовал: «Эх, слабовата», – и шел в дом за молотым перцем, чтобы добавить напитку жгучести. Ахмет Хусаинович не любил говорить о политике, разговоров о былом тоже было мало, но любил поэзию, в особенности стихи никому неизвестного здесь Надсона – читал большими строфами наизусть, поражая Бай Мэйцзяня силой и красотой запавшего в душу учителя стихотворного слога. За годы совместного общения и частых дружеских посиделок, Бай Мэйцзянь прошел хорошую школу русского разговорного языка. Для себя

он отметил, что язык, употребляемый прожившим в Китае уже более 60 лет учителем, в некоторых моментах разительно отличается от современного той эпохе русского языка. Это был старый, дореволюционный еще русский язык со всеми присущими ему речевыми оборотами, которых сегодня уже нигде не услышишь. Одна из первых учениц Саинова, в настоящем профессор Юго-Западного университета г. Чунцин, вспоминает: «Вероятно, Ахмет Хусаинович также говорил с некоторым акцентом, характерным для той области, откуда он родом». В свое время Бай Мэйцзянь потратил более года, чтобы скопить 200 юаней, большие для того времени деньги, и приобрести кассетный аудиоманитофон. Он надеялся записать на пленку голос учителя, но неизвестные похитили технику на третий день после приобретения, а вместе с ней и надежду оставить потомкам запись голоса необычного жителя Чэнду. Мэйцзянь был просто уничтожен произошедшим, он понимал, что 89-летнему старику оставалось совсем недолго.

Через два года Ахмет Хусаинович умер, оставив мечту Бай Мэйцзяня – записать на пленку голос учителя – неисполненной.

## «СОВРЕМЕННЫЙ РАБОЧИЙ»

В 1993 году Чэндуская компания под названием «Развитие» пригласила профессора Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина – Фарисенкову Любовь Викторовну вместе с ее мужем Павлом, кандидатом медицинских наук, врачом госпиталя газеты «Правда», провести курс русского языка в г. Чэнду. Профессору Фарисенковой Любви Викторовне тогда было 44 года.

Компания «Развитие» провела широкую рекламную кампанию – три дня подряд размещали объявления в местных газетах. Но отчего-то желающих записываться на курсы не было, незнание китайского создавало трудности, местная влажная и пасмурная погода также не радовала, и Любовь Викторовна начала было совсем падать духом.

Наконец дождались первого желающего – это был человек далеко за пятьдесят, худощавого телосложения. Войдя в учебное помещение, он сразу же достал из карманов брьюк русско-китайский словарь и сборник стихов. Уставившись на готового приступить к занятиям ученика, который годился по возрасту в дедушки, Любовь Викторовна, недоумевая, спросила, чем же он занимается.

Посетитель, чуть подумав, словно тщательно подбирая нужные слова, ответил, что он современный рабочий.

Профессора эта фраза привела в ступор. Что это за профессия такая – современный рабочий?

Посетитель повторил сказанное еще раз, и тут Любовь Викторовна заметила, что ударение и приставка были произнесены с ошибкой, этот человек был не современный, а временный рабочий, внештатный рабочий, поденщик.

Этим временным рабочим и был уже знакомый нам Бай Мэйцзянь,

которому русский профессор дала имя Андрей. Как-то одним апрельским вечером супружеская пара из России прогуливалась по центральному торговому району города на улице Чуньсилу. Район оживленный, и на его окраине, промокшие под апрельским морозящим дождем, терпеливо ждали припозднившихся покупателей рикши. Проходя мимо, Любовь окинула взглядом столпившихся вместе худощавых мужчин и обомлела – одним из них был ее ученик Андрей! Любовь, потянув мужа за руку, решительно направилась к Андрею, но, представ перед ним, учитель и ученик, оба чувствуя себя неловко, совершенно растерялись, не зная, что сказать друг другу. Спустя годы Любовь все еще помнит холод того весеннего вечера, накинутую на плечи Андрея рабочую безрукавку, его растрепавшиеся волосы и нависшее над ним орудие добычи средств к существованию – большую, тяжелую коляску. Немного погода после обмена приветствиями и небольшого разговора на русском языке, атмосфера, под взглядами ничего непонимающих коллег Андрея, сама собой разрядилась.

Бай Мэйцзянь был лучшим учеником в группе, но профессор тогда еще не знала, что причина продвинутого уровня владения русским языком в том, что рикша когда-то брал уроки у пронесшего через всю свою жизнь любовь к родному языку другого необычного жителя Чэнду – старика Саинова.

После этого случая Любовь стала смотреть на Мэйцзяня другими глазами: зарабатывая на жизнь тяжелым физическим трудом, этот человек не опустил, не стал пассивным и безучастным, не потерял своей прежней любви к учению, и сравнивая его со множеством юных русоведов и просто любителей языка, можно легко было заметить, что Бай Мэйцзянь вновь и вновь брался за грамматику и открывал пожелтевшие страницы словаря не потому, что русский язык – это модно, или выгодно, или престижно, но потому, что он любил этот язык, потому что, занимаясь, он чувствовал себя счастливым.



1994 г., Бай Мэйцзянь с русским профессором Фарисенковой Любовью Викторовной, Чжоу Бочжэном, старшей дочерью Саипова А.Х. Ша Мали с мужем



1994 г., Прощальный ужин, устроенный Кругом любителей русского языка для профессора Любови Викторовны и ее мужа в ресторане на улице Сюйлуунце

## ЧТЕНИЕ ВСЛУХ ПО ОЧЕРЕДИ

После окончания работы в компании «Развитие», Любовь Викторовна продлила контракт с Сычуаньским университетом и продолжила преподавать русский язык в городе Чэнду. Это был уже 1994 год. В то время Лю Юн работал редактором и внештатным корреспондентом телевизионного канала того же города. Его очередным заданием стали перевод и подготовка субтитров на русском языке – работа, необходимая для одного из сериалов. Поскольку изучавшийся в студенческие годы русский язык после окончания университета не особо был в ходу, Лю Юн, чувствуя неуверенность, подумал о том, что было бы неплохо проконсультироваться с кем-нибудь из специалистов. Он слышал, что в Сычуаньском университете преподает русский профессор, и решил, не откладывая, обратиться к ней за помощью.

На пороге дома супружеской четы из России Лю Юна встретили настороженно, однако, услышав причину прихода этого юноши, Павел, муж Любви Викторовны, крепкий мужчина ростом под два метра, произнес: «Через порог руки не пожимаю», – радушно пригласил войти внутрь.

В тот день Павел поведал Лю Юну историю рикши Бай Мэйцзяня, предложив как-нибудь выбрав день, навестить его дома, познакомиться; он хотел, чтобы Лю Юн снял репортаж о прилежном ученике-рикше. К тому времени учебный семестр подходил к концу, Любви Викторовне и Павлу уже совсем скоро нужно было возвращаться домой.

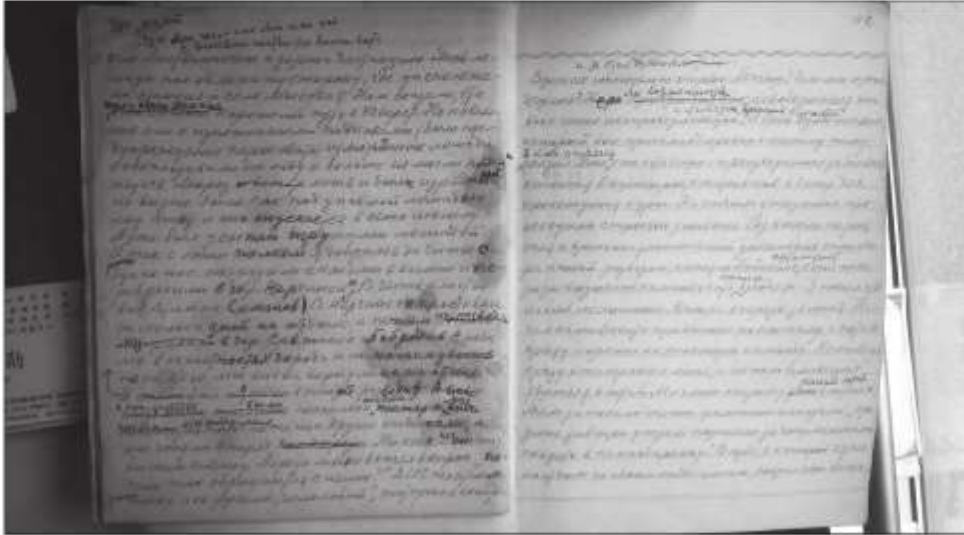
Однажды после обеда они втроем договорились поехать на велосипедах навестить Бай Мэйцзяня у него дома. Любовь Викторовна и Павел уверенно колесили по витиеватым переулкам в направлении нужного дома – было видно, что они уже не раз бывали в гостях у сво-

его ученика. По прибытии на место, перед гостями предстал покосившийся дом, в котором жил Бай Мэйцзянь с семьей, обветшалая ограда, узкий вход во двор, к тому же настолько низкий, что Павлу пришлось сгибаться, чтобы протиснуться сквозь него. Бай Мэйцзянь, расположив гостей, упомянул о женщине, живущей по соседству – зовут Ша Мали, и вроде бы она наполовину русская. Спросил гостей, не хотели бы они познакомиться с ней и, получив утвердительный ответ, отправился в соседний двор № 9 пригласить Мали познакомиться с гостями из России.

Ша Мали – старшая дочь Саинова. В 1994 году ей было 59 лет. Увидев пару, прибывшую издалека, с родины своего отца, расчувствовавшись и проникнувшись вдруг внезапным доверием, Мали достала принесенные с собой три толстые тетради с пожелтевшими страницами и чуть торжественно и осторожно передала в руки Любови Викторовны, добавив, что это рукописи ее отца. Мали не говорит по-русски, лишь иногда в ее речи нет-нет, да и проскочит одно-два русских слова. Старшая дочь Ахмета Хусаиновича рассказала, что рукопись ее отец начал писать, когда ему было уже за 80; писать начал в основном потому, что хотел использовать ее как учебный материал для обучения русскому языку, изначально дневники насчитывали около 200 страниц, но по какой-то уже неизвестной причине, первые 56 страниц пропали. «Из детей у нас в семье никто не говорит по-русски. Пожалуйста, посмотрите, о чем отец пишет», – одновременно стыдясь и не имея возможности скрыть подступившее волнение, Мали в ожидании смотрела на профессора.

Присутствовавший при этих событиях Лю Юн не мог поверить происходящему – он и во сне не мог представить, что именно вот так, через 14 лет после знакомства, он вновь встретится со своим учителем.





Обнаруженные в 1994 г. рукописи Саинова А. Х.

Профессор и ее муж забрали часть рукописей с собой. Несколько дней подряд, замороженные описанными на ее страницах событиями, они читали, читали, читали... Они читали о голоде, о смерти, о реках Волге и Янцзы, о человеческой природе, о добре и зле, о кусочке хлеба, что спас во время Первой и Второй мировой... В рукописи дореволюционным еще, очаровывающим своей изящной красотой и уверенностью слога языком, одно за другим были описаны события полувекового отрезка чрезвычайно насыщенной жизни. Как это часто бывает с невероятно интересной книгой, муж и жена, были не в силах оторваться от чтения – они по очереди читали друг другу вслух эту удивительную историю.

После завершения прочтения дневников, Любовь Викторовна пригласила Лю Юна к себе и вручила ему написанную на русском языке статью «Краткое приложение к рукописи Саинова». Она сказала, что оценивает рукопись очень высоко, считает, что автор – человек обра-



1994 г. Любовь Викторовна, ее муж и Лю Юн (первый справа) в офисе телевизионного канала г. Чэнду (CDTV)



1995 г. Встреча Лю Юна и Любови Викторовны с мужем в Москве по поводу обсуждения вопроса перевода рукописи на китайский язык

зованный, но окончил педагогический университет еще в царские времена на старом русском языке, поэтому стиль изложения складной, но вместе с тем, устаревший, и это очень хорошо чувствуется. А бурные перипетии судьбы, органично сочетаясь с авторским слогом, в полной мере отражают беспокойный характер эпохи и сложную природу человека. Он русский и китаец одновременно. В этом человеке билось два сердца – сердце русского человека и китайца. И в этой своей китайской русскости, или русской китайскости, как угодно, он, несмотря на испытания судьбы, смог проявить себя, как человек примиряющийся с любыми условиями, человек, могущий быть довольным своим положением, человек миролюбивый, в том смысле этого слова, когда мир – это есть уважение к себе и любовь к человечеству. Любовь Викторова очень надеялась, что эта прекрасная, и вместе с тем трагичная история, может быть как можно скорее переведена на китайский язык, чтобы китайский читатель смог ознакомиться с необычной судьбой своего соотечественника.

Вскоре после этого Любовь Викторова вместе с мужем вернулась в Россию.

## ВЫЛЕТЕВШАЯ «ПРОБКА»

Это было более чем неожиданно. Наверное, так было задумано свыше, чтобы именно через десять лет после ухода из жизни, он вот так, без предупреждений, вновь напомнил о себе этому далекому городу в Западном Китае, городу, которому он отдал половину своей жизни – Чэнду. И вот уже стоит перед нами ушедший когда-то в небытие и вдруг воскресший вновь образ Саинова, такой же, как и написанная им на родном языке рукопись – старый, опытный, мудрый, ласковый, прошедший огонь, воду и медные трубы.

Саинов Ахмет Хусаинович – рожденный в 1893 году в Оренбурге татарин; в 1919 году попав в Китай, он ни разу больше не покидал его границ, прожив большую часть жизни в Поднебесной вплоть до 91 года, когда он спокойно ушел из жизни.

Ахмет Хусаинович уверенно и спокойно преодолевал все те трудности, которые были уготовлены ему судьбой и эпохой – Первую мировую и гражданскую войну в России, в последующие 65 лет – войну сопростивления японским захватчикам, гражданскую войну в Китае, образование КНР, политические и экономические реформы, перевороты и изменения, выпавшие на долю китайского народа – все это он видел собственными глазами и пережил на себе. Пережил на себе, всю жизнь храня молчание, никогда не сетуя на судьбу, бережно храня ее тайны, не препятствуя и не противясь. Свидетель великих исторических событий, Ахмет Хусаинович всю свою жизнь оставался простым человеком; гражданин Китая, татарин по происхождению, по природе своей сильный, свободный человек, он ни разу не ослушался закона; образованный, интеллигент с кристально чистой репутацией, затерявшийся среди простого китайского народа, слившийся с ним в единое

целое, ставший его частью, он смог не навлечь на себя беды и даже в самые беспокойные годы сохранив достоинство и самоуважение, жить жизнью человека благонамеренного, разумного, надежного, и оставшегося таковым в глазах всех членов его большой семьи, а также бесчисленных учеников, среди которых есть писатели, ученые, чиновники, предприниматели... при жизни и после смерти Ахмета Хусаиновича, не устающие благодарить и почитать своего учителя.



Бывший ученик Саинова Люй Цзинь с супругой в г. Чунцине

И с того самого момента, когда были обнаружены рукописи, когда стояла перед нами супружеская пара из Москвы, словно сокровище, не решаясь выпустить из рук драгоценную рукопись; с того момента, когда к работе над дневниками приступили почитатели Саинова, местные любители русской культуры – словно старая винная пробка, долгие годы крепко державшая взаперти запыленного стекла все эти разрозненные, раздробленные на кусочки подробности жизни, наконец дала слабину и выпустила их наружу одной цельной, настоящей историей.

Обидно только, что лишь на склоне лет Саинов взялся за перо и начал свою необычную повесть; обидно, что не было помощника – огрехи старческой памяти невольно привели к отрывочности, фрагментарности повествования. Точность описания событий военных лет и тех нескольких лет скитаний – молодость и зрелые годы, детально зафиксированные в дневниках с потрясающей точностью, ярко контрастируют с лаконичностью и выдержанностью записей, начиная с 50-х годов, когда Ахмет Хусаинович окончательно осел в Чэнду и жизнь потекла своим обычным чередом. Возможно, причина этого кроется и в умышленном сокрытии событий тех лет. Рукопись была закончена в начале 80-х, когда простые жители Китая и представить не могли, что в следующие несколько лет это государство переживет заставившее весь мир затаить дыхание освобождение и последовавшее за ним молниеносное развитие. Произойдет отказ от идеи классовой борьбы, и, освобожденный от оков, ничем не отягощенный китайский народ семимильными шагами пойдет вперед, навстречу прогрессу... Люди, пожилые люди, по старой привычке приравнивая избирательность к обязательной осторожности, зачастую были верны этому принципу. Скорее всего, и лаконичность дневниковых записей Саинова о поздних годах его жизни можно объяснить в этом ключе. Но что еще более трудно поддается пониманию, так это то, что в рукописи почти нет упоминаний о семейной жизни Ахмета Хусаиновича.

## НЕ В СИЛАХ ПРОСТИТЬСЯ, ОБЪЕДИНЯЯ ПРОСТРАНСТВА

Война привела Саинова в Китай, а чувство отвращения к войне не отпустило обратно на Родину.

Он прожил в Поднебесной в общей сложности 65 лет. 65 лет полноценной жизни, в том числе и семейной – 3 поколения породнившейся с татаринном из России семьи национальности хуэй мирно уживались под крышей одного дома. Ахмет Хусаинович был женат два раза, обе жены – родные сестры, рожденные от одной матери. Первой его супругой стала старшая из сестер, однако, получив заражение крови, она скончалась вместе с не успевшим увидеть свет младенцем. После смерти первой жены Саинов женится на ее юной 16-летней сестре – Лань Сяомэй, разница в возрасте супругов – 26 лет. Саинов, горячо любя свою молодую жену, был ей любящим мужем и заботливым отцом, вместе они вырастили четверых детей, которые никогда не видели, чтобы родители были не в ладу. Саинов часто говорил, что его можно сравнить с березой – после всех пережитых скитаний, брак с Сяомэй подарил ему долгожданное спокойствие, ощущение дома, семьи, и он, наконец, смог осесть в одном месте, пустить корни. Семья Лань в то время жила в Чунцине, на жизнь зарабатывали тем, что продавали пампушки и паровые пирожки. Выбор Саинова определило то, что девушки на выданье были мусульманками, скромны, хорошо воспитаны и образованны. В 1935 году, вскоре после рождения старшей дочери, Саинов перебирается в Чэнду на заработки. Жена вслед за мужем решает обосноваться здесь же. Обладая сильным, выносливым характером, умный и одаренный Саинов в одиночку содержал всю семью – не только жену и детей, но и родителей супруги, младшего двоюродного

брата, всего 8–9 человек. После образования Китайской Народной Республики, когда их младшему сыну исполнилось всего 3 года, Ахмет Хусаинович стал поощрять желание жены активно участвовать в строительстве социализма. В 1951 г. Лань Сяомэй обучалась на курсах от профсоюза рабочих автомобильного транспорта, одно время исполняла обязанности директора домкома по вопросам посредничества переулка «Тунчэсян». Саинов был отличным механиком, и жена, имея возможность наблюдать его работу в течение нескольких десятков лет, прошла самую что ни на есть настоящую школу обучения, став впоследствии подмастерьем мужа. В 1955 г. 3-е железнодорожное бюро г. Чэнду объявило о наборе техников и рабочих, среди кандидатов женского пола отбор был самый строгий – из всех желающих получить место всего 3 женщины могли получить должность. Лань Сяомэй, проявив свои способности, была отмечена бюро номер 3 и распределена в город Хух-Хото в Управление железной дороги Внутренней Монголии.

Сразу после образования КНР, отношения между Китаем и Советским Союзом были очень дружественны. Конечно, это не могло не отразиться и на популярности русского языка – он стал популярным. Горком комсомола г. Чэнду, городское отделение Всекитайской ассоциации молодежи, студенческая ассоциация, институт Дачуань, Университет Чэнхуа, Западно-Китайский университет, провинциальный военный округ и другие местные организации приглашали Ахмета Хусаиновича в качестве преподавателя русского языка, на что Саинов, будучи по образованию педагогом, работавший в молодости сельским учителем, откликнулся с большим удовольствием. Повесил дома классную доску, всегда положительно отвечал на просьбы проходящих освоить русский язык, всегда находил время и силы в полной мере оказать помощь желающим. В 1952 году Саинов получил официальное приглашение от Лю Вэньфаня, уроженца уезда Басянь провинции



Сычуань, работавшего с сентября 1952 года по июнь 1954 года директором Средней общеобразовательной школы города Чэнду № 7, на работу в качестве педагога русского языка. До этого у школы не было возможности организовать класс по изучению русского языка, к тому же о Саинове ходило немало слухов, что вот де, иностранец, служил в старой китайской армии, да и вообще чем только не занимался. Однако Вэньфань, работавший до освобождения КНР в подполье, во время освобождения занимавший должность военного делегата системы образования г. Чэнду и совмещавший впоследствии эту должность с постом директора Средней школы № 7, был хорошо знаком с деталями биографии Саинова, отличался непредвзятой точкой зрения в отношении Ахмета Хусаиновича и доверял ему. Лю Вэньфань поручил Саинову не только преподавание русского языка учащимся школы, в его задачи теперь также входило и обучение бывших преподавателей английского языка русскому для дальнейшей помощи в работе Ахмету Хусаиновичу. Каждое утро в течение десяти минут вместе с одной из преподавательниц они вели 10-минутную программу на школьном радио, которая, к слову, пользовалась успехом у учащихся школы. Саинов учил, как нужно правильно произносить слова, что не нужно бояться шире открывать рот, не нужно бояться «gawaliqi» (транскрибированная китайская версия глагола «говорить»), что главное, перебороть страх и начать говорить. Другой интересный случай, как-то школьники решили поставить спектакль по пьесе советского драматурга Виктора Розова «Ее друзья», и попросили своего учителя русского языка выступить в роли консультанта. После просмотра репетиции Ахмет Хусаинович отметил: «В России кошек не подзывают как в Китае, мы не говорим “мяу, мяу, мяу”, мы говорим “кис-кис-кис”» – и под довольный смех ребятшек наглядно изобразил весь процесс в презабавнейшем виде. Один из его учеников, в настоящем писатель, Линь Вэньсюнь до сих пор отчетливо помнит выдающийся облик Ахмета Хусаиновича: невысокого роста, с щегольскими усами и в высо-

ких сапогах, он разъезжал на редких в то время зеленых велосипедах с обратным ножным тормозом, освещая все вокруг своей лучезарной улыбкой.



Учитель Саинов с группой китайских преподавателей русского языка Средней школы № 7

И все же мало кто знал, что на сердце у Ахмета Хусаиновича в это время было беспокойно – с наступлением осени, когда с фирмиан начинают опадать первые листья, его частенько замечали прогуливающимся в школьном дворе и долго-долго всматривающимся в темно-голубое небо. Ученики шептались: «Учитель затосковал по далекой Родине». Реальность тоже не утешала – для того, чтобы быть с женой, Саинову пришлось расстаться с любимой школой и учениками, и вместе с двумя сыновьями ехать в Шаньси, в город Тайюань, куда до этого была переведена его супруга, и где он продолжил трудиться в локомотивном депо в качестве механика. К тому времени их старшая

дочь Мали уже вышла замуж, а младшая дочь – Лили изучала специальный курс тибетского языка в Юго-Западном институте национальных меньшинств – специальность, выпускники которой впоследствии должны были войти в состав руководящих кадров Тибетского района. Уезжая из Чэнду, Саинов, все время беспокоившийся за росшую слабым ребенком дочь, решил тайно навестить ее в школе. Конспиративность в условиях только что вспыхнувшего антиреакционного движения и в целом очень напряженной политической обстановки была необходимой мерой – отец боялся, что его появление может повлиять на будущую политическую карьеру дочери, и потому все, что он мог позволить себе – это издали наблюдать за своим чадом.



Вторая дочь Саинова Ша Лили

После ухода на пенсию в 1961 г. Саинов все свое свободное время стал уделять тогда еще работавшей жене, а после того, как у них стали появляться внуки – помогал приглядывать за малышами. После окончания университета младшая дочь Лили уехала в уезд Кандин Тибета, и вскоре, при посредничестве структуры, работу в которой

она получила, вышла замуж за первого секретаря уездного парткома. Но вместе с тем, как советско-китайские отношения вступили в фазу своего ухудшения, как две капли воды похожая на своего отца, Лили стала получать в свой адрес необоснованные обвинения, ее прозвали «агентшей советских ревизионистов». Муж Лили тоже не остался без внимания – постепенно его карьера под давлением властных структур была смещена на периферию, он вынужден был отступить и принять руководящий пост на Сычуаньской хлопчатобумажной фабрике. Во времена Культурной революции в их семье часто проводились обыски. Чтобы не попасться как «пособник советскому ревизионизму», Лили пришлось уничтожить всю переписку и фотографии, так или иначе связанные с отцом. Тогда, по распоряжению партии, в провинцию Шаньси был также отправлен человек для допроса Саинова по делу о его дочери. Прекрасно зная плачевное положение младшей дочери и ее мужа, он заранее разорвал отношения с их семейством – приехавшим проводить допрос ни в чем не повинный старик заявил, мол «уже 8 лет не получал от дочери никаких вестей... а вы, случаем, не знаете, как она там?» Саинов, будучи человеком проницательным и в то же время осмотрительным, в этой непростой ситуации пытался оберегать семью теми немногими возможными ему способами. На склоне лет Лили овдовела и потеряла сына. Познавшая всю глубину испытанного когда-то ее отцом горя, практически уничтоженная этим внезапным ударом судьбы, Лили написала на рамке отцовской фотографии: «Нужно быть сильным! Нужно держаться до конца! Отец, прошу, дай сил, чтобы преодолеть все это!». Так в горе она вновь обращалась к любимому отцу с просьбой о помощи.

Жизнь сыновей Ахмета Хусаиновича была похожа на жизни миллионов их сверстников той эпохи: молодые люди получали образование, уезжали в деревню преподавать, возвращались в города, вели самую обычную жизнь.



Духовная опора семьи младшей дочери Саинова Ша Лили

Глубокой привязанностью отличались отношения внучки Ван Лицзя и внука Ша Фэя с их дедом. Оба они росли под его присмотром. Когда Саинов лежал на смертном одре, Лицзя все время была с дедом, держа его за руку, точно как когда-то в детстве он крепко держал ее за маленькую ладошку, она видела, как спокоен и бесстрашен ее дед, как тихо покойно он прощается с этим миром. Ша Фэй – обладатель самой русской внешности из всех наследников Саинова; с детства воспитанный по заповедям деда «быть верным своему слову, быть искренним и честным, независимым и беспристрастным», Ша Фэй выбрал профессию юриста. Но так вышло, что в один период его жизни не все пошло гладко и, пытаясь разобраться с происходящим, с собой, внук Ахмета Хусаиновича пропал из виду близких людей на несколько лет. Тоскуя по деду, он часто приходил на его могилу и сидел там подолгу, изливая

деду свое горе, не желая делиться чувствами ни с кем другим.

Так, живой или мертвый, Ахмет Хусаинович был духовной опорой для всех членов своей семьи.

Ради безопасности домашних, он практически не обучал их русскому языку, и напротив, его ломаный китайский часто становился предметом безобидных шуток со стороны детей. Он любил читать в уединении – как-то приобрел большую коллекцию литературы на русском языке. Так в домашней библиотеке появились русскоязычные издания «Тихий Дон», «Пушкин. Избранная лирика», а также «Избранные произведения Мао Цзэдуна», в которых он делал пометки на полях, отмечая особо понравившиеся места. Он действительно всем сердцем любил Китайскую Народную Республику. Живые еще в памяти горькие воспоминания юношеских лет, одиночество, нужда, бегство из России, скитания в военном Китае, наполнили его жизнь бесконечными лишениями и испытаниями, которым не было видно конца. По природе своей свободный, независимый человек, он в тайне мечтал о размеренной, семейной жизни. Никогда не питавший интереса к политике, для того, чтобы выжить в этих условиях, он вынужден был отдавать ей должное; он обладал удивительным умением в нужный момент занять правильную позицию, сознательно принять другие правила игры, слиться с другой культурой, но при этом всегда неизменными были его уважительное отношение к людям и ответственный подход к делу. Полученное им китайское гражданство – первый раз в 30-е, и затем в 50-е гг. прошлого века, помогло обеспечить спокойное существование семье.

Он был настоящим мусульманином, сохранил привычку стряпать блюда русской кухни и научил этому искусству сынов и дочерей. В поздние годы Саинов стал часто вспоминать родные места – улицы и дома, укрытые пушистым снегом, хлеб с солью, яблони в саду. Уже будучи при смерти, Саинов, под непонимающие взгляды родных и

близких людей, не говоривших на русском, непрерывно бормотал что-то на русском языке. Возможно его дух, покидая тело, устремлялся на запад, в оставленную когда-то Родину. Может быть, в это самое время дух его, после долгих лет скитаний, устремлялся, наконец, обратно, на Родину предков...и все же уже навсегда был связан с той страной, в которой Саинов прожил большую часть своей жизни, с землей, подарившей ему людей, которых он любил – с Китаем, с городом Чэнду.



Семья младшей дочери А. Х. Саинова в полном составе

## ДОГОВОРЕННОСТЬ С КРУГОМ ДРУЗЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

После того, как дочерям стало известно примерное содержание рукописей отца, когда открылись спрятанные, укрытые некогда за любовью отца, многочисленные факты его прошлой жизни, обыкновенные и, вместе с тем, демонстрирующие железную волю этого человека, мелкие неурядицы и неподвластное им бескрайнее человеколюбие отца, Ша Мали и Ша Лили не могли сдержать старческих слез.

Тогда братья и сестры семьи Саиновых решили обратиться к Кругу друзей русского языка г. Чэнду с просьбой о подробном, достоверном переводе рукописей. Круг друзей включал Ли Юна, Ван Цзиньжуна, Бай Мэйцзяня, Лю Фан и др., соединенных крепкими дружескими узами благодаря своей любви к русскому языку, учеников Саинова и русского профессора Фарисенкову Любовь Викторовну.



Встреча Круга друзей русского языка, 2016 год, Праздник весны, Сычуаньский научно-технический музей





Продолжение истории Саинова – беседа Лю Юна и Ша Лили 20 лет спустя



Круг друзей русского языка, Команда переводчиков рукописей на горе  
Цинчэншань (фото сделано в 2014 году Лю Юном)



Трудности перевода и озарения (фото сделано в 2014 году Лю Юном)



Воспоминания учеников Средней школы № 7 об учителе русского языка,  
преподававшем в 50-е гг. – Саинове

## ГДЕ ТЫ, ДОРОГОЙ АНДРЕЙ?

В декабре 2012 года, ровно через 18 лет после первой поездки в Китай, русский профессор Любовь Викторовна, теперь уже декан филологического факультета Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, вновь прибыла в Чэнду в целях осуществления научного взаимодействия. На этот раз на повестке дня значились два момента.

Первым делом нужно было отыскать «дорогого Андрея», дело в том, что за эти годы город был реконструирован, старые районы первыми приняли на себя удар, и переезжавший несколько раз за последнее время Бай Мэйцзянь потерял связь с русским профессором. На все про все было 6 дней, и тогда Любовь Викторовна решила обратиться к Лю Юну, который помог ей разместить в микроблоге и новостном выпуске местного телеканала срочное объявление о поиске пропавшего человека. Очень уж русскому профессору хотелось знать, куда запропастился ее любимый ученик, и до сих пор ли он «современный рабочий». Различные СМИ также подключились к поисковой работе и вскоре об этом уже говорили жители города, которые были тронуты до глубины души преданностью русской преподавательницы. А потом в редакцию один за другим стали поступать звонки. Не прошло и 24 часов, как сестры Саиновы увидели объявление, помогли отыскать запропастившегося Бай Мэйцзяня, которому было уже за 70 лет, и который даже не мог представить, что его учитель русского языка все эти годы думала о нем. В глазах Любви Викторовны Андрей был незаурядным человеком. Любознательный, воспитанный, если вдруг у него возникали разногласия с клиентами, он никогда не позволял себе

повышенного тона... Любовь Викторовна считала, что Саинов оказал на Андрея очень большое влияние, помог ему, работнику физического труда, не забыть и о необходимости неустанно повышать свой культурный уровень.



Встреча в декабре 2012 года, Любовь Викторовна и Бай Мэйцзянь

Другим важным делом была рукопись Саинова. За эти 18 лет Любовь Викторовна не забыла о своей мечте перевести дневники Ахмета Хусаиновича на китайский язык. Русский профессор прекрасно понимала историческую и культурную ценность рукописей:

«Судьба была жестока к Саинову, однако при всем этом его жизненный путь воистину достоин восхищения, он был честным человеком и работал усердно, поэтому китайцы и помнят его».

Во-первых, Саинов подробно описал гражданскую войну.

Саинов Амет Хусаинович подробно описал первые 20 лет XX века, все те ужасы гражданской войны, выпавшие на долю русского наро-

да, чего не было сделано ни во времена СССР, ни после его развала. Он не был профессиональным военнослужащим, не был и членом революционной партии, но был обычным человеком, не желавшим ни участвовать в войне, ни тем более убивать людей и мечтавшим лишь о спокойной, размеренной жизни на Родине, чего судьба не дала ему. Интеллектуал, человек высокой культуры, его жизнь оказалась полна глубокого трагизма, что так характерно для переломных моментов истории.

Во-вторых, Саинов – идеальный тип человека XXI века.

Он мог изъясняться на 3–4 разных языках, ездил в Европу, отличался широтой взглядов. Он существовал на границе двух культур, больше всего ценил мир и презирал войну, отличался железной волей, легкий на подъем, он желал обучаться новому, и оказался способным проникнуть в глубины другой культуры и полюбить ее, полюбить людей, окружавших его, и именно поэтому жизнь его за границей была плодотворной, долголетней.

В-третьих, он открыл высший смысл жизни человека с новой стороны.

Глубину, серьезность взглядов и намерений Саинова может продемонстрировать то, что: 1) он подтянул уровень разговорного русского языка китайского рикши Андрея до превосходного уровня; 2) построенный им дом и образ жизни в целом оставались русскими; 3) уровень владения родным языком у Саинова Хусаиновича был очень высоким, что демонстрирует написанная им рукопись, которая вполне заслуживает статуса литературного произведения.

Благодаря наставлениям Любови Викторовны, члены группы друзей русского языка смогли проникнуть во внутренний мир Саинова, осмыслить ход его мыслей и умонастроений, понять его горести и радости, идущие одна за другой в его судьбе, преисполнились решимости приступить к делу. Любовь Викторовна, не в силах больше откла-

дывать, многократно настойчиво просила Лю Юна как можно скорее приступить к переводу рукописи на китайский язык, раньше начнем, раньше закончим, ведь рукопись – это настоящий учебник истории, свидетельство подлинных исторических фактов первой половины XX века, путь, способствующий взаимодействию двух государств. У Саинова было две Родины, и этот человек заслуживает того, чтобы жители двух стран знали его и уважали.



Наш 2012-й год. Мы так долго искали тебя и наша долгожданная встреча состоялась!



На радостях от встречи с рикшей Бай Мэйцзянем

## «ДЕШИФРОВЩИК РУКОПИСЕЙ»

У всех членов круга друзей русского языка была своя основная работа, к тому же никто из них не был профессиональным переводчиком, поэтому уже на первых порах перевода рукописи стали возникать трудности. Дневники написаны от руки, буквы мелкие, расстояние между строчками маленькое, на полях многочисленны поправки и дополнения, некоторые части текста покрыты пятнами. К тому же язык рукописи – не современный русский, а тот, на котором говорили еще в царской России, с соответствующими той эпохе выражениями.

Здесь мы не можем обойти вниманием одного русского по имени Володя. Володя приехал в Чэнду в качестве специалиста по инженерным работам для оказания помощи в работе одной местной компании-производителю авиационных приборов. Недалеко от Народного парка он познакомился с умеющим изъясняться по-русски рикшей Бай Мэйцзянем. Оба они сразу пришлись друг другу по душе, и между ними завязались дружеские отношения. Однажды Бай Мэйцзянь поведал Володе историю о своем друге и наставнике – Саинове, которая у его нового знакомого вызвала восхищение и настоящий неподдельный восторг. После возвращения на Родину, инженер из России получил просьбу Лю Юна помочь с перепечаткой рукописи в электронный формат. Володя без лишних вопросов сразу же согласился помочь. Тогда Лю Юн одно за другим стал отправлять ему фото страниц дневника, а тот, в свою очередь, также одно за другим переводил текст в электронный формат и отправлял обратно Лю Юну. Работа длилась два с половиной месяца и, к окончанию этого срока, все 158 страниц рукописи обрели новый вид, а самого Володю Первый канал России, снявший об этом новостной сюжет, прозвал «дешифровщиком рукописей Саинова». В процессе работы над рукописями, их разбором, комментиро-

ванием и перепечаткой, Володя проникся к Саинову глубоким уважением, которое со временем только крепло. О Саинове он говорил, что «это человек глубокой внутренней культуры, хорошо образованный», что «в России ему пришлось перенести очень много испытаний, в дневнике у него записаны слова песни о скитаниях: “По диким степям Забайкалья бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах”». В 2015 году на российской земле Володя принимал внука Ахмета Хусаиновича Ша Фэя – только встретившись, сразу сгреб Ша Фэя в охапку, крепко обнял и пробормотал: «Добро пожаловать на Родину!», а на щеке блеснула слеза. Володя принял внука Ахмета Хусаиновича за своего родственника, с которым он как-будто много лет назад был разлучен судьбой.

Именно Володя разрешил самую трудную для Круга друзей задачу, что положительнейшим образом сказалось на скорости перевода рукописи.



Российский журналист берет интервью у члена Круга друзей русского языка Володи

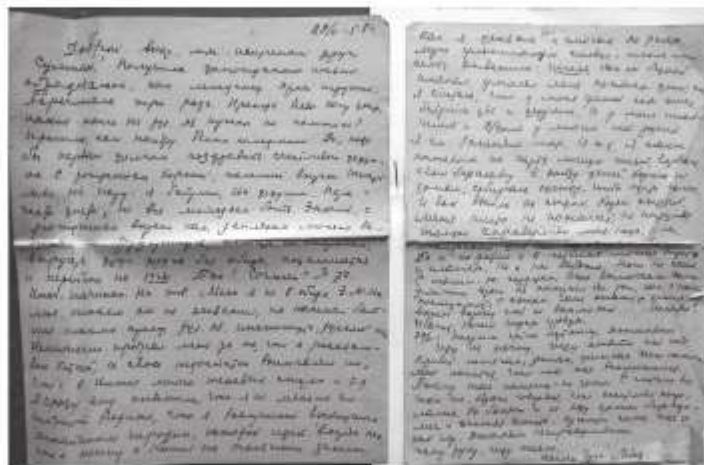


В июле 2014 года перевод был практически завершен. Рукопись и история о ней вошли в сборник «Поиски: горсть чернозема», который был выпущен издательством «Синьхуа» Китая в августе 2015 года и вошел в список крупнейших проектов фонда финансовой поддержки фундаментальных исследований Сычуаньского университета и Государственного фонда общественных наук.

В 2015 году Лю Юну исполнилось 55 лет.



Книга «Поиски: горсть чернозема» в Российском культурном центре в Пекине



Внутренний разворот писем Санинова

## В ПОИСКАХ РОДСТВЕННИКОВ: ХОТЬ РАЗ БЫ УВИДЕТЬСЯ В ЭТОЙ ЖИЗНИ

Сведениями о российских родственниках Саинова, в том числе и среди членов его семьи с китайской стороны, практически не располагали, когда члены Круга друзей, занимавшиеся переводом рукописей, с величайшим трудом смогли отыскать те немногие материалы, доступные для поиска, и вместо автора восстановить в самых общих чертах его биографию. Саинов родился 28 февраля 1893 г. в Оренбурге, в усадьбе Авдеева, расположенной в Неплюевском переулке. Оренбург находится в бассейне реки Волги и расположен на границе с Казахстаном в южной части России. Отец умер, когда Саинову было всего 3 года, после смерти супруга мать Саинова подрабатывала помощницей по дому, и на свой скудный доход растила и обеспечивала сына вплоть до 21 года, когда он получил 4-летнее педагогическое образование в педагогическом училище на станции «Давлеканово» (Уфимской губернии).

Держась за кончик этой путеводной нити, дети Саинова, совместно с членами Круга друзей и Лю Юном, в начале 2013 года решили обратиться в передачу «Жди меня», транслируемую по Центральному телевидению Китая, с просьбой помочь найти родственников в России, связь с которыми была прервана вот уже век назад. Результатов эти поиски не дали.

В октябре 2013 года Лю Юн и еще 9 человек, так или иначе связанных с поисками и с этой историей, среди которых был и правнук Саинова Ян Фань, решили ехать в Оренбург, чтобы, следуя маршруту Саинова, указанному в дневнике, попытаться самим на месте отыскать утерянных родственников. В России группу приняли очень хорошо, и

даже была найдена школа, в которой учился Ахмет Хусаинович. Однако поиск родственников, как и прежде, не дал результатов.

В эти дни в Оренбурге стояла глубокая осень – кругом рябины, сплошь увешанные кистями красных ягод, а под сенью старинных дубов белеющие цветки распутившихся хризантем. Именно отсюда, Ян Фань вез горсть чернозема, аккуратно завернув в черный платок горсть этой зернистой богатой земли и схоронив ее на груди, где, ускорив темп, билось его сердце, ощутившее вдруг близость родных кровей, ищущее и нигде их не находящее.

6 ноября 2013 г. на кладбище народности хуэй г. Чэнду, которое находится на Фениксовой горе, стояла безмолвная тишина. Здесь Лю Юн вместе с другими, сопровождавшими его в поездке в Россию членами поисковой группы, передал китайской семье, потомкам Саинова, горсть привезенного из Оренбурга чернозема. И дети Саинова, рассыпав его на могиле родителя, пожелали его душе вечного покоя, хранимого российской и китайской землей.

Съемочная группа документального фильма «В поисках Саинова» в октябре 2015 года помогла членам семьи вновь добраться до Оренбурга, куда на этот раз отправился другой внук Ахмета Хусаиновича Ша Фэй, которому удалось привезти новости о названии улицы и номере дома, где родился его дед, а также печатное издание воспоминаний Саинова на китайском языке. Русский профессор Любовь Викторовна помогла членам прибывшей группы заранее связаться с Ассоциацией «Оренбургский университетский (учебный) округ», а Володя – с руководством Оренбургского казачества и нужными чиновниками из администрации Оренбургской области. В первой половине 21 октября была, наконец, найдена начальная школа, в которой 100 лет назад учился тогда еще маленький Саинов (заведение располагается по адресу ул. Советская, д. 7, в настоящее время по-прежнему принимает в своих стенах любознательных малышей, и носит название Государ-

ственного бюджетного общеобразовательного учреждения основной общеобразовательной школы № 3), а также Неплюевский переулок, в котором когда-то жила его семья. Ша Фэй смотрел на чисто выкрашенное двухэтажное здание школы с чистыми окнами, в которых отражалось голубое небо, и из глаз его катились слезы: дед так и не смог исполнить свою мечту и вернуться на Родину, и вот теперь его любимый внук помог ему осуществить мечту, замкнуть кольцо!

Однако, как бы прискорбно это ни было, и в этот раз поиски родственников не увенчались успехом.

Из парка при Оренбургской мечети, которую часто посещал молодой Саинов, Ша Фэй привез горсть чернозема, которую потомки Ахмета Хусаиновича, собравшись вместе в 2016 г. в Чэнду на китайский Новый год, вот уже второй раз рассыпали на могиле своего предка, чтобы спустя 100 лет дать ему возможность прикоснуться к родной земле.



Оренбург, горсть чернозема

На этом история временно приостанавливается.

Со всей благодарностью и признательностью к нашему читателю, мы надеемся на вашу снисходительность. (Подробнее см.: «Поиски: горсть чернозема», версия на китайском языке). Особое внимание мы также хотели бы уделить упоминавшемуся не раз в книге «Кругу друзей русского языка», состоящему из лингвистов, любителей и энтузиастов. Группа существовала и до момента своего официального основания, которое было скорее мотивом и поводом, способствовавшим поддержанию, сохранению, приданию внушительности группе, содействовало продвижению общего дела; но что действительно упрочило ее, на наш взгляд, так это любовь.

Любовь – это та истина, та вера, которой Ахмет Шаинов, гражданин Китая российского происхождения, был верен всю свою жизнь; это наследие, передаваемое потомками его семьи от отца к сыну, от сына к внуку; это также духовная основа народов России и Китая, путь к истокам человеческой природы. Мы полны желания отметить и поблагодарить на страницах этой книги всех тех обычных людей с необычными судьбами, истории которых и по сей день будоражат наши сердца. Здесь мы неизбежно столкнемся с возможной затянутостью некоторых частей текста, надеемся, что вы сможете простить нас за это.

На этом долгом пути нам посчастливилось встретиться, пройти рука об руку через многие радости и горести, чтобы, в конце концов, поделиться с читателями этой удивительной историей, поделиться любовью, которой жил и в которую верил Ахмет Хусаинович Саинов!



Ша Фэй в поисках родственников



2015 год, наконец-то нашли! Именно здесь, на этой старой улице, 120 лет назад родился Саинов!



Короткая передышка поисковой группы в небольшой русской деревеньке, 2013 год



**ПРИЛОЖЕНИЕ**  
**БИОГРАФИЯ САИНОВА А. Х.**



## ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ И МОЛОДОСТЬ

Саинов родился 27 февраля 1893 г. в Оренбурге, в усадьбе Авдеева, расположенной в Неплюевском переулке. Оренбург находится вблизи бассейна реки Волги, теперь город принадлежит РФ.

По национальности – татарин (одна из ветвей национальности хузй).

Его отец – по национальности Хасан, был мелким служащим в государственной кассе, ушел из жизни в возрасте 33 лет, когда Ахмету Хусаиновичу было всего 3 года.

Мать Саинова, женщина по фамилии Ядеканова. По национальности она Сардианха. Была домохозяйкой. В 1937 г. она навсегда потеряла связь с сыном. После смерти супруга мать Саинова подрабатывала домработницей, и на свой скудный доход, претерпевая различные трудности и лишения, растила сына.

Старший брат Саинова Сали с 1917 г. начал службу в царской армии офицером, и с того же самого года братья навсегда утратили связь.

В 1901 году 7-летний Саинов стал посещать начальную школу, расположенную по соседству, а с 1905 по 1909 г. – среднюю школу; школьные расходы маленького Саинова оплачивал дядя со стороны матери, у которого она в то время подрабатывала на дому, потом дядя умер. (В средней школе у него был одноклассник Тадеев, впоследствии ставший уфимским адвокатом, а в царской России служивший поручиком в штабе 137-й дивизии).

В 1910 г. Саинов переезжает в Уфу, к мужу тетки со стороны матери, где около года занимается сельским хозяйством.

В 1910 же году Саинов поступает в училище, расположенное в близлежащей станции «Давлеканово» (Уфимской губернии), где сле-

дующие 4 года изучает основы педагогики. Директором училища в то время был Халитов. После окончания училища в 1914 г. Саинов становится учителем начальной школы Харьдана. (до Первой мировой войны работал учителем в селе Калтаево, а после войны в селе Биштяка 5 месяцев).

## ИСПЫТАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После начала Первой мировой войны семья Саинова переезжает в Казань, а Саинова, несмотря на педагогическую деятельность, царское правительство обязывает отбывать воинскую повинность, однако Ахмету Хусаиновичу удается отложить поступление на военную службу до 1915 г., мотивируя невозможность участия в войне отсутствием в семье других кормильцев.

В 1915 г. был отправлен на трехмесячные курсы подпоручиков в Чистополь, по окончании которых служил командиром взвода 152 резервной армии, базировавшейся в Хабаровске.

В 1917–1918 гг. был послан на передовой фронт, сражался с немецкой армией сначала в составе 105 пехотного полка, затем в составе 548 Чугуевского полка, затем в штабе 137 дивизии, в которой Саинов был избран председателем мусульманского дивизионного комитета. После первого собрания, Ахмет Хусаинович съездил в Казань, где накупил разных брошюр, книг и газет на татарском языке. Образовалась маленькая библиотека. Почитать газету и забрать книжечки приходили и солдаты из соседней дивизии. Саинов собственными глазами видел, как погибают его товарищи, видел, как солдаты бегут с фронта, как убивают своих же офицеров, дождался, наконец, и договора о прекращении боевых действий с немцами... Но даже столь долгожданное перемирие уже не могло стереть неизгладимый след, навсегда оставленный в его памяти ужасами и испытаниями Первой мировой войны.

После окончания Первой мировой войны, на основании приказа по Самарскому военному округу за № 53, как учитель, Саинов был освобожден от военной службы. Но с условием, что сразу необходимо приступить к учительствованию, получил документ – удостоверение на

четвертушке бумаги. Саинов отправился в село Биштяка (до Первой мировой войны работал преподавателем в селе Калтаево), где кроме основных предметов, он старался преподавать сельским ребятишкам «курс нравственности», воспитать их честными и трудолюбивыми.

## ИСПЫТАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

На следующий год после образования Российской СФСР, в 1918 году, в России началась гражданская война, в официальной летописи тех лет обозначенная как «мятеж белогвардейцев», после чего как белые, так и красные, начали масштабные кампании по призыву на военную службу. Саинов также был мобилизован – удостоверение об освобождении от военной службы не помогло, и уже совсем скоро вступил в ряды вновь образованного 16-го Уфимского белогвардейского татарского полка, сформированного в Бирске, на подводах дошли до села Бураево, где начались было строевые занятия, но совсем скоро был получен приказ ехать в деревню Кузбаево (сменить там заставу), участвовал в боях под Благовещенском, близ села Чишма, перешел через Белую реку, добрался до сел Малые и Большие Капшы. Позже, вслед за углублением линии фронта, вместе с полком ушел в Татарстан, сражался под Бугульмой, Давлеканово, Удряк-Башево (ныне – Удрякбашево), Чеборкаево, до тех пор, пока вся Уфимская область не была оккупирована красной армией, и белогвардейцы были вынуждены отступить.

После поражения царской армии Саинов, проведенный долгое время в походах, от постоянного недосыпания, существования в полуголодном состоянии и антисанитарных условиях, слег от тяжелой болезни. Мест в лазаретах не было, и госпитализацию, казалось, было практически невозможно устроить. У него совершенно испортились два зуба, анестезии, конечно, не было, и врач, дав указание медсестре держать пациента, вырвал их, как было. От боли у Саинова из глаз брызнули слезы.

Вскоре он вместе с другими больными и ранеными на военно-санитарном поезде был эвакуирован в тыл; поезд прошел через Челябинск, Иркутск, Хабаровск, Мариинск, однако дальше путь был закрыт, к тому же среди его товарищей по несчастью разразилась эпидемия брюшного тифа.

Тогда, не до конца еще поправивший здоровье, Саинов решил идти пешком. Шел долго, тяжело, пока, наконец, не добрался до Татарска (Новосибирская область), где, отделившись от воинских частей, шел сначала вместе с подводами и обозами бегущих от ужасов войны простых людей, затем с казаками. Позже – с конной разведкой 16-го Ишимского полка, куда он по спасительной случайности был зачислен на довольствие, и помогал караулить обоз, пока полк участвовал в боях. Так добрались они до занятого тогда чехами Иркутска, где по льду – стояла зима – перебрались на противоположный берег Байкала, в Листвянку.

Из последних сил Саинов с товарищами добираются до стоящей на границе с Китаем Читы. По прибытии командир батальона полковник Н. Н. Николаев решает отправить Саинова на передовую линию фронта. Ахмет Хусаинович, совершенно выбившийся уже из сил и ни за что не хотевший возвращаться на фронт, обращается к знакомому адъютанту, который находит Саинову место не то писаря, не то помощника у себя в канцелярии.

По прибытии в военный округ Антипиха, куда Саинов был отправлен для обучения курсу конного строя, обнаружилось, что многие занесенные в списки солдаты просто исчезли. После того, как он сам бежал в Маньчжурию (город Лубинь), секрет исчезновения людей открылся – именно сюда, в китайский приграничный город направлялись многие русские беженцы. Чтобы добыть средства к существованию сначала работали артелью по погрузке вагонов.

Как-то Саинов познакомился с одним татаринном, утверждавшим,

что они якобы давно знакомы. Татарин этот напоил Саинова допьяна, и обманом затащил на поезд, отправлявшийся в приграничную Даурию. Так, Саинов вновь был принудительно мобилизован в армию. Отбывая службу в стане белогвардейцев, он был назначен писарем в штаб командующего.

Прошло совсем немного времени, как Саинову вновь представился случай бежать в Маньчжурию. За несколько дней он добрался до Харбина, где тут же подвернулась работа.

В 1920 году, Саинов вместе с армейским товарищем, Мазитовым, пересек море и прибыл в Японию, где они побывали в нескольких городах и, потратив недели две, вернулись обратно в г. Шэньян.

После возвращения, по истечении месяца, выдав немного денег, сказали, чтобы люди сами налаживали свою жизнь.

## ХОЖДЕНИЯ ПО КИТАЙСКОЙ ЗЕМЛЕ – В ПОИСКАХ СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ

По приезде в Харбин Саинов смог немного перевести дух – здесь было много русских, и поиск работы не составлял больших трудностей. Однако беженцы все прибывали и прибывали, жизнь становилась сложнее, и Ахмет Хусаинович, вслед за другими искателями лучшей жизни, отправился на юг.

В 1921 году Саинов прибывает в Шанхай. Вместе с товарищами в складчину открыли бакалейный магазинчик, но, из-за расхождений во взглядах, разошлись со своими компаньонами, тогда начали торговать в разнос текстилем, однако, скоро началась конкуренция между разносчиками, многим пришлось разъехаться по провинциям. Компания, где трудился Саинов, также решила послать своих разносчиков вглубь страны – так Ахмет Хусаинович с тремя товарищами отправился в провинцию Сычуань.

Для того, чтобы доставить одеяла в Сычуань, они отправились вверх по реке Янцзы, но, когда приехали в контролируемый англичанами г. Цзюцзян, весь их груз был арестован таможей. Трудностей добавил неписанный приказ для всех гостиниц отказывать русским в постоялом дворе. Ситуацию спасли внесенные в качестве «таможенной пошлины» 75 серебряных юаней. Торговля к тому же была делом действительно опасным.

Саинов, для которого честь и совесть были превыше всего, полагал, что люди должны стараться всячески противодействовать сложившимся в среде торговцев негласным «нормам», которые только способствовали наживанию друг на друге, бесконечным уловкам и обманам, конфискации и вымогательству последних средств у клиентов,



что зачастую ставило клиентов в безвыходное положение. А потом Саинов услышал, что на реке Янцзы промышляет банда, которая часто грабит и убивает людей, поэтому решил, что занятия торговлей не для него и что больше он не будет ей заниматься. В 1924 году вернувшись в Шанхай, на свои скромные сбережения купил учебники по ремонту машин внутреннего сгорания, которые стал серьезно изучать и поступил на «Курсы шоферов-механиков», которые были открыты в Шанхае при одном гараже двумя братьями Маринычами, приехавшими из Франции. Научился шоферить, но с работой было сложно.

После окончания учебного курса, знакомый Ахмета Хусаиновича предложил порекомендовать его одному иностранному гаражу. Саинов согласился на эту работу – гараж «Мэйсинь» в Ханькоу, открытый американцем, с зарплатой в 15 серебряных юаней в месяц. Там он работал не покладая рук, стараясь скорее научиться гаражно-ремонтному делу, интересовался всем и ко всему приглядывался. В то время автомобилей в Китае было мало, все они были импортного производства и в Китай ввозились в разобранном виде. В служебные обязанности Саинова входило собрать автомобиль и доставить его до дверей покупателя. Саинов официально получил водительское удостоверение, начальник поднял ему зарплату, и поручил производить обкатку автомобилей перед продажей. Чуть позже Саинов был переведен на зарядку и ремонт аккумуляторных батарей.

Летом-осенью 1924 года (согласно рукописи – 1923 год, однако в действительности это было в 1924 году) пути Ахмета Хусаиновича сошлись с Бородиным – человеком, оказавшим значительное влияние на ход истории китайской революции. После вспышки революционного движения на юге Китая под руководством Сунь Ятсена, Бородин был направлен Коминтерном в Китай в качестве своего представителя, советское руководство также направило его в Гуанчжоу в качестве своего представителя в Национальном правительстве, а ЦИК Гоминьдана

пригласил его в качестве политического советника. Бородин отправлялся в Гуанчжоу, чтобы участвовать в реорганизации Гоминьдана, впервые попытаться организовать союз между партией Гоминьдан и китайскими коммунистами. Путь Бородина лежал через Ханькоу. Его сопровождали генерал Ален и несколько советских летчиков. Бородин посетил СТО (станция технического обслуживания) «Мэйсинь» в Ханькоу, где работал Саинов и другие механики родом из России, покинувшие родные края много лет назад. Он беседовал с механиками о том, что сейчас происходит в советской России, пытался сподвигнуть ребят вернуться и вместе со всеми участвовать в «социалистическом строительстве». Бородин также хотел приобрести для своей жены автомобиль в таксомоторной компании, где работал Саинов, но так, в конце концов, и не купил его.

В то время противостояние политических сил оставалось очень напряженным, результатом чего стал неожиданный арест нескольких русских. Совершая осмотр полицейского участка, Бородин обнаружил задержанных и помещенных в тюрьму русских, которые, благодаря его вмешательству, были тут же выпущены на свободу.

После отъезда Бородина из Ханькоу опасность быть арестованным каждую минуту нарастала. Тогда Саинов и его товарищи, дабы избежать непредвиденной опасности, под предлогом болезни добиваются у начальства разрешения на отпуск и спешно направляются в Шанхай. Начальство, связавшись с английским пароходом «Хенвис» и получив разрешение, поручает механикам сопровождать три новых грузовика.

В Шанхае Саинов поступил в артель по наблюдению за погрузкой и разгрузкой морских пароходов, входивших в порт Шанхай. Раз он был очевидцем погрузки контрабанды на норвежский пароход. А однажды выпил грязной воды и провалялся в госпитале больше месяца, заработав дизентерию, а после выздоровления вернулся в Ханькоу.

После пяти с половиной лет работы в Ханькоу, в 1929 году начальство решило отправить Саинова в Чунцин, в только что открытый там филиал. Там его ждало повышение до должности главного механика и зарплата в 200 серебряных юаней. В то время такие деньги считались солидной суммой.

В это время в мастерской случился инцидент – один молодой работник, мальчишка из Владивостока, тайком вынес и продал 10 аккумуляторных батарей. Вина за кражу была возложена на Саинова. Ахмет Хусаинович четко дал понять, что кража аккумуляторов – не его рук дело, после чего по собственной инициативе возместил полную стоимость украденного – ни много ни мало, а 100 серебряных юаней.

Впоследствии, после поимки воришки, пошатнувшаяся было репутация Саинова, была восстановлена.

В 1931 году в Чунцине Ахмет Саинов женится на девушке-мусульманке национальности хуэй по фамилии Лань. Через год после свадьбы жена Саинова забеременела, но, получив заражение крови, скончалась вместе с не успевшим увидеть свет младенцем. В 1933 году Ахмет Хусаинович вступает в брак во второй раз, беря на этот раз в жены младшую сестру первой жены – Лань Сяомэй, которая родила Саинову 4 детей. Вместе они прожили долгую и счастливую жизнь.

Саинов продолжал трудиться в чунцинском филиале таксомоторной компании «Мэйсинь», где проработал около 6 лет, до 1934 года, когда главной конторой для Нанкинского правительства были приобретены аэропланы. Нанкин отказался выкупать технику, контора также не могла выкупить заказ, ее опечатали, все перешло в ведение Китайского банка, а служащие остались без работы. Саинов тоже остался без работы.

## КАПИТАН 3-ГО РАНГА, ТЕХНИК СЫЧУАНЬСКОЙ ДИВИЗИИ В ГОДЫ АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Во второй половине 1934 года Саинов был откомендован на службу в 21-ю армию под руководством Лю Сяна, где он служил в звании майора, получал жалование в 100 серебряных юаней ежемесячно и выходил на работу два раза в неделю. В его обязанности входило техническое обслуживание двух купленных в Англии бронемашин и пяти тракторов, а также обучение молодых водителей танкеток езде на мотоцикле.

В мае 1935 года Саинов впервые получает китайское гражданство, ему выдают «Свидетельство о вступлении в гражданство № 49 от Министерства внутренних дел».

Вскоре 24-я армия Лю Вэнхуэя, в то время владевшая городом Чэнду, начала войну с 21-й армией Лю Сяна, владевшей городом Чунцин. Тяжелая техника не могла перемещаться по непредназначенным для этого местным дорогам и мостам (хотя Саинов считал, что мосты могут выдержать давление, но необходимо провести испытания). Тогда Лю Сян, считая, что от отряда бронетехники нет прока, решил расформировать эту часть. Саинов отслужил у Лю Сяна всего около года, и вот он вновь оставался без работы.

Тогда Саинову поступило предложение о работе из Канадской дипломатической миссии, где имелась вакансия водителя при госпитале в храме; ездить в основном нужно было по маршруту Чэнду-Чунцин. Так Ахмет Хусаинович стал водителем при храме; зарплата по-прежнему была 100 серебряных юаней, пропитание и плата за постой воз-

мешались. Единственное, чем был недоволен Ахмет Хусаинович, так это отсутствием помощника, которого другие работники имели, а также необходимостью зачастую самому разгружать машину. Ведь, случись что в дороге, некого даже попросить помочь. Миссия согласилась на помощника, но только с одним условием – питание и проживание будут оплачены, но зарплаты для него не будет. Тогда в помощники Ахмет Хусаинович взял братишку жены, разрешив тем самым вопрос трудоустройства молодого человека, который стал интересоваться машинами, полюбил это дело и потом так и работал в ремонтно-гаражном деле.

Саинов успел отработать не больше года, как началась антияпонская война, от Лю Сяна был прислан офицер, который заявил, что Саинов де, изначально член танковых войск, к тому же гражданин Китая, что обязывает его нести военную службу. Ему было велено явиться в город Чэнду в управление штаба Канцелярии дубаня (военного губернатора). Причина столь внезапной мобилизации Саинова состояла в том, что управление приобрело 35 грузовых автомобилей марки Форд нового образца и 15 легковых автомобилей различных марок; в штабе испытывали острую нужду в водителе и механике. Ахмет Хусаинович был назначен старшим механиком с прежним жалованьем в 100 серебряных юаней в месяц и в прежнем звании майора. Он возглавил корпус из 20 учеников, служащих в 21-й танковой дивизии.

На бывшее место работы шофером при госпитале Саинов порекомендовал другого русского, этого человека звали Вэй Лисэнь.

В июле 1937 года было официально объявлено о начале войны против японских агрессоров. В ноябре Саинов получил приказ явиться в Нанкин в командный штаб 7-го района боевых действий с назначением на должность техника высшего разряда. Начальник сказал ему: «Захвачено много японских танков, но никто не может с ними разобраться, ты должен поехать в Нанкин». Вместе с ним в Нанкин отпра-

вились пять курсантов, две бронемашины, несколько легких танков и пять командиров и водителей.

22 ноября 1937 года рано утром все вместе на междугородном автобусе отправились в Чунцин, в Чунцине пересели на пароход «Миньлай», 7-го декабря, добравшись до Ичана, вновь пересели на пароход «Тайсин», и предрассветным утром 10 декабря прибыли в Ханькоу. До массовых убийств японцами в Нанкине оставалось лишь три дня.

Они узнали, что командный штаб из Нанкина уже переведен в Ханькоу, куда посланники Лю Сяна и отправились доложить о прибытии. (Саинов с одним учеником был оставлен в Ханькоу при штабе для ремонта штабных автомобилей, а остальные отправлены дальше на фронт).

20 января 1938 года в восемь вечера произошел критический для всего хода войны момент – Лю Сян скончался от болезни в Ханькоу.

Штаб Лю Сяна и гроб с его телом переправили в Чэнду, ничего не сказав и не предупредив людей из команды Саинова, оставив им пять машин.

На самолете прилетела жена умершего Лю Сяна, зафрахтовала один пароход и, погрузив весь штаб и гроб с Лю Сяном, уехали.

Не прошло и нескольких дней после случившегося, как три из пяти машин бесследно исчезли. Саинов стал думать, что если дело так и пойдет дальше, то не останется ни одной машины (а вместе с ними исчезнет и повод вернуться в Чэнду). И тогда он заявил начальству, что беретсЯ доставить одну из двух машин в Чэнду.

Ему было просто необходимо вернуться в Чэнду – город, где его ждали жена и дети. Вместе с ним вызвались поехать еще несколько человек. Совершив необходимые приготовления к дальнему пути, в конце января 1938 года команда отправилась с двумя машинами из Ханькоу.

Стоит ли говорить о том, что в дороге они испытали бесчисленные трудности, они добирались и по суше, и по воде, и потом снова по суше, проведя в пути 2 месяца, 24 марта прибыли, наконец, в Чунцин. Доставленная в Чунцин Саиновым техника была конфискована командным штабом, после чего начальство отпустило их, предоставив полную свободу действий.

Так машина, вывезенная буквально из-под носа японских агрессоров, спасенная от продажи, с таким трудом доставленная в Чунцин, была незаконно конфискована в пользу штаба.

5 апреля, после почти полугодичного отсутствия, Саинов возвращается домой в Чэнду к измученным от постоянного волнения родным и близким. Вскоре Ахмет Саинов вновь поступает на службу в 21-ю армию, которая в то время находилась уже под руководством Дэн Сихоу, и продолжает служить механиком при штабе командующего на прежних условиях с зарплатой в 100 серебряных юаней.

Примечание: Совершенно ни о чем не подозревая, Саинов стал членом Гоминьдана, ему даже был выписан партийный билет.

Согласно записи от апреля 1936 года в полицейском отделении г. Чэнду:

Саинов, пол муж., 42 года, в Чэнду с марта 1936 года, проживает по улице Чжаочжунцы, д. 89, инженер-механик в управлении Штаб дубаня (военного губернатора), жена Лань Сяомэй, 20 лет, родом из уезда Басянь, Сычуань, сын Мо Кэянь, 2 года. Ежемесячный доход: 100 серебряных юаней. В 1918 г. по причине гражданской войны в России прибыл в Китай, паспорта при себе не имеется; в 1935 г. правительством г. Чунцин был выдан паспорт, № 295.

Есть и записи о родителях и младшем брате жены!

## ДОМ СВОИМИ РУКАМИ, В ЧЭНДУ НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА

В 1938 г. Саинов возвращается в Чэнду и планирует обосноваться здесь на постоянное место жительства.

Ахмет Хусаинович приобретает принадлежавший командиру Сычуаньской дивизии Ма Дэчжаю участок заброшенного кладбища в районе Сичэн, который носил название «Мацзяхуаюань»<sup>1</sup>, другое название «Иньдиба»<sup>2</sup>. Денег не хватало, пришлось платить частями – сначала внесли основную часть суммы, а остаток выплачивали, откладывая понемногу из ежемесячного дохода. Собственными силами при помощи домашних Ахмет Хусаинович построил дом в семь комнат (четыре комнаты укрыты тростниковой крышей и 3 – черепицей), выкопал колодец и противовоздушную щель. После оплаты всей суммы, право на землю перешло к Саинову. С этого же дома началась и история переулка «Тунчэсян», в котором двор № 9 (дом Саиновых) стал первым строением. Позже Ахмет Хусаинович снабдил все дома на своей улице номерными табличками.

После победы в войне сопротивления японским захватчикам воинские части были сокращены, часть, в которой числился Саинов, была расформирована, и он уволился по собственному желанию. Другие работники были также распущены.

После увольнения Ахмет Хусаинович снял возле мечети небольшое помещение и, вместе с уроженцем уезда Пэнси<sup>3</sup> Чэнь Юйцином, открыл маленькую мастерскую по ремонту машин. Со временем Чэнь

1 «Парк семьи Ма»

2 «Тенистая горная равнина»

3 Уезд городского округа Суйнин провинции Сычуань



Юйцин стал принимать на работу своих родственников, и партнерство двух товарищей переросло в семейное дело семьи Чэнь, бывший партнер превратился в начальника, а Ахмет Хусаинович отошел на второй план, превратившись в рядового работника.

Саинов, великодушный человек, смог продержаться в мастерской еще два с лишним года. Когда работа там стала невозможной, Ахмет Хусаинович, по рекомендации одного знакомого европейца, устроился в открытую одним иностранцем гостиницу, где получил работу личного шофера одного американского доктора по фамилии Гун. Шел 1948 год. Через 10 месяцев произошло освобождение Китая, международные отношения претерпели глобальные изменения, все иностранцы покинули пределы Китая, а гостиницу, где работал Саинов, ликвидировали, и он вновь потерял работу.

После ликвидации гостиницы проработал год у частного владельца четырех автобусов, курсирующих по маршруту Чэнду-Чунцин, ремонтируя эти машины. На этой работе Саинова застало освобождение города – в декабре 1949 года Народно-освободительная армия Китая вошла в Чэнду, провозгласив установление нового политического режима.

После этого Саинов начал преподавать русский язык в многих местах в Чэнду. Например, в Доме молодежи (знакомство устроил Цай Шуньши), в администрации Сычуаньского военного округа (пригласил товарищ по фамилии Сюн из военного округа), в Институте Дачуань (по приглашению Сюн ЦзыХ), в Северо-западной средней школе при Институте Дачуань (по рекомендации Хань Иминя), в Университете Чэнхуа (благодаря знакомству с Чэ Чэном), в Университете Хуаси и профсоюзе (по рекомендации Ван Чунчана), в пяти организациях, находившихся в ведении Управления железных дорог (по рекомендации Ван Цунжана) и в других местных учебных заведениях и организациях, которые приглашали Ахмета Хусаиновича в качестве преподавате-

ля. Были у него и ученики на дому.

В то время частное предпринимательство было повсеместной практикой, а кооперативная экономика стала показывать невероятные результаты. Люди присоветовали: вместо того, чтобы бегать по разным местам, не лучше ли устроиться куда-нибудь в школу – мол, так оно спокойнее будет.

Так с февраля 1952 года Саинов стал преподавать русский язык в Средней общеобразовательной школе № 7 г. Чэнду. Ахмет Хусаинович получил педагогическое образование еще в царской России и был определен на работу сельским учителем. Уже тогда его тянуло к этой благородной профессии. И вот, наконец, представился случай вновь заняться горячо любимым делом. Радости его не было предела.

Объем работы в школе был большой. В неделю было 20 часов уроков, проведение еженедельных диктантов в каждом классе и проверка домашних заданий. Вечером нужно было готовиться к урокам следующего дня, проверять тетради учащихся, работы было так много, что не оставалось времени на отдых. Потом Ахмет Хусаинович подготовил 4 учителей английского языка к преподаванию русского языка и прибыли новые учителя, окончившие педагогические курсы, работать стало легче – меньше уроков и меньше тетрадей для проверки.

В этой школе Саинов проработал 7 лет, вплоть до 1959 года.

## И СНОВА ПОЛУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА

После образования КНР советско-китайские отношения вступили в период своего расцвета, дружба между двумя государствами крепла, и как-то кто-то из знакомых сообщил Саинову, что новое правительство проводит такую политику, когда каждый бывший гражданин СССР может подать заявление для возврата на Родину. Эта новость стала для Ахмета Хусаиновича ударом – неужели он не мечтал вернуться в родные края, вновь увидеть родные просторы, найти дорогих, оставленных когда-то родных людей...

Однако все не так просто. В 1950 году Саинову было 57 лет, конечно, он был уже не тот лихой солдат, когда-то прорвавшийся через границу, теперь, к тому же будучи человеком семейным, он должен был думать и об интересах и проблемах своей семьи. Мать его жены – уже старушка, жена же не умеет изъясняться по-русски, детям при переезде необходимо было бы адаптироваться к новым условиям, долго привыкать, к тому же младшая дочь – девочка от рождения слабенькая, болезненная, и т. д.

Детям Ахмет Хусаинович сказал: «Если думать о возвращении в Советский Союз, то прежде всего надо сказать, что годы мои немаленькие, просто взять и переехать уже совсем не так просто. Кроме того, никто из вас по-русски не говорит, в России из-за этого может возникнуть много проблем и преград. В-третьих, правительство Китая решило избрать путь развития, подобный Советскому Союзу, у них дела идут хорошо, и у нас также со временем будет хорошо».

В кругу семьи обсуждал: «Мы тогда уж у себя в Чэнду, дома, будем своим трудом строить свою жизнь, и будем пожинать плоды своего

же труда, разве так не лучше будет?» Заканчивая монолог, прибавлял: «Нет, не едем никуда, остаемся в Китае!»

Дети помнят взволнованный тон отца, как когда-то и описывала этот эпизод однокласснику младшая дочь Ша Лили, «тон героический, решительный».

В 1955 году Ахмет Хусаинович Саинов во второй раз получает китайское гражданство, вновь проходит процедуру перерегистрации. В заявлении на получение гражданства КНР Саинов написал нижеследующее (текст сохранен и переведен без изменений с сохранением пунктуации):

Я иммигрант проживаю в Китае уже тридцать шесть лет жена моя Лань Сяомэй гражданка КНР детей четверо нажил небольшое имущество с родными и близкими вот уже много лет не поддерживаю связи необходимости возвращаться на Родину нет в настоящее время иммигранты обеих стран как СССР так и КНР свободны выбирать себе гражданство Советский Союз уже достиг значительного успеха на пути от социалистического общества к коммунизму если я и вернусь на Родину мне ни за что не поспеть за такими темпами развития полон решимости обосноваться в Китае и под руководством нашего вождя Мао Цзэдуна и КПК упорно идти к прогрессу и быть хорошим китайским народом в соответствии с регламентом ведомства иностранных дел данного города о подаче прошения на получение гражданства к заявлению прилагаю автобиографию в количестве одна штука прошу рассмотреть и утвердить удостоивание меня званием гражданина КНР

С уважением бюро гражданской администрации Народного комитета г. Чэнду

Заявитель: Саинов  
19.05.1955

Приложение: автобиография одна шт.

Государственный совет КНР подписал заявление Саинова, присвоив порядковый номер «00737». 31 августа 1955 года подтверждение о получении гражданства было выслано на дом заявителю.

В 1959 году, для того чтобы поддержать определенную тогда в провинцию Шаньси, г. Тайюань жену, Саинов переводится на Авторемонтный завод локомотивного депо железной дороги того же города, что и супруга, где занимается техническим обслуживанием двигателей внутреннего сгорания. Здесь он проработал вплоть до ноября 1961 года, после чего, в возрасте 68 лет, ушел на заслуженный отдых.

В период Культурной революции Саинов отправился в провинцию Шаньси, чтобы быть рядом с еще работавшей женой и заботиться о подрастающих внуках.

В 1970 году Ахмет Хусаинович вернулся в Чэнду, где до самой смерти прожил в доме № 9 по переулку «Тунчэсян», и в 1984 году скоропостижно скончался.

Саинов Ахмет Хусаинович прожил в Китае 65 лет. На протяжении всех этих лет он вместе с китайским народом плечом к плечу преодолевал все бури и невзгоды тех лет; он стал частью китайского общества, которое, в свою очередь, стало его второй Родиной, и здесь, в прекрасном городе Чэнду, таком гостеприимном и толерантном, он встретил свою старость.

## ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жизнь Саинова отразила глубокое осознание смысла существования и его непреодолимую страсть к жизни.

Саинов, простой обычный человек, преодолел не только географическую, но и духовную российско-китайскую границу, и за почти один век, словно чужестранное дерево, каким-то образом занесенное на новую землю, обосновывался, старательно учился, сцеплялся, и, в конце концов, врос корнями в китайскую почву, укрепился и продолжил творчество жизни, воплощение ее истинного смысла.

Жизнь Саинова – это история борьбы за выживание в переломную эпоху, где ярко проявила себя полная достоинства, доброты, бесстрашия, выносливости и сострадания природа простого человека, и отразила звучавшие лейтмотивом эпохи мир и дружбу, гармонию и созидание.

Бай Мэйцзянь, Лю Юн и другие когда-либо проходившие обучение у Саинова молодые люди, стали знакомы благодаря своему учителю. До глубины души пораженные подробностями его жизни, описанными в дневнике, в конце концов, объединились в одну команду, которая с большой эффективностью осуществила перевод рукописи, они, словно бы предопределением самой судьбы, были сведены все вместе. Предопределение это имеет двадцатилетнюю историю, а некоторые члены команды работали вместе и все 30, 40, 50, и даже 60 лет!

Организованное членами этой группы путешествие «В Россию за десять тысяч ли в поисках родных Саинова», кроме досады от так и не найденных родственников, в целом можно считать предприятием во всех аспектах положительным и принесшим людям радость и положительные эмоции. Во время поездки членам группы удалось испытать

на себе русское гостеприимство, увидеть воочию бескрайние российские просторы, глухие леса, богатейшие ресурсы, многовековую культуру, тонкое искусство, разглядеть, как народ переосмысливает свою, принесшую столько скорби и горя, историю России, почувствовать, насколько же все-таки велик русский народ.

Поиски не были завершены, кроме того, они все еще продолжают-ся, постепенно расширяя и углубляя свой диапазон. В последние годы российско-китайские отношения и на правительственном уровне, и между народами двух стран сблизилась как никогда. И в случае, если это может быть на пользу странам и народам, любая народная инициатива получит правительственную поддержку, а правительственная инициатива «пойдет в народ».

15 мая 2013 года в городе Ухань впервые состоялась официальная встреча региональных руководителей районов верхнего и среднего течения реки Янцзы и Приволжского федерального округа. Начиная это можно образно охарактеризовать как «историческое слияние» рек-матушек двух великих стран. После двусторонних переговоров было вынесено решение и сформирован механизм взаимодействия двух регионов с ежегодным поочередным (в Китае и России) проведением заседаний. Руководителями обеих сторон были приняты решения по расширению двусторонних межрегиональных договоренностей, а также стимулированию сотрудничества между внутриконтинентальными, не примыкающими к границе регионами.

12 октября 2014 года во время визита в Россию китайского премьер-министра Ли Кэцзяна на страницах «Российской газеты» была опубликована статья китайского политика под заголовком «Китай и Россия: широки перспективы дружбы и сотрудничества». Ли Кэцян отметил: «Китайско-российская дружба, которая своими корнями уходит в далекое прошлое, наполняется ныне новым содержанием современности», он также подчеркнул углубляющееся день ото дня культурное

сотрудничество двух стран, активизацию культурно-гуманитарных обменов двух стран, факт достигшего цифры свыше 3 миллионов человек ежегодного туристического потока, углубление двустороннего культурно-экономического сотрудничества в будущем.

Для членов группы, осуществлявших поиски в течение более 20 лет, отдавших делу так много собственных душевных сил и энергии, этот год также был ознаменован значительным успехом – наконец вышла в свет книга «60 лет: китайская история одного россиянина».

В 1994 году Лю Юн и приехавший в Чэнду по работе русский профессор Любовь Викторовна Фарисенкова случайно обнаружили «столетнюю рукопись». После этого Лю Юн запросил разрешение у телеканала г. Чэнду на съемку репортажа, а также, заручившись поддержкой Отдела по иностранным делам провинции Сычуань, добился утверждения решения сычуаньского телеканала выделить журналистов для сопровождения правительственной делегации КНР в ее поездке по России. Во время поездки было подписано соглашение о сотрудничестве с телеканалом Московской области, а также Москва была приглашена для принятия участия в съемках картины «60 лет учителя из далекой России Саинова в Чэнду». Однако из-за распада СССР проект не мог быть осуществлен.

В 2012 году во время своего второго визита в Чэнду профессор из России Любовь Викторовна вновь поставила вопрос о переводе и продвижении рукописи Саинова.

В целях ускорения продвижения проекта Круг друзей русского языка сформировал проектную команду и, при всемерной поддержке телеканала Чэнду, а также телеканала Дуцзяньянь (городской уезд провинции Сычуань, КНР), смог организовать визит в Россию под девизом «В поисках родных за 10 тысяч ли». В путь отправились бывшие ученики Саинова, родственники и другие, имеющие отношение к данной истории члены Круга друзей (всего 10 человек). Отдел по



иностранным делам провинции Сычуань в очередной раз оказал значительную поддержку.

«Группа поиска родных Саинова» побывала в Москве, Оренбурге, Ульяновске и других городах России, одновременно нанося визиты работникам, способным оказать содействие в поисках организаций, приглашая заинтересованные стороны к сотрудничеству, при этом продолжали проводить перевод рукописи, сбор телевизионных и других материалов.

После возвращения в Чэнду группой был проведен новый раунд поисковых работ, которому всемерно содействовали родственники Саинова, не только предоставив материалы, способные служить зацепками для продолжения поисков, но также согласившихся принять участие в многочисленных интервью и репортажах. Благодаря содействию бывших учеников Саинова, в особенности учеников и преподавателей средней общеобразовательной школы № 7 – Шэнь Цзихуна, Инь Чанмина, Люй Цзиня, Линь Вэньсюня, Ян Вэйцзэна, Лань Тая и других, удалось значительно дополнить, обогатить и оживить образ Ахмета Хусаиновича.

В то же время из Круга друзей русского языка была сформирована переводческая команда, члены которой, используя личное свободное время, смогли завершить перевод рукописи на китайский язык.

Специалист по истории литературы Сунь Даньнянь из Чунцина и писатель Цзэн Сяоцзя привели в порядок черновики переводов, занимались обработкой исторических документов, многократно вносили поправки и работали над общей композицией текста.

Шло время, масштабы поисков ширились, процесс редактирования принимал причудливые обороты, то затихая, то вновь возобновляясь. Начатый в 1994 году с обнаружения рукописи процесс ее перевода занял 20 долгих лет. Значительную роль в этом проекте также сыграли предоставление членами семьи Саинова рукописи для перевода,

надежды и ожидания члена Совета при Президенте по русскому языку, декана филологического факультета «Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина», доктора наук Фарисенковой Любови Викторовны, содействие авиаинженера из Ульяновска Кириллова Владимира Александровича, усилия, приложенные Ян Чжиханем при переводе рукописи на китайский язык, упорный труд членов Группы любителей русского и китайского языков, а также поддержка и бескорыстный труд Ван Цзиньжун, Гао Дэвэня, Чжоу Бочжэна, Ли Чжицяна, Сун Лисиня, Чжап Бэй, Ню Цзиньшэна, Лю Юйлуна, Ли Сяоцин, У Даньцин, Ли Бо, Ян Чжихань, Ду Цзяньхуа, Ху Цзимица, Линь Цяна, Ли И, Лю Сыцин, Хуан Синчжоу, Чжао Хунся, Ян Синя, Цзян Фэнъин, Ян Маолин, Солодянкиной Любови, Санкина Тимура Владимировича, Тома Павла Станиславовича, Сапуновой Ольги и других специалистов русского языка и его любителей.

«Пути государств пересекаются, народы сближаются» – эта фраза лидера КНР председателя Си Цзиньпина применима ко всем странам. Народы всех стран оказывают непрерывное постоянное содействие политическому, экономическому, культурному и гуманитарному обмену. Результаты этого обмена между старшими поколениями различных государств могут продолжать приносить свои блистательные плоды, взаимодействие же представителей нового поколения может дать новые молодые победы.

图书在版编目 ( CIP ) 数据

出版指导: 解 琛

俄文翻译: 苏跃敏

责任编辑: 芦宏伟

封面设计:

印刷监制: 冯 浩

## 60 年: 一个俄罗斯人的中国传奇

刘 勇 编 著

出 版 人: 徐 步

出版发行: 外文出版社有限责任公司

地 址: 北京市西城区百万庄大街 24 号 邮政编码: 100037

网 址: <http://www.flp.com.cn> 电子邮箱: [flp@cipg.org.cn](mailto:flp@cipg.org.cn)

电 话: 008610-68320579 (总编室) 008610-68996181 (编辑部)

008610-68995852 (发行部) 008610-68996183 (投稿电话)

印 制:

经 销: 新华书店 / 外文书店

开 本: 787mm × 1092mm 1/16

字 数:

印 张:

版 次: 2017 年 4 月 第 1 版第 1 次印刷

书 号: ISBN 978-7-119-10989-3

定 价: 128.00 元

---

版权所有 侵权必究 如有印装问题本社负责调换 (电话: 68996172)